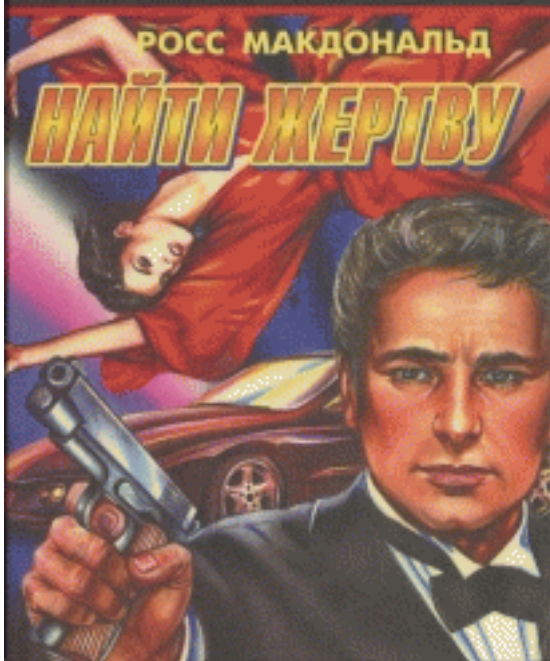

МАСТЕРА
ОС РОСЮЖЕТНОГО
ДЕ РЕКТИВА

РОСС МАКДОНАЛЬД

НАЙТИ ЖЕРТВУ

Росс Макдональд
Найти жертву
Серия «Лью Арчер», книга 5

OCR Сайт любителей приключений: <http://rraymond.narod.ru/>

<http://mysuli.aldebatan.ru>

*Росс Макдональд. Найти жертву: Центрполиграф; Москва;
1997*

ISBN 5-218-00609-2

Оригинал: RossMacDonald, "Find a Victim"

Аннотация

Лу Арчер обнаруживает в кювете одной из дорог Южной Калифорнии человека, умирающего от пулевого ранения в грудь. Убийства всегда были не по душе Арчеру, по этой причине он берется безвозмездно расследовать преступление.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	68
Глава 8	75
Глава 9	86
Глава 10	99
Глава 11	110
Глава 12	120
Глава 13	129
Глава 14	136
Глава 15	149
Глава 16	162
Глава 17	170
Глава 18	180
Глава 19	191
Глава 20	204
Глава 21	212
Глава 22	228
Глава 23	235
Глава 24	241

Глава 25	250
Глава 26	262
Глава 27	265
Глава 28	268
Глава 29	277
Глава 30	282
Глава 31	288
Глава 32	298

Росс Макдональд

Найти жертву

*Один человек боялся, что может найти
убийцу;*

Другой – что может найти жертву.

Первый был разумнее второго.

Стивен Крейн¹

Посвящается Айвену фон Ауву-младшему

Глава 1

Это был самый жуткий тип из всех, кто когда-либо останавливал мою машину на дороге. Он поднялся на коленях в кювете. Его глаза казались черными дырами на желтом лице, а рот – ярко-красным пятном, словно намалеванная улыбка клоуна. Подняв руку, он потерял равновесие и снова упал лицом вниз.

Я нажал на тормозную педаль и проехал сотню ярдов задним ходом к тому месту, где лежал темноволосый мужчина в джинсах и серой рубашке. Он был неподвижен, как мертвец. Но присев рядом с ним на корточки, я услышал булькающее дыхание.

Придерживая рукой ему голову, а коленом – бедро, я перевернул мужчину на спину. На губах его лопались алые пузырьки. На серой рубашке темнело мокрое пятно. Расстегнув ее, я увидел среди влажных волос на груди круглую дырку, откуда еще текла красная струйка.

Я снял пиджак и разорвал свою рубашку. Накрыв материей пулевое отверстие, я обвязал тело галстуком. Раненый пошевелился и вздохнул. Его веки дрогнули над тусклыми черными глазами. Это был совсем молодой человек, но он умирал.

Я посмотрел на юг, потом на север. Ни машин, ни

домов – ничего. После транспортной пробки к северу от Бейкерсфилда я не встретил почти ни одного автомобиля. Был один из тех промежутков времени, когда слышишь только биение сердца, отсчитывающее минуты жизни. Солнце скрылось за прибрежными холмами, и долину окутали сумерки. В небе быстро, как ветер, пролетела стайка дроздов.

Я поднял раненого, положил головой себе на грудь и отнес его к машине. Он не был ни крупным, ни тяжелым, но настолько обмяк, что с ним было нелегко справиться. Я уложил его на заднее сиденье, прислонив голову к сумке, чтобы он не задохнулся, и накрыл шерстяным одеялом.

В таком положении раненый проехал шесть миль. Я повернул зеркальце так, чтобы не упускать его из виду. Когда стемнело, лицо мужчины сделалось еле различимым.

Я проехал указатель: «Кэмп-Фримонт. База морских пехотинцев США». Вдоль шоссе тянулась ограда на случай урагана. За ней к холмам на горизонте тянулись ряды бараков. Нигде не было заметно никаких признаков жизни. Сборные ангары из гофрированного железа, принадлежавшие соседней авиабазе, походили на курганы, сооруженные вымершей расой гигантов.

Наконец впереди появились огни. Я увидел неоновую желто-зеленую надпись: «Керриганс-Корт. Мотель высшего класса», остановился перед ярко освещен-

ным вестибюлем и вошел внутрь.

Светлая фанерная мебель была обита зеленым заменителем кожи. Сидящая за регистрационным столом блондинка устремила на меня взгляд узких голубых глаз, и я вспомнил о своей голой груди. Я застегнул пиджак и направился к столику.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – равнодушно осведомилась женщина.

– Человек у меня в машине срочно нуждается в помощи. Я принесу его, а вы пока вызовите врача.

Ее брови озадаченно сдвинулись.

– Он болен?

– Отравлен свинцом. Его подстрелили.

Женщина поднялась и открыла дверь позади себя.

– Дон, выйди на минутку.

– Ему срочно нужен врач, – настаивал я. – Обсуждать нет времени.

– Что именно обсуждать? – Дверной проем заполнил широкоплечий мужчина в светлом габардиновом костюме, похожий на порядком обрюзгшего бывшего спортсмена. – Что за черт? Неужели ты без меня не можешь ни с чем справиться?

Женщина судорожно стиснула кулаки.

– Не смей так разговаривать со мной.

Мужчина усмехнулся. Его физиономия под коротко стриженными рыжеватыми волосами была багровой от алкоголя и злости.

– У себя я говорю так, как мне хочется.

– Ты пьян, Дон.

Они стояли за столиком, глядя друг на друга.

– В машине человек истекает кровью, – сказал я. –

Если вы не разрешите внести его сюда, вызовите хотя бы «скорую помощь».

Мужчина повернулся ко мне. Его глаза под опухшими веками походили на серые треугольники.

– Истекает кровью? Кто он такой?

– Не знаю. Вы намерены оказать ему помощь или нет?

– Да, конечно, – отозвалась женщина.

Она взяла со стола телефонный справочник, нашла номер и набрала его. Мужчина вышел, захлопнув за собой дверь.

– Говорит миссис Керриган из мотеля «Керриганс-Корт», – сказала женщина. – У нас здесь раненый... Нет. Вроде бы в него стреляли... Да, кажется, серьезно, так что приезжайте скорее. – Женщина положила трубку. – Окружная больница высылает машину. – Она добавила почти шепотом: – Извините нас. У нас в семье это обычное дело.

– Не имеет значения.

– Для меня имеет. Я очень сожалею.

Голова женщины склонилась над столом. Гладкие светлые волосы были зачесаны назад, подчеркивая ее красоту.

– Могу я еще что-нибудь сделать? – спросила она. – Вызвать полицию?

– Это сделают в больнице – так полагается по закону. Спасибо за помощь, миссис Керриган.

Женщина проводила меня до двери – ей явно было стыдно за свою первоначальную реакцию.

– Должно быть, для вас это было ужасно. Он ваш друг?

– Он мне никто. Я нашел его на дороге.

Женщина коснулась моей руки, словно желая установить контакт с реальностью, но тут же отдернула руку, как будто этот контакт испугал ее. Она смотрела на мою грудь. Опустив глаза, я увидел у себя на груди высыхающее пятно в том месте, где ее касалось окровавленное лицо незнакомца.

– Вы тоже ранены? Могу я что-нибудь для вас сделать?

– Ровным счетом ничего, – ответил я и вышел наружу.

Керриган стоял у моей машины, склонившись возле открытой дверцы. Услышав звуки моих шагов по траве, он резко выпрямился.

– Раненый еще дышит? – спросил я.

– Да. – Алкогольный румянец сбежал с его лица, оставив лишь отдельные пятна. – Не думаю, что его следует трогать, но если хотите, внесем его в дом.

– Он может перепачкать ваш ковер.

– Незачем злиться, приятель. Вы же слышали, что я предложил внести его.

– Забудьте об этом.

Он придвинулся ближе ко мне; его серые глаза тускло поблескивали при электрическом свете.

– Где вы его нашли?

– Примерно в двух милях к югу от базы морских пехотинцев, в кювете.

– А могу я спросить, почему вы привезли его именно сюда?

– Можете. Это был первый дом, который мне попался. В следующий раз я проеду мимо.

– Я не это имел в виду. Просто я подумал, было ли это совпадением?

– Совпадением? Вы его знаете?

– Да. Он водит один из грузовиков Майера. Его зовут Тони Акиста.

– Значит, вы его хорошо знаете?

– Я бы так не сказал. В моем бизнесе мне приходится иметь шапочное знакомство с большинством подонков из Лас-Крусес. Но я не якшаюсь с мексиканскими водителями грузовиков.

– Вам повезло. У вас есть предположение о том, кто мог его подстрелить?

– Глупый вопрос.

– Все же я попросил бы вас на него ответить.

– А кто дал вам право задавать мне вопросы, прия-

тель?

– Что-то не припоминаю, чтобы у меня были такие приятели.

– Вы не назвали своего имени.

– Верно, не назвал.

– А я могу задать вам парочку вопросов? – осведомился он. – Вы часом не подстрелили его сами?

– Вы очень проникательны. Естественно, подстрелил и сейчас бегу с места преступления.

– Я просто спросил, потому что заметил на вас кровь.

Его злобно ухмыляющийся рот притягивал мой кулак, как магнит притягивает железо. Он был крупным и еще довольно молодым парнем, но выглядел каким-то рыхлым, вроде бы перезрелым. Я спрятал кулак в карман и подошел к противоположной дверце машины.

Включив свет, я увидел, что Тони Акиста все еще пускает алые пузырьки. Но теперь его глаза были полностью закрыты. Он оставался слеп и глух к усилиям поддерживать тлеющую в нем жизнь. На дороге показалась машина «Скорой помощи».

Я поехал в больницу следом за ней по пригородному шоссе, мимо мотелей, маленьких домиков и трейлеров, где солдаты, торговцы, туристы и переезжающие с места на место рабочие проводили время с подругами на одну ночь. У перекрестка, где соединялись две магистрали, «скорая помощь» свернула в аллею

налево.

Зеленая стрелка погасла, и мне пришлось ждать. На расстоянии виднелось длинное белое здание больницы, поблескивающее огоньками. Ближе к шоссе экран открытого кинотеатра, на котором двое мужчин тузили друг друга в ритме музыкального сопровождения, светился на темном фоне неба, словно ночной кошмар.

Я обнаружил дверь в приемный покой в задней стене больницы. Красная светящаяся надпись «Скорая помощь» отбрасывала жутковатый отсвет на покрытую пятнами машинного масла подъездную дорожку. Прежде чем войти, я взял из сумки чистую рубашку и надел ее.

В приемном покое полдюжины человек в белых халатах собрались вокруг стола, на котором лежал Тони Акиста. Теперь его губы тоже стали желтыми. Кровь из перевернутой горлышком вниз бутылки капала по резиновой трубке, прикрепленной к его руке.

Молодой врач склонился над Акистой и надавил пальцами ему на глаза. Акиста не шевельнулся.казалось, все в комнате затаили дыхание. Я подошел к врачу. Он бросил на меня резкий взгляд.

– Вы пациент?

– Свидетель. Я нашел этого человека.

Врач покачал головой:

– Вам следовало найти его пораньше. – Он повернулся к одной из медсестер: – Больше не тратьте на

него кровь.

Сестра перетянула резиновую трубку и отсоединила полупустую бутылку. Запах смерти щекотал мне ноздри.

– Он умирает, доктор?

– Он умер. Нет ни пульса, ни дыхания. Должно быть, он кровоточил уже некоторое время – в его организме, возможно, не осталось ни пинты крови.

– Пулевое ранение?

– Да, безусловно. Огнестрельные раны в легкое часто смертельны.

Я посмотрел на лицо Тони Акисты. Оно стало восковым, а рот приоткрылся, словно в усмешке.

Доктор сочувственно посмотрел на меня:

– Этот человек – ваш друг?

– Нет. Но видеть такое никому не приятно. Вы уведомили полицию?

– Да, офис шерифа. Это случилось в нашем округе, не так ли?

– Во всяком случае, его столкнули в кювет в пределах этого округа.

Врач двинулся к двери, бросив через плечо:

– Думаю, шериф захочет с вами побеседовать.

Я не сказал ему, что ожидать полицию в стерильных помещениях – это моя профессия, и сел на складной металлический стул возле приемного покоя. Вокруг меня продолжалась больничная жизнь. Сестры входили

и выходили, освобождая помещение для следующего пациента. Покрытое простыней тело Тони Акисты повезли на тележке в морг в конце коридора.

Часть моих мыслей последовала за ним в холодный сумрак. Так иногда бывает, когда видишь смерть человека моложе тебя. Я чувствовал, будто какая-то часть меня превратилась в воск под ярким светом больничных ламп.

Где-то послышался детский плач. Быть может, новорожденный младенец оставил неизменным количество населения Лас-Крусес.

Глава 2

Высокий человек в сером деловом костюме открыл дверь морга. Его безукоризненно белая широкополая шляпа едва не задела верхнюю притолоку. Хлопнув ладонью по бетонной стене, он обратился к своему помощнику:

– Черт возьми, что могло случиться с Тони?

Помощник шерифа пожал плечами:

– Возможно, ссора из-за женщины. Вы ведь знаете Тони, шеф.

– Да, знал.

Шериф направился в мою сторону. Лицо под полями шляпы было длинным, под стать его росту, и загорелым под солнцем долины. Хотя он был молод для своей работы – примерно одного возраста со мной, – но в уголках его глаз и рта виднелись морщинки, как у пожилого человека, перенесшего много горя. Глаза запавшие и темные, словно окна дома с привидениями.

– Это вы привезли его?

– Да.

– Вы не из Лас-Крусес, верно?

– Из Лос-Анджелеса.

– Понятно. – Он кивнул, словно я признался в тяжком преступлении. – Назовите ваше имя и домашний

адрес.

Я сообщил ему свое имя – Лу Арчер – и служебный адрес на бульваре Сансет. Помощник записал их, а шериф придвинул стул и уселся напротив меня.

– Я шериф Черч. А это Дейнло, мой помощник. У вас есть какая-нибудь профессия, помимо доброго самаритянина?

Если шериф старался казаться дружелюбным, то в этом он не преуспел.

– Я частный детектив.

– Да ну? Любопытное совпадение, верно? Что вы делали на шоссе?

– Вел машину. Я еду в Сакраменто.

– Только не сегодня вечером, – резко заявил шериф. – В наши дни профессия доброго самаритянина стала невыгодной. Боюсь, что вам придется столкнуться с канцелярской волокитой. Во-первых, вы понадобится на дознании.

– Да, понимаю.

– Постараюсь поторопить события – назначить дознание на завтра или послезавтра. Сегодня четверг. Вы сможете задержаться здесь до субботы?

– Если надо, смогу.

– Отлично. Каким образом вы его подобрали?

– Он лежал в кювете, в паре миль к югу от базы морских пехотинцев. Ему удалось подняться на колени и махнуть мне рукой.

– Тогда он еще был в сознании? Он что-нибудь говорил?

– Он потерял сознание, прежде чем я подошел к нему. Мне не хотелось сдвигать его с места, но вблизи не было телефона и некого было послать за помощью. Я положил его на заднее сиденье моей машины и позвонил в «Скорую помощь» по первому же телефону, до которого добрался.

– Где это было?

– В мотеле Керригана. Сам Керриган реагировал довольно странно. Казалось, он знает Акисту и не желает его видеть ни живым, ни мертвым. Его жена вызвала «скорую» по моей просьбе.

– А что там делала миссис Керриган?

– Насколько я понимаю, сидела за регистрационным столом.

– А там не было управляющей? Мисс Майер?

– Если была, то я ее не видел. Это важно?

– Нет. – Шериф слегка повысил голос: – Впервые слышу, что Кейт Керриган работает в мотеле.

Дейнло оторвался от блокнота.

– Она работает там с начала недели.

Черч посмотрел на него, как будто у него были еще вопросы, но он их проглотил. Его кадык несколько раз дернулся.

– Керриган был немного под хмельком, – сказал я. – Это может объяснить его дурные манеры. Он спросил

меня, не я ли застрелил этого парня.

Рот шерифа слегка скривился в подобии улыбки.

– И что вы на это ответили?

– Ответил «нет». Я никогда не видел этого человека раньше. Неплохо бы занести это в протокол, на случай, если Керриган не угомонится.

– Неплохая идея, учитывая обстоятельства. А теперь я попросил бы вас показать мне место, где вы его нашли.

Мы поднялись одновременно. Его костлявая рука легла мне на плечо и слегка подтолкнула к выходу. Не могу сказать, означал ли этот жест приказ или одобрение. На всякий случай я поспешил высвободиться.

Машина шерифа – черный «меркьюри» без официальных знаков – следовала за моей к югу от города, по той дороге, которая привела меня сюда. Вечерняя передышка подошла к концу – встречные автомобили ехали один за другим, слепя мне глаза фарами. С севера с нами поравнялась еще одна полицейская машина.

Мы миновали пустую базу, и я начал следить за обочиной. Лучи фар автомобилей, едущих за мной, тянулись по кювету, как сломанные светящиеся весла. После двух ошибочных остановок я нашел нужное место. Оно было отмечено полосой засохшей крови на гравиевом склоне. Трава внизу все еще была примята в том месте, где лежало тело.

Несколько полисменов вылезли из второй патрульной машины. Один из них был здоровяк с блестящими испанскими глазами на смуглом, как у индейца, лице. Он быстро отсалютовал шерифу.

– Мы связались с Майером. Тони весь день сидел за баранкой, а его грузовик исчез.

– Что было в грузовике?

– Майер не захотел говорить – предпочитает побеседовать об этом с вами. Когда я доберусь до ублюдков, которые это сделали... – Бегающий взгляд смуглого полисмена устремился на меня, и мне стало не по себе.

Шериф отечески обнял могучие плечи своего подчиненного.

– Спокойно, Сэл. Я знаю, как у вас сильны кровные связи. Тони был твоим кузеном, не так ли?

– Сыном сестры моей матери.

– Мы найдем убийц, Сэл, но этот человек не имеет с ними ничего общего. Он обнаружил Тони и привез его в больницу.

– Это он так говорит?

– Не он, а я. – Тон шерифа внезапно стал сухим и официальным. – Где сейчас Майер?

– В своем автопарке.

– Поезжай туда и разузнай о грузовике. Скажи старику, что я подъеду позже. И проследи, чтобы перекрыли все дороги из города. Ясно, Сэл?

– Да, сэр.

Смуглый полисмен побежал к своей машине. Шериф и остальные начали обследовать участок земли при помощи глаз, рук и вспышек фотоаппаратов.

Дейнло снял отпечаток моего ботинка и приложил его к следу в кювете. Никаких следов, кроме моих, там не оказалось, как и новых следов шин на гравии обочины.

– Выглядит так, словно его выбросили из машины, – заметил Черч. – Возможно, из его же грузовика. Во всяком случае, автомобиль не съезжал с асфальта. – Он посмотрел на меня. – Вы видели легковую машину или грузовик?

– Нет.

– Возможно, его выбросили, не останавливаясь, а он сам сполз с дороги.

– Похоже на то, сэр, – отозвался с обочины Дейнло. – Остались следы крови там, где он сполз в кювет.

Черч сплюнул на асфальт.

– Скверная история. – Он небрежно повернулся ко мне: – Могу я взглянуть на ваши водительские права?

– Почему бы и нет? – Я протянул ему права.

– Вроде бы все в порядке. Так что, вы говорили, вам нужно в Сакраменто?

– Я еще ничего об этом не говорил. Мне нужно сделать доклад законодательному комитету. – Я назвал фамилию председателя. – Он нанял меня изучить рас-

пространение наркотиков в южных округах.

– А если я захочу проверить эту историю?

– Ради Бога. У меня с собой корреспонденция. Я двинулся к машине, но Черч остановил меня.

– Не беспокойтесь. Вы вне подозрений. Сэл Брага чересчур эмоциональный парень и к тому же родственник Акисты. В этом городе все друг другу родственники, что иногда усложняет ситуацию. – Он немного помолчал. – Как вы смотрите на то, чтобы поехать побеседовать с Керриганом?

– Звучит заманчиво.

К тому времени на обочине выстроилось несколько машин, полицейских и не полицейских. Патрульный регулировал движение при помощи фонарика. Он расчистил место для разворота «меркьюри» шерифа, и мы поехали назад.

Красноватое сияние над Лас-Крусес напомнило мне отблески светящейся надписи над дверями приемного покоя больницы на подъездной дорожке. На холмах за городом луч авиационного маяка обшаривал небо, словно что-то разыскивая.

Глава 3

Должно быть, Керриган поджидал шерифа. Он вышел из вестибюля, когда я затормозил позади «меркьюри».

– Как дела, Брэнд?

– Хорошо, спасибо.

Они обменялись рукопожатиями, но я заметил, что каждый наблюдает за собеседником, словно играя в шахматы, а может, и в более опасную игру. Нет, сказал Керриган, он не знает, что произошло с Акистой и почему. Он ничего не видел, не слышал и не делал. Человек в машине попросил воспользоваться телефоном, и этим исчерпывается его связь с упомянутым делом. На меня он бросал откровенно враждебные взгляды.

– Между прочим, как идут твои дела? – Черч поднял взгляд на светящуюся надпись: «Свободных мест нет». – Хотя нет нужды спрашивать.

– Откровенно говоря, паршиво. Я включил надпись, потому что жена слишком расстроена, чтобы регистрировать приезжих.

– А Энн в отпуске?

– Можно сказать и так.

– Она уволилась?

Керриган пожал массивными плечами:

– Не знаю. Собирался спросить у тебя.
– Почему у меня?
– В конце концов, она твоя родственница. Ее не было на работе с начала недели, и я не мог с ней связаться.

– А дома ее нет?
– Телефон не отвечает. – Керриган бросил быстрый взгляд на шерифа: – А ты нигде ее не видел, Брэнд?
– На этой неделе нет. – Он добавил после небольшой паузы: – Мы теперь вообще редко видим Энн.
– Забавно. Я думал, она практически член семьи.
– Ты думал неверно. Они с Хильдой встречаются, но большей частью Энн живет сама по себе.

Керриган неприятно усмехнулся:

– Может, на этой неделе она живет сама по себе чуть больше обычного?
– Что ты имеешь в виду?
– Попробуй догадаться.

Черч шагнул к нему, стиснув кулаки. Его глаза расширились, а лицо казалось зеленым в свете неоновой вывески. Он выглядел так, будто его мутит от злости.

Я открыл дверцу машины и поставил одну ногу на гравий. Шорох гравия напомнил шерифу о моем присутствии и удержал его от необдуманных поступков. Он молча, посмотрел на ухмыляющегося Керригана, потом повернулся, отошел в сторону и остановился там, где начиналась тень, спиной к нам и опустив го-

лову.

– Хотел заткнуть мне пасть, – усмехнулся Керриган. – Он слишком часто выходит из себя и когда-нибудь слетит из-за этого с должности.

Миссис Керриган открыла дверь вестибюля.

– Что-то случилось, Дон?

Она подошла к нам в накидке из черно-бурой лисы. Лицо у нее было встревоженное.

– Что-то всегда случается. Я рассказал шерифу, что Энн Майер не появлялась на этой неделе. Он, кажется, считает меня виноватым. Но я не отвечаю за его паршивую свояченицу.

Миссис Керриган робко положила ладонь на руку мужа, словно пытаюсь успокоить возбужденного зверя.

– Должно быть, ты не понял его, дорогой. Шериф не может обвинять тебя в поведении Энн. Возможно, он хочет расспросить ее о Тони Акисте.

– А она тоже знала Акисту? – спросил я.

– Конечно знала. Он ей здорово увлекался. Верно, Дон?

– Заткнись.

Она отшатнулась, словно ее оттолкнули.

– Продолжайте, миссис Керриган. Это может оказаться важным. Акиста только что умер.

– Он умер? – Ее руки вцепились в края накидки. Она переводила взгляд с меня на мужа. – Энн в этом замешана?

– Не знаю, – ответил Керриган. – Иди в дом, Кейт. Ты только мерзнешь и выставляешь себя душой.

– Не пойду. Ты не можешь мне приказывать. Я имею право говорить с кем хочу.

– Тебе незачем распускать язык с этим ублюдком.

– Я не...

– Заткнись. – В его голосе послышалась угроза. – Из-за тебя и так сплошные неприятности.

Керриган схватил жену за локти и почти понес ее к двери вестибюля. Она слабо сопротивлялась, но, когда он отпустил ее, вошла внутрь, не обернувшись.

Керриган направился ко мне, приглаживая волосы, слишком коротко остриженные для его возраста. Очевидно, он принадлежал к тем мужчинам средних лет, которые никак не могут смириться, что их молодость уже позади. Было заметно, что он кипит от злости.

– Вы не слишком любезны с женой, – заметил я.

– Я знаю, как обращаться с суками – и с породистыми, и с дворняжками. И с сукиными сынами, которые суют нос в чужие дела, я тоже умею обращаться. Если вы не присутствуете здесь в качестве официального лица, уберите с моей земли, и побыстрее.

Я оглянулся в поисках Черча. Он стоял в телефонной будке в конце ряда коттеджей, прижав к уху трубку, но, казалось, не разговаривал.

– Уладьте это с шерифом, – посоветовал я Керригану. – Я его сопровождаю.

– В качестве кого? Если это вы напустили на меня шерифа...

– Ну и что тогда? – Я стоял, выпятив подбородок, надеясь, что он ударит и даст мне возможность парировать.

– Тогда вы будете валяться на спине с полным ртом выбитых зубов.

– А я думал, вы сражаетесь только с женщинами.

– Хотите демонстрацию?

Но Керриган блефовал. Он искоса наблюдал за приближающимся шерифом, чье лицо было спокойным и сдержанным.

– Должен извиниться перед тобой, Дон. Я не часто теряю голову.

– Разве? Если будешь пробовать это на налогоплательщиках, тебя не выберут даже в контору по отлову бродячих собак.

– Ладно, забудем. Я не хотел тебя обидеть.

– Поглядел бы я, как ты попробуешь это сделать.

– Я сказал, забудем, – спокойно повторил Черч. На его лице четко обозначились мышцы, напрягшиеся от усилия сдержать гнев. – Расскажи мне об Энн. вроде никто не знает, где она. Энн не говорила Хильде, что собирается уволиться с работы или куда-нибудь уехать?

– Она не увольнялась – просто отправилась на уик-энд и не появилась в понедельник утром. Очевидно, не

вернулась с уик-энда. Я не получал от нее известий.

– А куда она отправилась?

– Могу то же самое спросить у тебя. Мне она не докладывала.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Между ними существовало нечто худшее, чем просто неприязнь или обида, – это походило на всепоглощающую ненависть.

– Ты лжец, – сказал наконец Черч.

– Может, и так.

Черч увидел, что я наблюдаю за ними, и властно махнул мне головой. Я оставил их ссориться дальше и вошел в темный вестибюль.

Желто-зеленый свет почти не проникал сквозь шторы. Миссис Керриган свернулась на кушетке в дальнем углу. Я мог разглядеть только ее влажно поблескивающие глаза и светлую прядь волос.

– Кто это?

– Арчер. Человек, который принес вам одни неприятности.

– У меня их и без вас хватало. – Она встала и прошла в центр комнаты. – Вы ведь не из местной полиции, мистер Арчер?

– Нет. Я частный детектив. Южные округа – мой обычный район. Но в этом округе мне, кажется, не повезло.

– Как и всем нам. – От нее исходил слабый аромат,

словно ностальгия по ушедшему лету, а ее тревожный шепот походил на дыхание ночной тьмы. – Что все это значит?

– На этот вопрос вам легче ответить, чем мне. Вы ведь знаете тех, кто в этом замешан.

– Я? Вовсе нет. Я даже собственного мужа толком не знаю.

– Давно вы женаты?

– Семь лет. Семь жалких лет. – Она помедлила. – Мистер Арчер, вы из тех детективов, которых нанимают, чтобы вынюхивать чужие тайны?

Я объяснил ей, из каких я детективов.

– Могу я... вам довериться?

– Это вам решать. Другие люди мне доверялись, но я не стану на них ссылаться.

– Это будет дорого стоить? У меня остались кое-какие деньги.

– Не знаю, что вы имеете в виду.

– Конечно, не знаете. Простите, я сегодня ужасно рассеянна.

– Или просто ничего не хотите мне рассказывать.

– Может быть. – Я ощутил ее невидимую улыбку. – Возможно, я просто не знаю, чего хочу. Во всяком случае, я не хочу причинять неприятности другим.

– Например, вашему мужу?

– Да. – Ее голос стал еле слышным. – Вчера вечером я видела, как Дон упаковывает свои чемоданы. Думаю,

он собирается меня бросить.

– Почему бы вам не спросить его?

– Я бы не осмелилась, – ответила она с жалкими по-
тугами на юмор. – Он ведь может ответить мне.

– Вы любите его?

– Не имею ни малейшего представления. Когда-то
любила – очень давно.

– Другая женщина?

– Во множественном числе.

– И Энн Майер – одна из них?

– Вполне возможно. Между ними что-то было в про-
шлом году. Дон сказал мне, что все кончено, но это
может продолжаться и теперь. Если сумеете ее найти,
узнайте у нее...

– Когда она исчезла?

– С тех пор, как уехала на уик-энд в прошлую пятни-
цу.

– Где она провела уик-энд?

– Не знаю.

– С вашим мужем?

– Нет. По крайней мере, он так говорит. Я хочу ска-
зать...

– Что ты хочешь сказать? – слышался сзади меня
голос Керригана.

Бесшумно открыв дверь вестибюля, он прошел ми-
мо меня и остановился перед женой.

– Я ведь предупредил, чтобы ты не разевала пасть.

– Но я не...

– Я все слышал. Ты же не станешь называть меня лжецом, верно, Кейт?

Его спина внезапно покачнулась. Я услышал звук удара, женский всхлип – и схватил Керригана за плечо.

– Оставь ее!

Раздался звук рвущейся материи, и в моей руке остался кусок подкладки. Керриган зарычал, как пес, и бросился на меня. Один из его молотящих кулаков скользнул по моей шее.

Я отступил к свету, падающему из дверного проема. Керриган рванулся на меня, словно таран, и наварлся напрямиком на мой левый кулак. Он выпрямился, и я тут же ударил его правой рукой в челюсть. Его колени подогнулись, и он начал падать вперед. Я успел ударить его левой, прежде чем он рухнул лицом на ковер.

Жена опустилась рядом с ним на колени.

– Вы, мужчины, ничем не лучше мальчишек. – Она приподняла его голову и вытерла кружевным платком кровь с подбородка. – Думаете, он сильно пострадал?

– Едва ли. Я ударил его всего три раза.

– Вам вовсе не следовало его бить.

– Он сам на это напросился.

– Вы правы. – Керриган шевельнулся и застонал. Она испуганно посмотрела на меня. – Лучше уходите отсюда. У Дона есть револьвер, и он умеет с ним обращаться.

– А он часом не продемонстрировал свое умение на Акисте?

– Конечно нет. Это просто нелепо. – Ее голос стал пронзительным. – Мой муж не имеет к этому отношения. Он был здесь, со мной, всю вторую половину дня.

Керриган попытался сесть.

– Пожалуйста, уходите, – сказала она, не глядя на меня.

– А как же работа, которую мы обсуждали?

– Забудьте об этом. Я больше не хочу никаких неприятностей.

– Дело ваше. В конце концов, это ваш брак.

Глава 4

«Меркьюри» шерифа уже уехал, и освещенный неонам гравий был пуст. Я вырुлил на шоссе и некоторое время ехал вместе с потоком транспорта. Но какая-то непонятная сила тянула меня к Керригану. Можете называть это любопытством, но красота светловолосой Кейт Керриган играла тут немалую роль. Мне хотелось, чтобы она избавилась от неприятностей, а ее муж, напротив, запутался в них.

Разрыв в потоке машин позволил мне развернуться. Проехав мимо мотеля, я сделал еще один разворот и остановился в тени дуба.

Когда я выкурил две сигареты, прожекторы вокруг мотеля и желто-зеленая неоновая надпись погасли. Я включил зажигание и нажал стартер.

В окнах вестибюля погас свет. Керриган вышел из дома и короткими шажками двинулся по гравию к аллее, идущей за рядом коттеджей. Спустя минуту его ярко-красный автомобиль с откидным верхом появился в начале аллеи. Послышались нетерпеливые сигналы. Миссис Керриган вышла из вестибюля, завернулась в чернобурку и побежала к машине.

Этот автомобиль было нетрудно держать в поле зрения. Я следовал за ним через Лас-Крусес к жилому

району на склоне холма. Там Керриган высадил жену перед большим двухэтажным домом. Я запомнил его местонахождение.

Керриган повернул назад к центру города, гоня так, словно хотел передавить всех подряд. Наконец он припарковал машину в переулке, отходящем от главной улицы. Я нашел место для своего автомобиля и последовал за ним пешком.

Мы находились в районе дешевых отелей, магазинов, торгующих подержанной мебелью и прочим хламом, мексиканских и китайских ресторанов. Керриган задержался у кафе «Восточные сады Сэмми» и начал осматриваться. Я шагнул в проход к двери ломбарда. Слабо освещенное помещение с зарешеченными окнами выглядело смутным напоминанием о цивилизации.

Когда я вышел на тротуар, Керригана уже не было. Я быстро подошел к кафе и посмотрел в засижженное мухами стекло. Керриган шел к задней стене комнаты, сопровождаемый китайцем-официантом, который, улыбаясь, поманил его в арку, прикрытую занавесом. Я подождал, пока он исчезнет из поля зрения, и вошел внутрь.

Это был большой старомодный ресторан с баром с одной стороны и деревянными оранжево-черными кабинками с другой. Потушенные бумажные фонарики свешивались с закопченного потолка, покрытого ли-

стами железа. Вентилятор на потолке лениво шевелил воздух, пахнувший прогорклым жиром, соевым соусом, виски и потом. Посетители принадлежали к нижним эшелонам жизни долины: рабочие с нефтяных промыслов со своими женщинами, ковбои в сапогах на высоком каблуке и старый пьяница, сидевший в одиночестве в кабинке, ожидая начала навеянных алкоголем снов.

Официант-китаец вышел из-за занавеса в задней стене и продемонстрировал мне зубы и десны.

– Желаете кабинку, сэр? – вежливо осведомился он.

– Я предпочел бы отдельный кабинет.

– Сожалею, сэр, но он занят. Если бы вы пришли минутой раньше...

– Это не имеет значения.

Я сел в одной из передних кабинок, чтобы наблюдать в зеркало за аркой и проходом позади бара. Официант потребовал двойное виски со льдом и отнес его за занавес. Когда он принес мне меню, я спросил:

– Эти бумажные фонари огнеопасны, не так ли? Я побаиваюсь пожаров. Тут есть запасной выход?

– Нет, сэр, но здесь абсолютно безопасно. У нас никогда не было пожара. Желаете сделать заказ сразу, сэр?

Я вспомнил, что не ел с полудня, и заказал бутылку пива и филей по-ньюйоркски. В меню было сказано: «Это подходит для короля, поэтому приведите с собой

вашу королеву». Но реклама оказалась лживой.

Я запивал пивом последние кусочки жесткого мяса, когда с улицы вошла девушка. У нее были маленькая изящная головка с короткими, черными, блестящими как шелк волосами, тусклые черные глаза и сердитый рот. Крашеное под норку кроличье манто было распахнуто, демонстрируя ритмично покачивающиеся бедра.

Все, кто был в зале, включая бармена-филиппинца, уставились на нее. Девушка задержалась у входа, впитывая в себя их взгляды, словно еду или горючее. Ее грудь вздымалась как будто под действием устремленных на нее алчных глаз.

Мой взгляд встретился с взглядом девушки, и я не смог сдержать улыбку. Она презрительно посмотрела на меня и обернулась к официанту:

– Он здесь?

– Только что пришел, мисс. Он ждет вас в задней комнате.

Я наблюдал, как девушка направилась следом за ним, думая, не может ли это быть Энн Майер. Она не походила ни на одного администратора мотеля, каких я когда-либо видел, – скорее на актрису, не добившуюся успеха на юге, или удачливую проститутку-любительницу, готовую стать профессионалкой. Чем бы она ни занималась, к этому явно имел отношение секс. Он сочился из нее, как сок из молодого винограда, кото-

рый не успел прокиснуть. Я ждал, пока официант исчезнет за вращающейся дверью кухни, потом встал и двинулся к прикрытой занавесом арке. За ней находился узкий, тускло освещенный коридор с дверями мужского и женского туалетов в дальнем конце. Ближайший дверной проем прикрывал плотный зеленый занавес, сквозь который доносились приглушенные голоса. Я прислонился к стене и прислушался.

– Это твоя жена ответила по телефону? – послышался голос девушки. – Я никогда не говорила с ней раньше. Она разговаривает как образованная.

– Еще бы! Она даже чересчур образованная. – Керриган невесело усмехнулся. – Ты не должна звонить мне в мотель. Вчера вечером она застучала меня, когда я упаковывал вещи. Боюсь, она догадывается.

– О нас?

– Обо всем.

– Ну и что? Она все равно не сможет нас остановить.

– Ты ее не знаешь. Она все еще привязана ко мне. Сейчас имеет значение каждая мелочь. Мне не следовало приходить сюда.

– Ты не рад меня видеть?

– Конечно рад. Просто я думаю, что мы должны подождать.

– Я ждала целый день, Донни. От тебя не было никаких известий, у меня кончилась травка и жутко разбушевались нервы. Я должна была повидать тебя и

узнать, что случилось.

– Ничего не случилось. Все сработало как надо.

– Значит, мы можем уехать? Сразу?

– Еще нет. Мне нужно кое-что сделать. Я должен связаться с Боузи...

– Разве он еще здесь?

– Надеюсь. Он все еще должен мне.

– Он тебе заплатит. Ты можешь ему доверять – Боузи не жулик. Когда ты с ним увидишься?

– Позже. Он не единственный, кого мне нужно пови-
дать.

– Когда встретишься с ним, сделай кое-что для меня, Донни. – Ее голос походил на кошачье мурлыканье. – Попроси для меня пару сигарет с травкой, ладно? В Мексике я могу раздобыть сколько угодно, но мне они нужны сейчас. Я не могу вынести ожидания.

– Думаешь, я могу? – В его тоне слышалась жалость к себе. – Я просто разрываюсь от напряжения. Не могу усидеть на одном месте. Мне не следовало сюда при-
ходить.

– Не бойся, дорогой. Здесь ничего не может случить-
ся. Сэмми знает о нас.

– Вот как? И сколько еще человек о нас знает? Как много им известно? Вокруг мотеля что-то разнюхивал частный детектив...

– Забудь об этом, Донни, – замурлыкала девушка. – Иди сюда и расскажи мне о месте, где мы будем жить.

Как мы будем весь день загорать голышом, наблюдать за птицами и облаками, а слуги будут нам все подавать.

Я услышал шаги Керригана и заглянул в узкую щель между дверным косяком и краем занавеса. Он стоял с пластырем на подбородке перед стулом девушки и гладил ей шею.

Девушка взяла руку Керригана и поднесла к губам, оставив на ней алое пятно помады. Керриган склонился к лицу девушки, цепляясь за ее платье, словно умирающий за простыни.

Сзади послышался шепелявый голос:

– Что-нибудь ищете, сэр?

В арке стоял официант-китаец, держа поднос, на котором шипели куски жареного мяса.

– Мужской туалет.

– В конце коридора, сэр. – Он улыбался во весь рот, словно собираясь укусить меня. – Там ясно написано.

– Спасибо, но я близорукий.

– Пожалуйста, сэр.

Я прошел в туалет и воспользовался им. Когда я вышел, кабинет был пуст. Мясо лежало нетронутым рядом с пустым стаканом Керригана. Я вернулся в зал. Китаец стоял за стойкой.

– Куда они ушли? – спросил я.

Он посмотрел на меня так, словно видел впервые, и произнес напевную фразу по-китайски.

Улица снаружи была пуста. Красный автомобиль Керригана исчез. Я объехал вокруг квартала и, не добившись успеха, расширил круг поисков. На углу главной улицы и улицы под названием Янонали я увидел девушку, идущую в западном направлении.

Она была одна, но ее фигурка раскачивалась и изгибалась, словно с целью произвести впечатление на публику. Я остановился во втором ряду, пропуская ее вперед, потом медленно поехал следом. Чем дальше от центра города, тем более неприглядным становился пейзаж. Обшарпанные жилые дома и ночлежки перемежались маленькими тусклыми барами и прилавками с сэндвичами. Люди в барах и на улицах были под стать зданиям: их лица, черные и коричневые, казались грязно-серыми. Исключение составляла девушка, за которой я следил. Она шла мимо жалких развальных с таким видом, как будто была опьянена собственной привлекательностью.

Фонари были немногочисленны и находились на большом расстоянии один от другого. Под одним из них шумно болтали несколько чернокожих пареньков, слишком юных для баров; их черные лица сливались с ночной темнотой. При виде девушки они застыли, выпучив на нее глаза. Она не обратила на них внимания.

В центре следующего квартала девушка вошла в подъезд жилого дома. Я остановился на углу и стал наблюдать за зданием с другой стороны улицы. Это

был большой трехэтажный дом, некогда выглядевший довольно вычурно. Фасад увенчивал оштукатуренный карниз. Перед окнами второго и третьего этажей виднелись стальные балконы.

Но мрачные воды Янонали-стрит плескались о его фундамент, окружая здание атмосферой безнадежности. Фасад пересекал зигзагообразный след землетрясения. От балконов тянулись вниз желтоватые полосы, выглядевшие как слезы ржавого металла. Свет в зашторенных окнах и тускло освещенный открытый подъезд не улучшали картину.

Не зная имени девушки, я едва ли мог рассчитывать найти ее в лабиринте коридоров и комнат. Я вернулся к машине. Чернокожие подростки стояли вокруг нее на дороге.

– Какая у нее скорость? – спросил самый младший.

– Сотню выжимает. А кто была девушка в меховом манто, которая только что здесь прошла?

Ребята посмотрели друг на друга.

– Мы не обращаем внимания на девушек, – сказал самый высокий.

– Вам нужна девушка? Троттер может ее раздобыть, – снова заговорил маленький. – У него шесть сестер. – Он завертел тощими бедрами, словно танцующую хулу.

Высокий шлепнул его по задку.

– Заткнись! Мои сестры на работе.

Малыш отбежал в сторону.

– Еще бы! Они работают днем и ночью.

– Где находится автопарк Майера? – спросил я.

– То ему девушку подавай, то грузовик, – усмехнулся один из парней. – Никак не может решить.

– Езжай на запад, – сказал высокий парень. – Знаете, где большая эстакада?

– Нет.

– Ну, вы увидите ее с левой стороны. Парк Майера с другой стороны шоссе.

Я поблагодарил его и дал ему доллар. Остальные наблюдали за этой процедурой таким же взглядом, каким смотрели на девушку. Когда я отъехал, о мой бампер загремела консервная банка и вслед мне послышался громкий смех ребят.

Глава 5

Дорога пересекала железнодорожные пути, извивалась среди пахнущих сосной складов древесины, потом нырнула под эстакаду. Над моей головой гремели грузовики. Парк Майера располагался почти что в тени эстакады, окруженный высокой оградой из колючей проволоки и обрамленный складскими зданиями. Один грузовик стоял кузовом к разгрузочной платформе, другой находился под навесом, поддерживаемым бетонными колоннами, еще два стояли в открытых воротах. Я проехал мимо них и притормозил у платформы.

Лысый мужчина в старой замасленной тенниске сидел на ящике с краю платформы, ярко освещенный лампой в тысячу ватт над дверью склада. Его голова, шея и руки были густо усыпаны пятнами, как будто Создатель отряхнул на него кисть. Смуглые, покрытые шрамами руки скручивали сигарету. Когда я вылез из машины, его красноватые, лишенные ресниц глаза устремились в мою сторону.

- Чем могу вам помочь, приятель?
- Я бы хотел повидать мистера Майера.
- Майера здесь нет. Он уехал со своим зятем.
- С зятем?

– С Брэндом Черчем – шерифом. Может, вы застанете его дома. У вас к нему дело?

– Более или менее. Я слышал, вы потеряли грузовик.

– Верно. – Он лизнул край сигаретной бумаги и приклеил его. – И водителя.

– Что это был за грузовик?

– Двадцатитонный полутрейлер. – Он чиркнул спичкой о ноготь большого пальца и поднес ее к сигарете. – В прошлом году он обошелся старику в сорок штук.

– Что он перевозил?

Лысый мужчина с подозрением покосился на меня.

– Старик велел мне не болтать об этом.

– Почему?

– Он весь кипит от злости. Машина и груз были застрахованы, но когда фирма теряет грузовик, это вызывает у грузоотправителей подозрения. – Он посмотрел на номер моей машины. – Вы из газеты?

– Нет.

– Из страховой компании?

– Снова мимо. – Я поднялся по бетонным ступеням платформы. – Так что там был за груз?

Быстро повернувшись, мужчина шагнул в открытый кузов грузовика и вышел оттуда с длинным кривым куском стали, похожим на тупую саблю.

– Я вас не знаю, – заявил он, вертя в руке металлический обод покрышки. – Почему это вас интересует?

– Полегче.

– Черта с два! Моего приятеля подстрелили на дороге, как собаку, а вы говорите – полегче. Что вам нужно?

Его голос походил на лай фокстерьера и плохо соответствовал медвежьему складу фигуры. Мускулы руки, державшей обод, напряглись и обозначились под кожей, как клубок пятнистых змей.

Я тоже напрягся, готовый увернуться от удара.

– Не хотите полегче, пускай будет потяжелее. Я нашел вашего друга на шоссе, и мне это тоже не понравилось.

– Вы нашли Тони после того, как его убили?

– Он не был мертв, когда я подобрал его. Он умер в больнице спустя некоторое время.

– А он сказал вам, кто его прикончил?

– Тони ничего не говорил – он был без сознания. Я хочу найти того, кто это сделал.

– Вы коп? Из полиции? – Железное орудие застыло в его руке.

– Я работаю на полицию. А вообще, я частный детектив.

– Вас нанял старик Майер?

– Пока что нет.

– Но думаете, что наймет?

– Если хорошо соображает.

– На этот счет можете не беспокоиться. – Обнажив в ухмылке сломанные зубы, он положил обод на ящик.

Я полез за сигаретами, но передумал.

– У меня кончилось курево. Не угостите?

– Конечно.

Он протянул мне табак и бумагу и стал критически наблюдать, как я скручиваю сигарету. К счастью, мои пальцы не утратили сноровки. Он зажег для меня спичку.

– Значит, вы детектив?

– Да. Моя фамилия Арчер.

– Тарко. – Он постучал себя по груди. – Меня тут зовут Лысым.

– Рад познакомиться, Тарко. По какому маршруту ездил Тони?

– По разным. Обычно из Сан-Франциско. Но сегодня он выехал из Лос-Анджелеса. Специальная перевозка.

– А какой именно грузовик он водил?

– Один из новых полутрейлеров. Двадцатитонка, вроде этой.

Тарко указал сигаретой на один из грузовиков, стоящих в воротах. Это был закрытый полутрейлер размером с маленький дом. Его гофрированные металлические бока сверкали алюминиевой краской, за исключением красно-черной надписи: «Грузовики Майера. Местные и дальние рейсы. Лас-Крусес, Калифорния».

– А что за груз? – спросил я.

– Спросите у старика. Я не должен об этом знать.

После несчастного случая я здесь только сторож.

– Но тем не менее вы знаете?

Тарко ответил не сразу. Он огляделся, потом посмотрел на эстакаду, по которой большие грузовики ехали на юг в Лос-Анджелес и в долину Империал, на север во Фресно, Сан-Франциско и Портленд. В его глазах светилось жгучее желание сидеть за баранкой грузовика и ехать на север, на юг, на восток или куда угодно.

– А вы будете об этом помалкивать?

Я заверил его, что буду.

Тарко понизил голос:

– Я слышал, как старик говорил шерифу, что это был бурбон.

– Весь груз?

– Очевидно. Груз был застрахован на шестьдесят пять штук.

– А Тони был застрахован?

– На сотню. Сначала я подумал, что вы из страховой компании. Они вечно к нам цепляются.

– Но ведь Тони вне подозрений?

– Да. Но я не понимаю, как это произошло. Тони было велено ни для кого не останавливать грузовик. Старик всегда говорит, что мы не должны останавливаться даже для губернатора, если он захочет, чтобы подвезли. Когда кто-то пытается перерезать нам дорогу, мы должны пробиваться напролом. – Он ударил правым кулаком по левой ладони. – Очевидно, Тони забыл о

приказаний и остановился на шоссе, когда ему кто-то просигналил. Бедняга. – Его левая рука стиснула правый кулак с такой силой, что на нем остались следы ногтей.

– Вы любили Тони?

– Можно сказать и так. Мы все живем в одних меблированных комнатах. Тони нравился мне больше остальных. Я ему кое-чем обязан. Он был моим помощником, когда у меня отказали тормоза на подъеме к Ноджоки. Я вез полную цистерну октана и сполз в кювет на полном ходу. Тони успел спрыгнуть на вершине холма, помчался вниз и вытащил меня из кабины. Я потерял только волосы.

– Кто же мог его остановить? – спросил я. – Говорят, он любил женщин.

– А кто их не любит? – Тарко печально улыбнулся. – Только теперь от меня любая баба удирает, стоит мне снять шляпу.

– Так как насчет женщин Тони? – напомнил я. – Женщине легче остановить водителя.

– Еще бы! – Тарко задумался. – Была одна дамочка... Мне не хочется говорить об этом – я про нее ничего плохого не знаю.

– Это часом не Энн Майер?

– Энни Майер? Конечно нет! Она ведь дочка Майера. С чего бы ей останавливать грузовик своего старика?

– Насколько я понял, она интересовала Тони.

– Вообще-то да. Он часто говорил о ней. Но она его даже не замечала. У Энни другие интересы. Тони из-за этого переживал, но там не было ничего серьезного. А вот та дамочка – другое дело. Последнюю неделю она здорово увивалась за Тони. Он говорил мне, что она от него без ума. Мне казалось, что он высокомерно забирает, как с Энни Майер. Та дамочка – певица из ночного клуба, шикарная куколка. Я ее никогда не видел, но Тони показывал мне ее фото в окне клуба.

– В этом городе?

– Да. Клуб «Туфелька», в конце Янонали-стрит. Последние дни Тони часто там бывал. И судя по его рассказам, он бы остановил грузовик для этой дамочки.

– Как ее звали?

– Фамилию не помню. Тони называл ее Джо. – Он потерял свой череп. – Мне кажется подозрительным, что она уж больно быстро запала на Тони – должно быть, у нее имелась на то причина.

– Он был красивым парнем, если ей нравился испанский тип.

– Верно, но дамочки редко им увлекались. Тони их отпугивал. Если он положил глаз на какую-то бабенку, то не мог оставить ее в покое. Так было и с Энн Майер.

Тарко умолк и оглянулся назад. Освещенный склад был пуст, если не считать штабелей ящиков у стен.

– Что произошло с Энн Майер?

– Ничего особенного. У Тони были из-за нее неприятности. Мне не следовало бы об этом болтать, но раз вы спросили...

– Ее он тоже не оставлял в покое?

– Еще как! Но может, не стоит об этом говорить? Парень мертв и больше не потревожит ни одну женщину. Да он и раньше не причинял им никакого вреда. Для мексиканца Тони был вполне достойным парнем – не хуже белого. – Порывшись в памяти в поисках иллюстрации, Тарко добавил: – Да и шофером он был классным.

– А какие именно неприятности у него были из-за Энни Майер? – спросил я.

Тарко казался смущенным.

– Тони был немного психованным – я имею в виду, насчет дамочек. Особенно с Энни. Она позволила ему пройтись с ней пару раз, так он стал следить за ней по вечерам, заглядывать к ней в окна. Бедняга не хотел ничего плохого, но ему за это досталось.

– От кого?

– От шерифа. Он разбранил Тони, назвал его психом и сказал, что ему нужно обратиться к доктору. Тони все мне рассказал.

Докурив сигарету, я бросил ее на землю и придавил каблуком. Она сыграла свою роль.

– А об этой девушке, Джо, вы говорили шерифу?

– Шерифу я бы ни про кого не стал рассказывать.

– Вы, кажется, его не очень жалуете.

– Я слишком хорошо знаю Брэнда Черча. Одно лето он водил грузовик для старика, когда учился в колледже. Я знал его и раньше, когда у его отца была в городе парикмахерская. Тогда Брэнд был хорошим парнем, да и в футбол здорово играл в средней школе. А вот колледж его изменил. Он вернулся в город, набитый идеями.

– Какими идеями?

– Он называл это психологией. По его мнению, все кругом были ненормальные, кроме него. Брэнд и меня доставал – говорил, что после несчастного случая у меня мозги повредились и мне нужно обследовать голову. – От злости у него на черепе выступили красные пятна. – Он может весь город записывать в психи, но со мной этот номер не пройдет! Старикау Брэнд тоже не слишком нравится, хотя он его зять.

– А сколько у Майера дочерей?

– Только две. Черч женился на старшей, Хильде. Она помогала в офисе тем летом, когда Брэнд подрабатывал на грузовике, и влюбилась в него. Не могу понять – почему? Старик тогда поднял страшный шум.

– А где живет ваш старик?

Тарко указал мне направление и доверительно подтолкнул плечом.

– Не говорите ему о том, что я вам рассказал, ладно? Мне нравятся парни, которые умеют свернуть си-

гарету, и я иногда слишком много болтаю.

Я поблагодарил его за информацию и заверил, что умею держать язык за зубами.

Глава 6

Майер жил в большом каркасном доме напротив эвкалиптовой рощи возле пустой автостоянки. Впрочем, стоянка была не совсем пустой. Корпуса десятка автомобилей, в том числе старого грузовика, валялись среди сорняков в различной стадии разрушения.

Я оставил мою машину на подъездной аллее и пересек лужайку, окружающую бетонированный садок для рыбы, откуда исходил запах стоячей воды, соперничавший с малоприятным запахом эвкалиптовых деревьев. Старомодная глубокая веранда была завалена орудиями садоводства и спутанным шлангом. Ее половицы скрипели у меня под ногами.

Внезапно тишину нарушил звук выстрела, который повторился дважды. Я повернул ручку входной двери. Она была заперта. Раздались еще три выстрела – они доносились откуда-то из глубины дома, возможно, из подвала. В промежутках между выстрелами я услышал быстрые приближающиеся шаги. Женский голос осведомился через дверь:

– Это ты, Брэнд?

Я не ответил. Над моей головой зажегся свет, и тяжелая дверь открылась.

– О, простите! Я ожидала мужа.

В дверном проеме стояла высокая, еще молодая женщина с красивыми каштановыми волосами и пышным бюстом.

– Миссис Черч?

– Да. Мы где-то встречались?

Ее малахитово-зеленые глаза скользили по моему лицу, но их взгляд, казалось, что-то искал в темноте позади меня.

– Я встречался с вашим мужем, – ответил я. – Что это за стрельба?

– Это отец. Когда он чем-то расстроен, то спускается в подвал и стреляет по мишеням.

– Мне незачем спрашивать, чем он расстроен. Я хотел бы с ним поговорить о пропавшем грузовике. – Я назвал свое имя и род занятий. – Могу я войти?

– Входите, но предупреждаю: в доме беспорядок. Мне приходится следить за собственным домом, так что на отцовский у меня не хватает времени. Я пытаюсь уговорить его взять прислугу, но он и слышать не желает о женщине в доме.

Она шире открыла дверь и шагнула в сторону. Входя внутрь, я рассмотрел ее как следует. Если бы она следила за своей внешностью, то выглядела бы красивой. Но ее портила детская челка, от которой лицо казалось шире, чем на самом деле. Коротенькое платьице тоже было ей не по возрасту – оно плохо на ней сидело, подчеркивая грузноватую фигуру.

Женщина быстро отвернулась, словно смущенный ребенок, прошла по коридору к освещенной лестничной клетке и крикнула:

– Папа, к тебе пришли!

– Кто? – отозвался грубый бас, подчеркивая вопрос выстрелом.

– Вроде бы он детектив.

– Скажи ему, чтобы подождал.

Под полом прогремели еще пять выстрелов. Я ощутил вибрацию подошвами ботинок. Женщина при каждом выстреле вздрагивала всем телом. Когда пальба прекратилась, она осталась стоять у лестницы, ведущей в подвал, как будто выстрелы были увертюрой к музыке, которую я не мог слышать, но которая звучала у нее в голове, отзываясь эхом в каждом нерве.

На лестнице послышались тяжелые шаги. Женщина шагнула назад, пропуская человека, поднявшегося на освещенную площадку. В ее взгляде ощущались страх и ненависть. Мужчина с презрением посмотрел на нее.

– Знаю, Хильда. Тебе не нравятся звуки выстрелов. Но ведь ты можешь заткнуть уши ватой.

– Я ведь не возражаю, папа. Это мистер Арчер.

Он посмотрел на меня, стоя под висящей на стене головой оленя. Этот человек, наверняка бывший крепышом в молодые годы, превратился в старую развалину. Кожа на его лице и руках сморщилась, плечи поникли, авпалую грудь не могла скрыть старая кожа-

ная куртка. Рыжеватая щетина на щеках и подбородке была тронута сединой: красные ободки окружали глаза, поблескивающие на лице, словно тлеющие угольки разрушительных страстей.

– Что я могу для вас сделать, мистер Арчер? – Однако складка рта свидетельствовала о нежелании что-либо делать для кого бы то ни было.

Я объяснил, что оказался замешанным в это дело и намерен в нем разобраться. В причины я не вдавался – я и сам их толком не знал, хотя чувствовал, что к этому имеет отношение Кейт Керриган. Возможно, гибель этого парня стала для меня символом бессмысленного насилия в городах долины, с которым мне не раз приходилось сталкиваться. Теперь у меня был шанс добраться до самой сути.

– Вы хотите, чтобы я вас нанял? – осведомился Майер.

– Предоставляю вам такую возможность.

– Муж моей дочери – здешний шериф – сейчас занимается этим делом с тридцатью помощниками. И не думайте, что я им не плачу – за это с меня дерут налоги. Что вы можете предложить, чего не могут сделать они?

– Внимание к делу, мои мозги и мои кулаки.

– Считаете себя очень крутым?

– На юге у меня такая репутация. Не слишком приятная, но в моей профессии не помешает.

– Я ничего об этом не знаю. – Майер посмотрел на свои покрытые пятнами руки, сгибая длинные пальцы. Я почувствовал исходящий от них запах бездымного пороха. – Я тружусь ради денег, парень, и не трачу их, пока не буду уверен, что именно получу взамен. А что я могу приобрести сейчас? Грузовик застрахован, груз – тоже.

– А как с грузоотправителями? Такие вещи улаживаются нелегко.

– Сам знаю. – Он склонил набок сидящую голову. – С кем вы говорили? Керриган выражал недовольство?

– А он тут при чем?

– Они отправляли виски Керригану.

– Вы имеете в виду, что груз принадлежит ему?

– В некотором роде. Отправители выписали счет на него. Но если он не получит свое виски, все потери оплачиваю я.

– Вы же сказали, что груз застрахован.

– Да, на девяносто процентов. Я не обеспечил полной страховки, и оставшиеся десять процентов возьмут из моего кармана. – Он болезненно поморщился, словно описывал предстоящую ему хирургическую операцию. – Около семи тысяч долларов.

– Я буду работать за десять процентов от ваших десяти процентов. Семьсот долларов, если я верну вам груз.

– А если нет?

– Сотня на расходы. Прямо сейчас.

Майер стоял передо мной, переминаясь с ноги на ногу. Его голос напоминал скрежет напильника.

– Это большая сумма. Откуда мне знать, что вы ее отработаете?

– Вам придется поверить мне на слово.

Он впервые хитро улыбнулся:

– О'кей, поговорим. Входите и садитесь.

Его гостиная походила на комнату, которую можно увидеть на захолустных ранчо, где старики удерживают последнюю линию обороны от женщин, цивилизации и гигиены. Ковры и мебель были покрыты грязью. Зола, месяцами наполнявшая камин, уже просыпалась на пол. Единственным аккуратным и чистым предметом во всем помещении была двустволка, висевшая над каминной полкой.

Майер присел на шаткую тахту и придвинул мне стул.

– Значит, так, – заговорил он. – Семьсот долларов за грузовик и груз. Ничего за ничего.

– Не слишком ли сурово для человека, потерявшего водителя и грузовик? Не говоря уже о дочери.

– О какой еще дочери?

– Об Энн. Она исчезла.

– Вы спятили. Она работает у Керригана.

– Уже нет. Миссис Керриган сказала, она не появлялась с прошлой пятницы. На этой неделе они ее не ви-

дели.

– Почему же никто мне об этом не сказал? – Он сердито рявкнул: – Хильда! Где ты, черт возьми?

Хильда появилась в дверях; передник топорщился на ее груди, как надутый парус.

– В чем дело, папа? Я пытаюсь прибраться в кухне. – Она неуверенно шагнула вперед, озираясь, словно оказалась в звериной берлоге. – Дом утопает в грязи.

– Забудь об этом. Куда подевалась твоя сестра? У нее опять неприятности?

– У Энн неприятности?

– Об этом я тебя и спрашиваю. Ты видишь ее чаще, чем я. Да и весь город тоже.

– Ты сам виноват, что не видишься с ней. Насколько я знаю, у нее нет никаких неприятностей.

– Ты говорила с ней недавно?

– На этой неделе нет. А на прошлой мы ходили вместе на ленч.

– Когда? – спросил я.

– В среду.

– Она не говорила, что бросает работу?

– Нет. Она уволилась?

– Очевидно, – ответил Майер. Он подошел к телефону, стоящему на столе в углу комнаты, и набрал номер.

Хильда с тревогой посмотрела на меня:

– Что-то случилось с Энн?

– Не будем делать поспешных выводов. У вас нет поблизости ее недавней фотографии?

– Дома есть. Не знаю, есть ли у отца. Сейчас посмотрю. Она быстро двинулась к двери, словно ей хотелось поскорее выйти из комнаты.

Майер положил трубку. Он повернулся ко мне и беспомощно развел руками.

– Энн не отвечает. А Керриган не знает, где она?

– Говорит, что не знает.

– Думаете, он лжет?

– По-моему, так думает его жена.

– Не говорите мне, что она прозрела после стольких лет. Я думал, он окончательно заморочил ей голову.

– Ну, не знаю, – осторожно отозвался я. – Кто вообще такой этот Керриган?

– По-моему, жулик. Приехал в город в конце войны, работал на военной базе – кажется, в отделе информации. Тогда он был моложе, и многие девушки клевали на униформу. Энн была не единственной. – Поняв, что сболтнул лишнее, он поспешно продолжал: – Взять хотя бы девушку, на которой он женился, – дочь судьи Крейга. Она принадлежит к одной из лучших семей города, но Керриган быстро заставил ее плясать под его дудку. В первый же год после свадьбы он продал ранчо Крейга и занялся торговлей недвижимостью, потом спиртным и наконец решил переключиться на мотель.

Керриган не бизнесмен. Когда он начал собственное дело, я думал, что он продержится не больше пяти лет.

Ну, ему удалось протянуть семь.

– И каков же его доход?

– Насколько я слышал, паршивый.

– Груз бурбона на семьдесят тысяч долларов – большой заказ для человека с низкими доходами.

– Самый большой, какой я принимал от него. Но это не мое дело. Мне говорят, что нужно перевезти, и я перевожу.

– Вы обеспечивали все его перевозки?

– Да, насколько я знаю.

– А ему было известно, какого шофера вы собираетесь отправить в рейс?

– Думаю, да. Тони единственный имел страховку на такую сумму. – Его маленькие глазки устремились на меня из-под косматых седых бровей. – О чем вы думаете, приятель? Что Керриган украл собственное виски?

– Может, и так.

– Если бы я заподозрил такое, то вырезал бы у него печеньку и съел ее на завтрак.

– Еще рано планировать меню, – заметил я. – Мне нужно побольше фактов. А в данный момент – получить от вас сотню долларов.

– Черт возьми, а я-то думал, что вы про это забыли.

Майер повернулся ко мне спиной, но я успел увидеть пачку денег, которую он вытащил из кармана куртки. Ей

можно было оглушить бронтозавра. Сунув пачку назад и застегнув карман, он неохотно протянул мне две пятидесятидолларовые купюры.

– Что-нибудь еще?

– Вообще-то да. У вашей дочери Энн раньше бывали неприятности?

– Ничего серьезного. Обычная чепуха. – Он говорил словно оправдываясь. – Понимаете, Энни росла без матери. Мы с Хильдой делали все, что могли, но нам не всегда удавалось ее контролировать. В школе она водилась с легкомысленной компанией, а когда пошла работать, то тратила больше, чем зарабатывала. Мне пришлось пару раз брать ее на поруки.

– Сколько времени она работала у Керригана?

– Три-четыре года. Энн начала как секретарша, а потом он отправил ее на юг, на курсы менеджмента, чтобы она могла заниматься его мотельным бизнесом. Я хотел, чтобы она вернулась домой и вела мои дела, но для Энни этого было недостаточно. Она заявила, что хочет жить собственной жизнью. Ну и получила ее.

– Какую именно?

– Меня об этом не спрашивайте. – Майер тяжело пожал плечами. – Энни оставила меня, когда ей было пятнадцать, и с тех пор я ее почти не видел. Я встречаюсь с ней, только когда ей что-то от меня нужно.

Он шаркая подошел к камину и остановился, глядя на кучу золы. Свет лампы на потолке падал ему на го-

лову.

– Энни никогда обо мне не заботилась, да и Хильда тоже. Конечно, Хильда приходит ко мне раз в два-три месяца. Возможно, ее заставляет муж, так как рассчитывает унаследовать мой бизнес. Ну, этому ублюдку придется подождать. – Майер повернулся и заявил громким хриплым голосом: – Я собираюсь прожить до ста лет.

– Мои поздравления.

– По-вашему, это смешно?

– Я и не думал смеяться.

– Смейтесь, если хотите. Я происхожу из семьи должителей, так что буду смеяться последним. Гробовщикам до меня еще долго не добраться. – Внезапно он отвлекся от рассуждений о самом себе. – Так что там такое с Энни? Она замешана в эту историю?

– Это ваша идея, а не моя. Может, в этом что-то и есть. Она близка с Керриганом и, насколько я понимаю, была весьма близка с Акистой.

– Вы понимаете неправильно. Тони действительно волочился за ней, но она и смотреть на него не могла. Энни боялась его. Как-то в прошлом году она пришла сюда ночью, потому что хотела...

– Хотела чего?

– Защиты. Этот парень досаждал ей – просто покоя не давал. Я предложил уволить его и выгнать из города, но Энни и слушать не пожелала. По-своему она до-

брая девочка. Поэтому я дал ей то, что она просила.

– Оружие?

– Да, мой старый револьвер 38-го калибра. – Он понял мой молчаливый вопрос. – Энни не стреляла в этого парня, если вы об этом думаете. Она хотела только защититься от него. Это доказывает, что Тони ничего для нее не значил.

– А Керриган?

– Об этом я не знаю. – Но в его глазах мелькнуло смущение.

– Они что, жили вместе?

– Очевидно. – Ответ дался ему с трудом. – В прошлом году я слышал, что он оплачивает ее квартиру.

– О ком ты говоришь? – спросила Хильда, появившись в дверях.

Майер покосился на нее, мотнув головой, как бык.

– Об Энни и Керригане.

– Это ложь. – Она подошла к нам; ее лицо было бледным и напряженным. – Тебе должно быть стыдно болтать такое. Люди в этом городе готовы рассказывать друг о друге что угодно.

– Мне стыдно, но не за себя. Как я мог ее остановить?

– Нечего было останавливать. – Хильда обернулась ко мне: – Все это просто сплетни. Энни не стала бы связываться с женатым мужчиной.

– Я слышал совсем другое, – возразил старик.

– Придержи свой грязный язык! – Она зашипела на него, как сердитая кошка. – Энн хорошая девочка, хотя ты сделал все, чтобы ее испортить.

Майер побагровел и шагнул к ней.

– Лучше тебе придержать язык!

Между ними словно сверкнула молния ненависти. Старик угрожающе расправил плечи. Хильда подняла руку, прикрывая искаженное страхом лицо. В руке она держала глянцевый бумажный прямоугольник.

Майер вырвал у нее фотографию.

– Где ты это взяла?

– Она торчала за зеркалом твоего бюро.

– Держись подальше от моей комнаты!

– С удовольствием. Там воняет, как в медвежьей берлоге.

Майер уставился на снимок, прикрывая его ладонью, как горящую спичку. Я попросил показать мне его. Он протянул мне фотографию с такой же неохотой, как деньги.

Снимок изображал девушку, сидевшую на пляже у большого белого валуна, вытянув ноги, словно она любовалась их формой. Ветер развеивал темные локоны вокруг ее смеющегося лица. Она походила на сестру, хотя была красивее. Но с девушкой, которую я видел с Керриганом, у нее не было ничего общего.

– Какого цвета у нее волосы, миссис Черч?

– Рыжевато-каштановые, немного светлее моих.

– А сколько ей лет?

– Дайте подумать... Энн на семь лет моложе меня – значит, ей двадцать пять.

– Это недавний снимок?

– Более или менее. Брэндон сфотографировал ее прошлым летом в Писмо-Бич. – Она посмотрела на отца с холодным любопытством. – Не знала, что ты хранишь этот снимок.

– Ты многого не знаешь.

Зеленые глаза женщины окинули его задумчивым взглядом. Старик подошел к столу в углу комнаты и стал набивать трубку табаком из полуфунтовой банки. Где-то снаружи заурчал автомобиль.

Хильда подняла голову и направилась к окну.

– Должно быть, это Брэндон. – На улице блеснули фары и тут же исчезли. – Нет, не он. Разве ты не говорил, что он заедет за мной? – спросила она у отца.

– Если сможет. Он очень занят.

– Пожалуй, я возьму такси. Уже поздно.

– Это обойдется в два доллара, – поморщился старик. – Я бы отвез тебя сам, но не могу отходить от телефона. Почему бы тебе не взять старый «шевроле»? Я им не пользуюсь.

– С удовольствием вас подброшу, – предложил я.

– Вы очень любезны, но я не могу...

– Еще как можешь, Хильда. Мистер Арчер не возражает. Он все равно собирался уходить.

Она беспомощно пожала плечами. Майер бросил на меня довольный взгляд. Ему удалось хоть что-то получить за свои деньги.

– Спокойной ночи, Хильда. Спасибо, что зашла.

Он остался в углу, точно усталый старый бык в своем *querenzia*².

² Стойло (*исп.*).

Глава 7

Я проехал задним ходом мимо ржавых останков машин на стоянке и свернул на восток к центру города. Хильда громко вздохнула, как будто долго сдерживала дыхание.

– Я прихожу к нему с самыми лучшими намерениями, но мы всегда ссоримся. Сегодня из-за Энн, в следующий раз из-за чего-то еще...

– С ним нелегко, верно?

– Да, особенно нам. Энн вообще не могла с ним ужиться. Я ее не порицаю. У нее достаточно причин... – Она не окончила фразу и сменила тему: – Мы живем у холмов, на окраине города, мистер Арчер. Боюсь, что туда ехать далековато.

– Ничего. Я так или иначе хотел побеседовать с вами наедине.

– О моей сестре?

– Да. Раньше бывало, чтобы она вот так исчезала на неделю?

– Один или два раза. Но меня она предупреждала.

– Вы с ней очень близки, не так ли?

– Да, мы всегда дружили. Не то что некоторые известные мне сестры, которые постоянно ссорятся. Хотя она куда красивее меня...

– Я бы этого не сказал.

– Вам незачем быть галантным. Я знаю, что Энн красавица, а я – нет. Но это никогда нам не мешало. Она ведь гораздо моложе меня, и мне не из-за чего было с ней соперничать. Я была скорее ее тетей, чем сестрой. Мама умерла, рожая Энн, и мне пришлось ее воспитывать.

– А это было нелегко?

– Вовсе нет. Не слушайте папу. Он всегда был пре-дубежден и верил всему плохому, что говорили об Энн. В этой грязной сплетне о ней и мистере Керригане нет ни крупицы правды.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Я бы знала, если бы это было правдой. Энн работала у мистера Керригана – и ничего больше.

Я затормозил у ряда машин, ожидавших светофора на перекрестке с главной улицей. На освещенном тротуаре толпились одинокие мужчины, парочки и группы скучающих юнцов. Женщин без мужского эскорта нигде не было видно.

– Езжайте по этой улице, – сказала Хильда. – Я покажу вам, где свернуть.

Зажегся зеленый свет, и мы покатали по испещренному выбоинами асфальту.

– А где живет ваша сестра?

– У нее коттедж в Бугенвиллия-Корт, номер три. Это недалеко отсюда, на Лос-Баньос-стрит.

– Может, я загляну туда позже. Вряд ли у вас есть ключ?

– Ключа у меня нет. А зачем он вам?

– Чтобы взглянуть на ее вещички. Они могут объяснить, куда она уехала и почему.

– Понятно. Ну, вас сможет впустить управляющий.

– А вы даете мне разрешение?

– Конечно. – Она молчала, пока мы пробирались по скудно освещенным улицам к окраине города. – Как вы думаете, мистер Арчер, куда уехала Энн?

– Я собирался спросить об этом у вас. Понятия не имею, если вы не ошибаетесь насчет нее и Керригана.

– Я не могу ошибаться, – отозвалась она. – Почему вы все время к этому возвращаетесь?

– Когда исчезает женщина, приходится искать причину в ее жизни. У нее их было много?

– Порядочно. Я не подсчитывала их.

Ее голос звучал резко, и я заинтересовался, действительно ли она не испытывала ревности.

– Энн могла сбежать с кем-нибудь из них?

– Сомневаюсь. Энн не доверяет мужчинам. Зная отца, этому не приходится удивляться. Она и слышать не желает о замужестве и больше всего ценит независимость.

– Ваш отец сказал, что Энн покинула дом в пятнадцать лет. Значит, она уже лет десять живет самостоятельно?

– Не совсем. Она оставила его, когда ей было пятнадцать, после... после ссоры с ним. Но мы с Брэндом поселили ее у себя до окончания школы. Потом Энн нашла работу и стала жить сама по себе. Мы пытались оставить ее у нас, но, как я говорила, она очень независимая.

– А из-за чего она поссорилась с отцом? Вы что-то говорили о том, что он ее портил.

– Разве? Ну, я имела в виду не совсем это. Отец ужасно с ней поступил. Не спрашивайте, как именно. – Эмоции душили ее, словно кровь, хлынувшая из горла. – Большинство мужчин в этом городе сущие варвары во всем, что касается женщин. Для девушек это ужасное место. Все равно что жить среди дикарей.

– Неужели все так плохо?

– Хуже некуда. – Внезапно она закричала: – Ненавижу этот город! Знаю, что так нельзя говорить, но иногда мне хочется, чтобы землетрясение стерло его с лица земли!

– Из-за неприятностей между вашей сестрой и отцом?

– Да я и не думала о них, – отмахнулась она.

Я посмотрел на нее. Хильда сидела неподвижно; ее глаза казались совершенно черными на бледном лице. Она приподнялась и наклонилась ко мне.

– Здесь сворачивайте налево. Простите. Боюсь, отец расстроил меня куда сильнее, чем мне казалось.

Дорога вилась спиралью среди невысоких холмов, застроенных домами. Это был хороший жилой пригород, где люди могли отвернуться от унылого настоящего и заглянуть в более радостное будущее. Большинство домов были новыми и современными, поэтому с трудом вписывались в ландшафт. Под плоскими выступающими крышами виднелись бетонные стены с освещенными окнами.

Я свернул на асфальтированную дорожку и остановился. Дом Хильды походил на другие, за исключением того, что в окнах не было света. Женщина смотрела на темное низкое здание, словно это был опасный лабиринт, через который ей предстояло пробираться.

– Вы здесь живете?

– Да. – В ее голосе послышалась трагическая нота. – Простите. Мне не следовало говорить об этом, но я боюсь туда входить.

– Боятесь? Чего?

– Чего боятся люди? Смерти. Других людей. Темноты. Я боюсь темноты. Доктор назвал бы это никтофобией, но знание названия болезни не помогает от нее избавиться.

– Если хотите, я войду с вами.

– Очень хочу.

Я подал ей руку, и мы двинулись по мощеной дорожке. Хильда держалась смущенно, стараясь идти подалее от меня, словно ей было неловко опираться на

руку мужчины. Но в дверях, коснувшись меня бедром и грудью, она взяла меня за обе руки и провела в темный холл.

– Не уходите.

– Но я должен идти.

– Пожалуйста, не оставляйте меня одну. Я ужасно боюсь. Потрогайте, как бьется сердце.

Хильда с такой силой прижала мою руку к своему боку, что кончики моих пальцев утонули в ее мягкой плоти, коснувшись ребер. Сердце действительно колотилось от страха или другой сильной эмоции.

– Видите? Я боюсь. Мне так много ночей пришлось провести одной.

Я чмокнул ее и отодвинулся.

– Вы всегда можете включить свет. – Я пошарил по стене в поисках выключателя.

– Нет. – Хильда убрала мою руку. – Я не хочу, чтобы вы видели мое заплаканное лицо. Я и так не слишком красива.

– Вы достаточно красивы для всех практических целей.

– Нет. Вот Энн в самом деле красивая.

– Об Энн я ничего не знаю. Я никогда ее не встречал. Спокойной ночи, миссис Черч.

– Спокойной ночи, – ответила она после паузы. – Не хочу снова извиняться, но на минуту я потеряла голову. Брэндон часто работает допоздна. Когда он вернется,

со мной будет все в порядке. Спасибо, что подвезли
меня.

– Не стоит благодарности.

– Если увидите Энн, сразу дайте мне знать.

Я пообещал это сделать и поехал назад в город.

Глава 8

Бугенвиллию-Корт сторожили две финиковые пальмы, стоящие по обеим сторонам входа, словно лохматые часовые. Когда я вышел из машины, толстая крыса пробежала по тротуару передо мной и быстро полезла по стволу одной из пальм. Давно сухой фонтан в центре двора украшал бетонный ангел, покрытый щербинками, похожими на следы оспы. Каждый из восьми коттеджей вокруг имел маленькое крыльцо, поросшее бугенвиллией с пурпурными цветами. В большинстве коттеджей горел свет и играла музыка, но только не в номере три.

Дверь открылась, как только я прикоснулся к ней. Я включил карманный фонарик. Край двери вокруг замка был исцарапан и местами расщеплен. Я вошел внутрь и закрыл дверь локтем. Думая о том, что со времени исчезновения Энн Майер прошло уже шесть дней, я инстинктивно принюхивался в поисках запаха смерти, но ощущал лишь застоявшиеся ароматы жизни – сигаретный дым, алкоголь, духи и трудноописуемый мускусный запах секса.

Луч моего фонарика скользил по стенам и мебели, выхватывая из темноты репродукции смуглых обнаженных женщин Гогена и проституток Лотрека в боль-

ших причудливых шляпах, поддельный камин с газовой горелкой, маленькую книжную этажерку, разбросанные повсюду книги в бумажных обложках, секретер кленового дерева, портативный бар из ротанга и складную тахту с полосатой обивкой, выглядевшую новой и отнюдь не дешевой.

Крышка секретера была открыта – хлипкий замок вышел из строя. Ящики были набиты бумагами и конвертами. Верхний конверт был надписан мужской рукой и адресован мисс Энн Майер, но внутри ничего не оказалось.

За прикрытой занавесом аркой начинался короткий коридор, ведущий в спальню и ванную. Спальня была маленькой и сугубо женской. Кровать на низких ножках и туалетный столик покрывала желтая кисея под стать занавескам. Стенной шкаф набит одеждой – спортивные и деловые костюмы, пара вечерних платьев, слегка пахнущих пудрой и духами.

Было невозможно определить, все ли на месте, но на подставке для обуви имелись пустые места. Кровать была тщательно застелена, однако сбоку виднелась вмятина в том месте, где кто-то сидел. На столике возле кровати лежали золотые часики, украшенные маленькими бриллиантами.

Под кроватью было пусто, а содержимое ящиков могло представлять интерес разве только для фетишистов: Энн Майер тратила много денег на нижнее белье.

Я вошел в ванную, опустил штору на маленьком высоком окошке и включил свет. На веревке над ванной висели чулки. Я открыл аптечку над раковиной. Среди множества пузырьков и коробочек имелась картонная коробка, наполовину полная капсулами с голубой полоской и с надписью: «Принимать, когда нуждаетесь в отдыхе и сне».

Закрыв зеркальную дверцу, я посмотрел на свое отражение сквозь пятна зубной пасты на стекле. Лицо казалось бледным, а прищуренные глаза светились любопытством. Я вспомнил пальмовую крысу. Она живет во мраке, питаясь объедками, и вечно прислушивается. В ожидании опасности. Думая о ней, я чувствовал, что крыса мне нравится куда больше самого себя.

Сквозь зашторенное и закрытое окно соседнего коттеджа доносилась громкая музыка: «Бэби, не пора ли домой?» Зубной щетки на полочке не оказалось. Я вернулся в спальню и подошел к туалетному столику. Кое-каких вещей явно не хватало – губной помады, пудры, крема для лица, карандаша для бровей. Зато присутствовали щипчики и бритва.

Вернувшись в первую комнату, я обшарил ящики секретера. В них не было ничего личного, хотя счета и деловые письма оставались нетронутыми. Наполовину использованная чековая книжка демонстрировала баланс свыше девятнадцати тысяч долларов. На последнем обрывке была отмечена уплата 7 октября ста

сорока трех долларов и тридцати центов мадемуазель Файнери. Восемь дней назад.

Отделения для бумаг были забиты счетами и расписками в получении – большей частью за одежду и мебель. Снова ничего личного. Я был готов сдаться, когда обнаружил прижатый к задней стенке одного из отделений конверт, сложенный вдвое. На нем стоял штампель Сан-Диего почти годовой давности. Конверт содержал письмо, написанное химическим карандашом на обеих сторонах листа дешевой гостиничной бумаги. Письмо было подписано «Тони».

Я закрылся в освещенной ванне и начал читать:

«Дорогая Энн!

Возможно, ты удивишься, услышав обо мне. Я и сам удивляюсь. После того, что ты сказала мне в последний раз, я не думал, что захочу видеть тебя снова, а тем более писать тебе. Но я застрял в Диего, а этот ужасный городишко не стал лучше со времен войны. Корабль, который я должен встретить, задержал шторм у полуострова Калифорния. Он прибудет не раньше завтрашнего утра, поэтому мне пришлось здесь заночевать. Я вижу перед собой в этой комнатухе твое лицо, Энн. Почему ты мне не улыбаешься?

Ты, очевидно, думаешь, что я совсем спятил, но я сегодня вечером даже не выпил ни капли. Я выходил прогуляться и видел много женщин, которые охотно пошли бы со мной, но они мне

не интересны. С тех пор как я встретил тебя, меня не интересуют другие женщины. Я бы женился на тебе, если бы ты согласилась. Я знаю, что у меня туго с деньгами и что я не могу соперничать с тем парнем, делающим деньги на выпивке, но я преданный друг. А того парня тебе следует остерегаться, Энн. Ему нельзя доверять. Я слышал, что он скоро угодит в финансовую дыру, так как у его жены кончились деньги.

Я знаю, что ты считаешь меня «мексикашкой», недостаточно хорошим для тебя. Но это неправда, Энн. Мои родители были стопроцентными испанцами, и в моих жилах нет ни капли мексиканской крови. Я ничуть не хуже тебя и куда более белый, чем тот парень. Из-за тебя я готов на все, Энн.

Это не угроза. Я никогда тебе не угрожал. Когда я сходил с ума, дело было вовсе не в ревности, как ты говорила. Я беспокоился за тебя. Я напролет ночи стоял возле твоего дома, когда тот парень был там. Я делал это много раз, так как стремился тебя защитить, хотя никогда ничего тебе не рассказывал. Не бойся – другим я тоже не стану выбалтывать секреты.

Я люблю тебя, Энн. Когда я выключаю свет, то вижу твое лицо, сияющее в темноте, как звезда.

Твой верный друг

Тони.

P.S. Я уже говорил, что в этом городе полно женщин. Если я останусь здесь еще на одну ночь,

не знаю, что может случиться. Хотя для тебя, Энн, это все равно не имеет значения. Т. А.».

Я привожу письмо в отредактированном виде, так как мне пришлось прочитать его дважды, чтобы понять смысл безграмотных каракулей. Это было все равно что заглядывать в глаза мертвецу, пытаюсь расшифровать запечатленные в них воспоминания.

Когда я открыл дверь ванной, в коттедже что-то изменилось. Более тонкое чувство, чем слух, ощутило присутствие в гостиной массивной дышащей массы. С освещенной ванной за спиной я был уязвим. Маленький коридор с лишенной двери аркой походил на тир, где я играл роль мишени.

Я выключил свет и боком двинулся к двери в спальню, нащупывая рукой дверной косяк. Вторая рука держала фонарь, готовая использовать его как осветительный прибор и как дубинку. Я услышал шорох занавеса в арке в шести футах от меня. Потом щелкнул выключатель, и в коридоре зажегся свет.

Рядом с отодвинутым в сторону занавесом на меня смотрело дуло револьвера 45-го калибра – отнюдь не маленького оружия, но казавшегося миниатюрным в державшей его ручище.

– Выходите оттуда.

Я застыл в дверях, явственно ощущая линию безопасности, которая проходила по моему телу, наполовину остававшемуся в коридоре.

– Выходите с поднятыми руками. – Это был голос шерифа. – По счету «три» я стреляю. – Он начал считать.

Я сунул фонарь в карман, поднял руки и шагнул из тени. Черч прошел сквозь арку, задев тульей шляпы планку занавеса. Казалось, он дорос до семи футов.

– Ах это вы! – Шериф подошел ближе и ткнул револьверным дулом мне в солнечное сплетение. – Ну и что вы здесь делаете?

– Мою работу.

– Какую именно?

– Майер нанял меня искать его грузовик.

– И вы подумали, что он спрятан в ванной мисс Майер?

– Он также поручил мне найти его дочь.

Черч подтолкнул оружие мне под ребра.

– Где она, Арчер?

Я напрягся под давлением оружия и еще более ощутимым давлением паники. Глаза Черча были расширены, взгляд – пустой. Вокруг рта четко обозначились мышцы. Он, казалось, был готов убивать.

– Не знаю, – ответил я. – Предлагаю спросить у Керригана.

– Что вы имеете в виду?

– Я объясню, если вы прекратите изображать крутого копа. Железо не идет на пользу моему желудку. И свинец тоже.

Черч убрал револьвер, глядя на него так, словно это было живое существо, противившееся его контролю, но не спрятал его в кобуру.

– При чем тут Керриган?

– Он все время путается под ногами. Когда застрелили Акисту, Керриган находился неподалеку. Грузовик был нагружен виски Керригана. Ваша исчезнувшая свояченица была служащей Керригана, и очень вероятно – его любовницей. И это только начало.

Я хотел рассказать ему о разговоре, который подслушал в «Восточных садах Сэмми», но решил оставить эти сведения при себе.

Черч сдвинул шляпу на затылок, как будто она мешала ему думать, и потер синеватый шрам на виске, возможно оставленный пулей. С открытым высоким лбом он казался совсем другим человеком – смущенным и озадаченным, для которого ковбойская шляпа и крутая внешность служили защитной окраской. Оружие безвольно повисло в его руке.

– Я уже допросил Керригана, – заговорил он изменившимся голосом, негромким и неуверенным. – У него алиби на время выстрела.

– Алиби, подтвержденное его женой?

– Ее слова для меня достаточно. Я давно знаю Кейт Керриган. Я знал ее отца – судью. Этой женщине я полностью доверяю.

– Такая женщина могла бы солгать ради мужа.

– Возможно. Но она не лжет. В любом случае, Керриган не нуждается в алиби. Он уважаемый бизнесмен.

– Насколько уважаемый?

– Я не говорю о его частной жизни. Когда вы можете потерять столько, сколько Керриган, вы не станете убивать водителей грузовиков на шоссе.

– Даже за семьдесят штук? Между прочим, это огромное количество виски. Что он с ним делает – купается в нем?

– Он его продает.

– В своем мотеле?

– Насколько я знаю, нет. У него бар на другой стороне города. Ночной клуб «Золотая тубелька».

– На Янонали-стрит?

– Попали в точку.

– Что еще у него есть, о чем я не знаю? Политические связи?

– Очевидно – через жену.

– Это часом не влияет на вашу оценку Керригана? – рискнул спросить я.

Шрам на виске шерифа покраснел и начал пульсировать.

– Вы слишком далеко заходите с вашими вопросами.

– Я вынужден искать на них ответы там, где это возможно.

- Не забывайте, с кем вы говорите.
- Вы не даете мне об этом забыть.
- Вы не совсем верно оцениваете ситуацию, – сказал Черч. – Мое терпение не бесконечно. Если вы ищите неприятностей, я могу засадить вас за взлом.
- Взламывать было нечего. Когда я пришел сюда, дверь уже была взломана.
- Вы уверены?
- Абсолютно. Коттедж взломали, но это был не обычный грабитель. На столике в спальне лежат дорогие часы. Вор забрал бы их, но не стал бы брать другие вещи, которых недостает.
- Какие?
- Личные вещи – зубную щетку и тому подобное. Думаю, Энн Майер уехала на уик-энд, но не вернулась. Тогда кто-то вломился сюда и забрал вещи, связанные с ее личной жизнью: письма, книгу с адресами и телефонами...
- Вы не имели права сюда входить, – заявил шериф. – Даже если дверь взломали не вы, все равно вы нарушили закон.
- Ваша жена разрешила мне обыскать квартиру.
- А она тут при чем?
- Исчезла ее сестра, ближайшая родственница...
- Где вы с ней виделись?
- Я отвез ее домой от Майера менее часа тому назад.

– Держитесь от нее подальше, ясно? – зарычал шериф. – Подальше от моего дома и моей жены.

– Возможно, вам лучше посоветовать жене держаться подальше от меня.

Мне не следовало этого говорить. Черч затрясся от гнева. Револьвер взлетел кверху, и дуло ударило меня по подбородку. Я с такой силой стукнулся затылком о стену, что с нее посыпалась штукатурка. Высокая фигура шерифа расплылась у меня перед глазами. Я потерял равновесие и ударился о пол плечом и локтем.

Поднявшись, я вытер рукой кровь с подбородка.

– Вы еще пожалеете об этом, шериф.

– Убирайтесь отсюда, пока я не сделал чего-нибудь, о чем в самом деле буду жалеть.

Его длинное лицо приобрело бронзовый оттенок. Взгляд был абсолютно пустым.

Я побрел нетвердым шагом к открытой двери. Музыка в соседнем коттедже сменилась голосом, вещавшим с маниакальной убежденностью, что страх и одиночество станут достоянием прошлого благодаря хлорофиллу.

Глава 9

Янонали-стрит находилась на северной окраине города, соединяясь с шоссе. На перекрестке стояли два двухэтажных дома. В одном из них размещалась бильярдная. Мужчины и мальчишки, размахивающие киями, медленно двигались в дымном зеленом свете, как рыбаки с острогами по дну моря. На крыше другого здания желтые электрические лампы изображали тую-флю на высоком каблуке, прозрачно намекая на веселое времяпрепровождение с женщинами и шампанским. Несколько ламп явно не хватало.

Шампанское было местным и выдохшимся. Три унылого вида девушки – две блондинки и брюнетка – сидели возле бара. Когда я вошел, они встрепенулись, выпятили грудь и растянули ярко накрашенные губы в приветливой улыбке. Я с надменным выражением лица проследовал мимо них к дальнему концу бара.

Комната имела форму плоской бутылки с узким горлышком впереди. Сзади, возле пустой танцевальной площадки, находилась эстрада с серебряного цвета фортепиано и несколькими пультами, похожими на лишенные листьев металлические деревья. Из проигрывателя-автомата доносился мужской голос, громко певший о любви, на которую его обладатель мог рас-

считывать разве только со стороны женщин, не имеющих музыкального слуха.

Четверо юнцов в гавайских рубашках потягивали пиво из бутылок в одной из дальних кабинок. У каждого на лбу болталась белая, крашенная перекистью прядь волос, словно их одновременно обожгла молния. На меня они смотрели с презрением. У меня были обычные волосы, и следовательно, я не являлся «клевым чуваком».

Впрочем, мужчина за стойкой бара тоже не принадлежал к упомянутой категории. У него было лицо усталой жабы, а жакет был белым в незапамятные времена. Когда я заказал пиво, он тяжело вздохнул.

– Как идут дела? – вежливо осведомился я.

Он открыл для меня бутылку и поставил ее на покрытую царапинами пластмассовую поверхность.

– Если дела улучшатся на пятьсот процентов, то все равно останутся паршивыми. Кроме пива, никто ничего не заказывает. Вы проездом?

Я ответил утвердительно.

– Завидую. Я бы сам убрался отсюда, если бы мог. Но жена и дети привязывают человека к месту. – Слово подчеркивая сказанное, его плечи поникли, а челюсть отвисла. – После большой тряски в прошлом году это место словно вымерло.

– Большой тряски?

– Землетрясение, которое у нас случилось прошлым

летом. Оно здесь все изменило. Впрочем, многим это пошло на пользу. Раньше в городе творилось черт знает что, а теперь совсем другое дело. Многие бросили пить и гоняться за чужими женами, очевидно, решили, что землетрясение послано в наказание за их грехи. А вот бизнесу, которым я занимаюсь, не повезло. Я, должно быть, спятил, когда покупал это заведение.

– Значит, это место принадлежит вам?

Он не ответил и устремил взгляд на парней в задней кабинке.

– Посмотрите, какие у меня клиенты. Я потратил кучу денег, а приобрел забегаловку для придурков. Они всю ночь тянут пиво, так теперь им есть где приткнуться.

Музыка временно стихла – проигрыватель менял пластинку. Один из юнцов с платиновым чубом рассказывал другим, как он «накололся с одной хрюшкой, у которой сиськи, как у моей бабушки, а выяснилось, что она сбежала из школы». Последовавший взрыв смеха напоминал пулеметные очереди.

– А Джо скоро придет? – спросил я бармена.

Он медленно покачал головой, как будто вопрос обидел его.

– Если вы ищете Джо, ничего не выйдет. Она не придет.

– Этой ночью она не работает?

– Ни этой, ни другими. Она уволилась. Меня это

устраивает. Я все равно собирался ее уволить.

– А я думал, «Туфелька» принадлежит Дону Керригану.

– Принадлежала. Я купил ее у него сегодня утром. Очевидно, мне нужно обследовать мозги. Вы друг Керригана?

– Да нет, просто знакомый.

– Значит, друг Джо?

– Надеялся им стать.

– Ну так зря надеялись. Она сюда не вернется, а если бы вернулась, у вас все равно ничего бы не вышло. Эта мышка уже занята.

– Кем?

Он с усмешкой посмотрел на меня:

– Я женатый человек, у которого почти весь заработок уходит на подоходный налог. Стала бы она мне доверять?

– Может, и стала бы, если бы попала в отчаянное положение. Вам что-нибудь говорит имя Тони Акиста?

Его выпуклые глаза втянулись, как у лягушки, когда она глотает пищу.

– Я знаю Тони. Он иногда сюда приходит.

– Больше не придет. Он мертв.

– Мертв? Что с ним случилось?

– Его застрелили на шоссе к югу от города. Он вел грузовик с застрахованным бурбоном. Груз похищен. Он принадлежал Керригану.

- И на сколько там было бурбона?
- На семьдесят тысяч долларов.
- Один из нас, должно быть, спятил. Как бы он сбыл такое количество?
- Заказ, очевидно, сделан несколько дней назад. Керриган ничего вам об этом не говорил?
- Может, и говорил, – осторожно ответил бармен. – У меня скверная память. – Он склонился над стойкой, глядя из-под тяжелых век. – Кто вы, мистер? Полицейский?
- Частный детектив. Веду расследование по поручению Майера.
- Но вы не думаете, что Джо имеет к этому отношение?
- Об этом я и хочу у нее спросить. Она ведь знала Акисту?
- Может быть. Мне об этом ничего не известно.
- Вам все отлично известно.
- Широкая физиономия бармена приняла выражение оскорбленного достоинства.
- Думайте как хотите. Я вам ничего не скажу. Малышка не была соловьем, но с ней тут было весело. Почему я должен втягивать ее в неприятности?
- Где я могу ее найти?
- Она передо мной не отчитывается, paisano³. А вы

³ Земляк (исп.).

задаете слишком много вопросов за пиво по тридцать центов.

– Я могу заказать еще порцию.

– А я вам больше ничего не продам. Возвращайтесь к старику Майеру и передайте ему, чтобы на меня он не рассчитывал.

Я поблагодарил его за гостеприимство и соскользнул с табурета. Проигрыватель теперь голосил о любви женским голосом. Две девушки – брюнетка и одна из блондинок – танцевали возле бара. Брюнетка была за кавалера. Я вклинился между ними и увел блондинку.

Она была достаточно молодой и хорошенькой, несмотря на профессиональный блеск в глазах. Танцевала умело и с удовольствием, время от времени касаясь меня грудью. Возле нас витал густой запах дешевых духов. То ли от него, то ли от удара шерифа у меня кружилась голова.

Девушка улыбнулась, продемонстрировала двойной ряд отличных зубов.

– Я Джерри Мей. Мне нравится танцевать.

– Вижу.

– Если устал, можешь сесть и угостить меня выпивкой.

– Я предпочел бы лечь.

Она расценила это как намек и захихикала:

– Быстро работаешь. Я даже не знаю твоего имени.

– Откуда ты, Лу?

– Из Лос-Анджелеса.

– Я прожила там некоторое время. Потрясающий город. – Верно, – согласился я.

Ее пальцы скользнули по рукаву моего пиджака, определяя стоимость ткани.

– А что ты здесь делаешь, Лу?

– Разные вещи.

– Я хотела бы о них послушать. Давай сядем, ты купишь мне выпивку и расскажешь о себе.

– А здесь негде побыть наедине?

Она легонько подтолкнула меня.

– Ты даром времени не теряешь. Если тебе невтерпех, наверху есть комната.

– Проводи меня.

Я последовал за ней, провожаемый враждебным взглядом бармена. Но он не сделал попытки вмешаться. Бизнес есть бизнес.

Изящные нейлоновые лодыжки девушки мелькали передо мной, поднимаясь по деревянным ступенькам. Она подождала меня у двери наверху. При свете лампы на потолке ее лицо выглядело безобразным, как у больной желтухой.

Девушка провела меня по коридору в маленькую комнатку. Кровать, покрытая красным одеялом, туалетный столик со следами пудры и радиоприемник цвета слоновой кости, умывальник в углу... Она опустила штору на единственном окне и задержалась возле

радио.

– Ты любишь музыку, Лу?

– Могу обойтись без нее.

Стульев в комнате не было. Я сел на кровать со спинкой, сломанной, очевидно, в результате излишне резвых любовных утех.

Девушка озадаченно смотрела на меня. В ее глазах был страх человека, который за свою жизнь повидал слишком много и понял слишком мало. Отгнав сомнения, она села мне на колени – при этом ее юбка задралась, обнажив мраморно-белую кожу со следами От уколов.

– Я тебе нравлюсь?

– Еще как.

– Тогда как ты меня хочешь? Раздетой?

– На льду.

– Не понимаю. Это что, новый способ?

– Мне нужна информация, а не копуляция. – Я поднял ее за талию и опустил на кровать рядом с собой.

– Ты не похож на тех, кто удовлетворяется разговорами. Я здоровая, если тебя это беспокоит.

– Меня ничто не беспокоит.

– Я прохожу еженедельное обследование.

– Не сомневаюсь.

– Если ты хочешь только болтать, мы могли бы остаться внизу. А теперь тебе придется платить за комнату.

– Сколько?

– Пять баксов. И десять мне. За разговор я беру такие же деньги. Ну, о чем мы будем говорить? Как я стала этим заниматься? Или хочешь послушать про разных парней?

– Меня интересует только один парень – Тони Акоста. Знаешь его?

– Конечно знаю. Правда, он никогда со мной не ходил. Да я и сама бы с ним не пошла. Мне он всегда казался похожим на психа.

– Джо тоже так думала?

Ее лицо застыло под макияжем.

– Я не знаю, что думала Джо.

– А она с ним ходила?

– Может, флиртовала с ним для смеха. Несколько раз она водила его домой.

– Недавно?

– Да, в последние две недели. Босс привел его сюда однажды вечером.

– Керриган привел его?

– Да. Должно быть, он велел ей вести себя с ним приятнее. Иначе не знаю, зачем ей мог понадобиться Тони. Он не только псих, но еще и не белый и жуткий пьяница. Видел бы ты его, когда он пришел сюда в последний раз. Набрался где-то до чертиков. Рокко пришлось отказать ему в выпивке.

– Когда это было?

Она в раздумье подняла глаза к потолку.

– Три-четыре дня назад. В ночь с воскресенья на понедельник.

– А Джо была здесь?

– Естественно. Он пошел ее провожать. Вернее, она его. Из него провожатый был никудышный.

– Как выглядит Джо?

– А ты ее не знаешь?

– Еще нет.

– Странно, что ты интересуешься девушкой, которую ни разу не видел.

– У меня есть причина.

– Какая?

– Не важно. Опиши ее.

– Маленькая брюнетка, если тебе такие нравятся. Я сама раньше была брюнеткой, пока мне это не надоело.

– Мы говорим о Джо, – напомнил я ей. – Мне нужно полное описание.

– За каким чертом? Я думала, ты хочешь поговорить со мной. У меня мало времени, и ты должен мне пятнадцать баксов.

– Рокко тебя контролирует?

– Практически с секундомером.

Я вынул из бумажника двадцатку. Она зашуршала у нее в руке, как маленькая зеленая ящерица, и быстро скрылась за чулком. Деньги, казалось, ободрили

девушку.

– Подожди минутку. Если тебе нужно знать, как выглядит Джо Саммер, у меня есть кое-что получше описания.

Она направилась к двери.

– Не забудь вернуться, Джерри Мей.

– Не бойся, не забуду.

Она вернулась, держа афишу с надписью золотыми буквами.

– Вот фотография Джо в соблазнительной позе. Рокко только вчера убрал ее из окна.

«Золотая тубелька» представляет великолепную Джо Саммер, – гласила надпись. – Всю ночь песни и шутки».

К афише была прикреплена слегка помятая фотография молодой женщины в черном вечернем платье с блестками и вырезом, доходящим до пояса. С трудом втиснутые в платье груди были наиболее заметной деталью ее фигуры, но меня поразило лицо с глазами, похожими на терновые ягоды, черной прямой челкой и страстным ртом. Несколько часов назад я видел этот рот, жадно прижимающийся к руке Керригана.

Я посмотрел на Джерри Мей.

– Она – девушка Керригана?

Джерри села на кровать рядом со мной.

– Все это знают. По-твоему, почему он дал ей здесь работу?

- Что она за человек? Честная или не слишком?
- Откуда я знаю? Она не маменькина дочка, но я не могу читать ее мысли. Иногда я даже не могу читать свои собственные.
- Кто ее друзья?
- Не думаю, что у нее есть друзья, кроме мистера Керригана. Сколько, по-вашему, друзей нужно девушке? Да, у нее есть дедушка. Он приходил сюда в прошлом месяце вскоре после того, как она начала здесь работать, и хотел забрать ее домой.
- А ты не знаешь, где он живет?
- Кажется, она говорила, что где-то за городом, в горах. Я советовала ей вернуться домой, так как, если она будет слишком долго вертеться в кабаре, это добром не кончится.
- А для тебя, Джерри Мей?
- Обо мне не стоит говорить. Я безнадежна. – Уголки ее накрашенного рта растянулись в горькой усмешке. – Малышка меня не послушалась, так что ей придется все усвоить самостоятельно.
- Что именно?
- В этой жизни ничего не получаешь задаром. Приходится платить вдвойне, а потом бежать куда глаза глядят, чтобы не платить еще больше. У нее серьезные неприятности?
- Возможно.
- А ты часом не коп?

– Частный детектив.

– Вынюхиваешь для миссис Керриган?

– Тут дело посерьезнее.

Она закусила нижнюю губу, испачкав зубы помадой.

– Надеюсь, я не сказала ничего такого, что может повредить малышке. Конечно, она задирала передо мной нос – считала себя артисткой, но я не держу на нее зла. Я сама раньше важничала, вот и плачу за это. – Ее рука лежала на бедре, где были спрятаны двадцать долларов. – Это очень серьезно?

– Не знаю, пока не поговорю с ней. Может, и тогда не узнаю. Она живет в многоквартирном доме на Янонали-стрит?

– Да, в Кортес-апартаментс, если она все еще там.

Я поднялся и поблагодарил ее.

– Не стоит благодарности. Я думала, что меня, кроме денег, ничего не интересует, а ты заставил меня встревожиться за Джо. – Она печально улыбнулась. – Доброй ночи, любитель информации.

– Доброй ночи, Джерри Мей.

Глава 10

Когда я ехал по Янонали-стрит в восточном направлении, то вспомнил о вещественном доказательстве в багажнике моей машины. Доказательство представляло собой несколько сотен сигарет с марихуаной, упакованных в пачки по пять штук в каждой. Я приобрел их у торговца в Саут-Гейт и собирался передать в бюро в Сакраменто. Если пять штук исчезнут, в бюро наверняка ничего не заметят.

Чернокожих подростков на углу уже не было. Я припарковал машину у Кортес-апартментс, открыл багажник, отпер маленьким ключом стальной ящик и взял одну из пачек, завернутых в бумагу.

Внутренняя дверь вестибюля была заперта. К ржавым медным почтовым ящикам на стене были прикреплены карточки с именами жильцов. Всего их было восемнадцать, по шесть в каждом ряду. Только одна карточка была отпечатана на машинке, и только трое из восемнадцати жильцов были мужчинами. На ящике с номером семь виднелась надпись крупными буквами: «Мисс Джо Саммер», сделанная зелеными чернилами. Я нажал кнопку и стал ждать.

В решетке переговорной трубки послышался тихий голос:

– Это ты, милый?

– Угу, – издал я в ответ неопределенный звук.

Замок щелкнул, и дверь открылась. Я поднялся на второй этаж по стоптанным каблуками ступенькам. Возле единственной лампочки виднелось сообщение, написанное губной помадой: «Увидимся у «Флоренс». Моя тень вскарабкалась по стене, сломав себе шею на потолке.

Седьмой номер был последним с левой стороны коридора. Металлическая табличка с номером звякнула, когда я постучал. Дверь приоткрылась, выпустив полосу пурпурного света. Девушка, моргая, вглядывалась в щелку.

– Не ждала тебя так быстро. Я как раз собиралась принять ванну, – промурлыкала она.

Девушка двинулась мне навстречу; очертания ее тела вырисовывались под халатиком из тонкой вискозы. Ее рука скользнула мне под мышку.

– Поцелуй бэби, Донни.

Влажный рот коснулся моего подбородка. Должно быть, от меня исходил незнакомый запах. Девушка удивленно вскрикнула и отпрянула к стене. Ее халат распахнулся, и кожа блеснула, как рыба в мутной воде.

– Кто это? Вы сказали, что вы Донни.

– Вы неправильно меня поняли. Керриган прислал меня.

– Мне он ничего о вас не говорил.

Она прикрыла грудь халатом, вцепившись себе в плечи пальцами с алыми ногтями. Котенок у нее в горле испуганно зашипел:

– Где он? Почему он не пришел сам?

– Не смог выбраться.

– Это она его не пускает?

– Не знаю. Лучше позвольте мне войти. Он передал мне кое-что для вас.

– Что?

– Покажу вам в квартире, не то соседи увидят.

– Соседи? Ни разу их не замечала. Ладно, входите.

Девушка отступила назад. Ростом она была мне до плеча, с маленькой головкой и пышным телом. На вид ей было лет девятнадцать – двадцать. Интересно, как она будет выглядеть, если доживет до сорока?

Комната наглядно представляла собой будущее, ожидающее ее обительницу. Черный торшер с красно-голубым абажуром отбрасывал призрачный отсвет на красные портьеры, висящие на погнутых железных стержнях; тахта, обитая красной шерстью, была завалена дешевыми журналами; цвет и рисунок ковра сделались неразличимыми из-за грязи. Желтые оштукатуренные стены украшал только прошлогодний календарь с фотографиями обнаженных женщин. Чья-то шkodливая рука пририсовала к изображенной на нем блондинке усы, козлиную бородку и волосы на груди.

Девушка смотрела на меня, как нетерпеливый ребен-

нок в ожидании обещанного подарка.

– Что мне прислал Донни?

– Вот это. – Я закрыл за собой дверь и передал ей пачку, завернутую в бумагу.

Ее пальцы разорвали пачку, рассыпав на ковер коричневые сигареты. Девушка опустилась на колени, чтобы подобрать сигареты, хватая их, словно это были черви, которые могли ускользнуть. Вскоре она поднялась с четырьмя сигаретами в руке и одной во рту.

Я щелкнул зажигалкой и зажег ей сигарету. Я убеждал себя, что это необходимо, что она все равно не бросит свою привычку, что полиция ежедневно платит наркотиками осведомителям, но не мог избавиться от чувства, что внес лепту в ее безрадостное будущее.

Девушка всосалась в сигарету, как голодный младенец в пустышку. Шесть судорожных глубоких затяжек прикончили половину сигареты. Она посмотрела на окурок прояснившимся взглядом и затянулась снова. Вскоре сигарета обожгла ей пальцы.

Загасив окурочек в пепельнице, девушка положила его в пустой портсигар вместе с четырьмя целыми сигаретами. Она прошлась по комнате, пританцовывая и спотыкаясь в своих туфлях с помпонами, потом села на красную тахту, стиснув руки на коленях. Ее глаза казались яркими и расширенными, но взгляд их был обращен внутрь – в пышные джунгли ее мыслей. Улыбка постоянно меняла выражение – она становилась то дет-

ской и глуповатой, то царственной и торжествующей, то кошачьей и развратной, то злобной и старушечьей, то снова детской и веселой.

Я сел рядом.

– Как вы себя чувствуете, Джо?

– Чудесно. – Ее голос словно исходил из глубин мозга, едва шевеля губы. – Мне это было необходимо. Поблагодарите за меня Донни.

– Поблагодарю, если увижу его. Разве он не уезжает из города?

– Да, совсем забыла. Мы уезжаем вместе.

– Куда?

– В Гватемалу. – Она произнесла это как заклинание. – Мы собираемся вместе строить новую жизнь – прекрасную жизнь без грязи и всяких подонков. Только мы вдвоем.

– И на что вы намереваетесь жить?

– У Донни есть разные способы, – мечтательно промолвила девушка.

– Надеюсь, у вас это получится.

– А почему у нас не должно получиться? – Джо нахмурилась: наркотик преувеличивал все ее эмоции – не только надежду, но и страх.

– Под него копают.

Она с беспокойством выпрямилась.

– Кто? Копы?

Я кивнул.

Девушка прижалась ко мне, взяла меня за руку и встряхнула ее.

– Ну и что? У него надежное прикрытие.

– Для убийства нужно очень солидное прикрытие.

Джо посмотрела на меня.

– Вы сказали – убийство?

– Вот именно. Вашего друга застрелили.

– Какого друга? В этом городе у меня нет друзей.

– А Тони Акиста не в счет?

Не сводя глаз с моего лица, она отодвинулась на край тахты.

– Акиста? Не помню такого имени.

– Не пытайтесь одурачить меня, Джо. Он был одним из ваших ухажеров. В воскресенье вечером вы привели его сюда.

– Кто вам сказал? Это ложь. – Она окинула взглядом комнату, словно что-то в ней могло ее выдать. В ее голосе послышался страх. – Тони убили?

– Вас это удивляет? Вы ведь сами это подстроили.

– Нет! – воскликнула она. – Это неправда! Я не делала ничего подобного!

Ее взгляд вырвался из цветущего рая надежд. В черных зрачках мелькнуло подозрение.

– Тони не убит. Вы хотите меня обмануть.

– А вы не хотите посетить морг?

– Дон ничего мне не говорил. Он бы сказал, если бы Тони убили. Этого не должно произойти.

– Зачем ему рассказывать то, что вы и так знаете. Вы же выманили Тони из грузовика, правда?

– Нет! Я даже не видела его с прошлого воскресенья! А сегодня я весь день была дома. – Она слезла с тахты и встала передо мной; ее лицо было напряженным, бледным. – Кто-то пытается меня оклеветать! И вообще, кто вы такой?

– Друг Дона. Я говорил с ним этим вечером.

– Дон никогда не стал бы болтать про меня такое. Он арестован?

– Еще нет. Поэтому я и привез вам сигареты.

– Где Дон их взял? – Она уставилась на меня исподлобья.

– У Боузи. Дон не мог прийти сам, поэтому послал меня.

– Странно. Он никогда вас не упоминал.

– Он не рассказывал вам всего.

– Очевидно.

Девушка подошла к окну, провела пальцами по шторе, потом вернулась и съежилась в углу тахты, прижав колени к груди.

– Вы говорите, что Тони мертв, а Дон водит меня за нос, – сказала она. – Почему я должна вам верить?

– Я говорю правду.

– Значит, вы тоже в деле?

– Думаю, что да. Но выглядит так, будто он водил за нос нас обоих. По его словам, вы должны были зама-

нить Тони.

– Это был первоначальный план, – объяснила девушка. – Но без всякой стрельбы – я бы на такое не пошла. Я должна была только остановить грузовик на дороге, а остальное сделали бы другие.

– Дон и Боузи?

– Да. Только они изменили план. Дон не хотел, чтобы я высывалась. – Она машинально погладила округлую шею. – И потом Тони рассказал мне кое-что в воскресенье вечером. Он был пьян, и я тогда ему не поверила. Тони всегда болтал о ней всякую чушь. Но когда я рассказала Дону, он поверил.

– Что вы ему рассказали?

– Эту историю об Энн Майер.

– Проверьте ее на мне.

Она прищемила двумя пальцами кожу на шее и покосилась на меня.

– Вы задаете кучу вопросов. Откуда мне знать, что вы не коп, а эти сигареты не приманка?

Я встал, изображая гнев, и двинулся к двери.

– Как хотите, сестричка. Я многое могу вытерпеть, но когда меня называют легавым...

Девушка подошла ко мне.

– Подождите секунду. О'кей, вы друг Дона, и вы в деле. Ну и что теперь?

– Я выхожу из дела – мне не нравится, как оно пахнет.

– У вас есть машина?

– Она снаружи.

– Подвезете меня?

– Куда?

– Сама не знаю. Но я не собираюсь торчать здесь и ждать, пока меня заберут. – Она подошла к внутренней двери и обернулась, взявшись за ручку. – Я только приму душ и оденусь. Это не займет и минуты.

Ее улыбка то появлялась, то исчезала, как электрическая реклама.

Я ждал пятнадцать минут под убаюкивающий шум душа за стеной, куря старомодную сигарету и перелистывая «романтические» журналы на тахте. «Я была любовной приманкой». «Мой потерянный уик-энд». «Есть ли у мужчин запретные желания?» «Я была игрушкой старика». Девушки на обложках все как одна походили на Джо. Таким, как она, имя легион.

Наконец мне показалось, что душ продолжается слишком долго. Я вошел в спальню, не постучав. Ящики комода были выдвинуты и опустошены, за исключением нескольких грязных предметов одежды. Я открыл дверь ванной. Душ продолжал работать на полную катушку, но девушки под ним не было.

Пройдя через темную кухню к задней двери, я спустился по деревянным ступенькам в узкий переулок. В тусклом свете я разглядел толстого негра, сидящего у стены между двумя баками с мусором. Со свесившей-

ся набок головой и широко расставленными ногами он походил на огромного черного ребенка, брошенного на пороге мира. Встряхнув его, я почувствовал запах дешевой выпивки и позволил ему спать дальше.

Я двинулся к началу переулка – высокому бледному прямоугольнику, наполненному тусклым светом уличного фонаря. В прямоугольнике появилась широкоплечая мужская фигура в кожаной куртке,двигающаяся бесшумно и с кошачьей грацией. Свет фонаря упал на его лицо, молодое и бледное. На лоб свисали темно-рыжие пряди. Он отбросил их рукой – другая рука была спрятана под курткой.

– Вы, случайно, не видели девушку, которая вышла отсюда?

– Какую девушку?

– Маленькую брюнетку. Возможно, с чемоданом.

– Да, видел.

Он направился вдоль стены в мою сторону – в его глазах застыл страх.

– Куда она пошла?

– Это зависит от того, что вам от нее нужно.

Его голос был тихим и спокойным, но я ощущал кипевшее в этом парне бешенство. Он принадлежал к тем опасным ребятам, которые рождаются отнюдь не в рубашке и вскармливаются злобой и несчастьями.

– Вы часом не Боузи?

Он не ответил словами. Из-под куртки вырвался ку-

лак, в котором что-то блеснуло, и обрушился мне на голову.

Ноги у меня подкосились. Я свалился на асфальт у стены и смотрел на его вооруженную кастетом правую руку – сверкающую сталью ось, вокруг которой вращалась ночь. Искаженное ненавистью лицо склонилось надо мной.

– Кланяйся, паршивый легавый! Я Боузи! Кланяйся и целуй мне ноги!

Кулак устремился мне в лицо. Увернувшись, я услышал звук металла, ударившегося о камень. Я попытался подняться, но мои ноги казались резиновыми. Третий удар попал в цель, и ночь ускорила вращение.

Придя в себя, я обнаружил, что сижу в своей машине и пытаюсь вставить в зажигание ключ от багажника. Улица была пуста, что оказалось весьма кстати. Пару кварталов я вел машину, как пьяный, виляя от одной обочины к другой. Наконец мое зрение прояснилось.

Пересекая главную улицу, я видел в зеркальце мою кровоточащую и перекошенную физиономию. Я хотел узнать, который час, и посмотрел на запястье, но не обнаружил часов. Бумажник тоже исчез. Однако револьвер по-прежнему лежал в ящичке для перчаток. Я переложил его в боковой карман пиджака.

Глава 11

Дом Керригана стоял на склоне холма в северо-восточной части города. Я развернулся на перекрестке и остановил машину на улице, тянущейся вниз. Старые дома были окружены просторными лужайками, на которых росли деревья и ухоженные кусты. Черепичные крыши сверху казались плавающими в темно-зеленых каскадах листвы. В этот поздний час окна в большинстве домов были темными, но только не в доме Керригана, перед которым стоял красный «форд» с откидным верхом.

Я сошел с тротуара, пробрался по росистой траве к соседнему дому и перешагнул через низкую каменную ограду во двор Керригана. Свет из окон падал на лужайку. Из дома доносились звуки голосов. Окна находились слишком высоко, чтобы я мог заглянуть внутрь. Я двинулся вдоль ограды к фасаду. Голосов было два: мужской и женский, причем мужской голос казался почти таким же высоким, как женский.

Переднюю веранду частично скрывал занавес из расщепленного бамбука, к тому же перед ней росла огромная старая араукария. Я ухватился за перила, подтянулся и перемахнул через них.

Стоя у стены в углу веранды, я не мог заглянуть

внутри дома. Перебравшись через полосу света, падающего из окна, я очутился возле обтянутого зеленым полотном кресла-качалки. Отодвинув в сторону ткань на спинке, я мог видеть, что делается в комнате, оставаясь незамеченным.

Красивая комната с белым ковром была обставлена изысканной и хрупкой мебелью восемнадцатого века. Белый потолок опирался на ионические колонны, повторенные в миниатюре в мраморном камине. Кто-то, обладающий европейским складом ума, попытался воплотить в этом помещении мечту об ушедшей цивилизации и почти преуспел в своей затее. Нынешние обитатели дома стояли перед камином, демонстрируя друг другу, что мечта испарилась напрочь.

Спина женщины, обращенная ко мне, была прямой и напряженной. На шее, под желтыми волосами, холодно поблескивало жемчужное ожерелье.

– Все мои деньги превратились в ничто, – говорила женщина, – поэтому ты бросаешь меня. Я всегда знала, что ты это сделаешь.

– Всегда знала, вот как? – Керриган стоял лицом к ней, небрежно прислонясь к камину. Одну руку он держал в кармане, в другой была короткая трубка из корня вереска. Типично актерская поза.

– Да, знала. По крайней мере четыре или пять лет с тех пор, как ты связался с Энн Майер.

– Это давным-давно кончено.

– Так говорил ты. Но ты никогда не был честен со мной.

– Я пытался. А ты хочешь, чтобы я был так же честен, как ты? Хочешь услышать чистую правду?

– Ты не способен говорить правду, Дон. Ты беспомощный лжец. Еще до того, как мы поженились, ты лгал мне о своих возможностях и перспективах, изображал влюбленного. – В ее голосе звучало презрение. – Вся твоя жизнь со мной была ложью. Ты даже не пытался хранить мне верность.

– Докажи это.

– Мне нечего доказывать. Я это знаю. Думаешь, ты мог одурачить меня твоими детскими оправданиями, когда возвращался в мой дом в измятой одежде и с помадой на губах?

– погоди. – Он ткнул в ее сторону черенком трубки, словно дулом пистолета. – Ты хоть слышишь самое себя, Кейт? Знаешь, что ты сейчас сказала? «Мой дом». Твой, а не наш. И еще удивляешься, что я чувствую себя посторонним.

– Потому что ты и есть посторонний, – ответила она. – Мой дедушка построил этот дом для моей бабушки. Они оставили его моему отцу, а он – мне. Дом мой. Это единственная вещь, на которую ты никогда не сможешь наложить руки.

– Я и не собирался это делать.

– Собирался, Дон. Только вчера ты пытался убедить

меня продать дом и отдать тебе деньги.

– Да, пытался. – Он пожал плечами и криво усмехнулся. – Но теперь поздно об этом говорить. Можешь оставить дом при себе. Я ведь никогда не жил в нем по-настоящему. Ты поселила меня в конуре. Ну так оставь себе и ее. Тебе она понадобится для следующего мужа.

– Неужели ты думаешь, что я снова выйду замуж после того, как пожила с тобой?

– Наша жизнь с тобой была не так уж плоха, Кейт. Не строй из себя трагическую фигуру. Признаю, что я не любил тебя, когда ухаживал за тобой, и женился на тебе из-за денег. Ну и что? Неужели это такое ужасное преступление? Твои дружки в Санта-Барбаре делают это каждый день. Черт возьми, я думал, что оказываю тебе услугу.

– Спасибо за твою доброту.

– Послушай меня для разнообразия. – Керриган даже позабыл об актерской позе. – Ты была одинока. Твои родители умерли. Твой любовник погиб на войне...

– Тэлли не был моим любовником.

– Охотно верю. Ты нуждалась в мужчине больше, чем в деньгах. О'кей. Я решил заполнить пробел. Мне это не удалось, но ты никогда не узнаешь, как я старался это сделать. У меня никогда не было шансов. Ты мне не доверяла. Я тебе даже не нравился.

– Я тебя любила.

Она отвернулась и прижала руки к груди, словно пытаясь унять боль.

– Ты только воображала, что любишь меня. Может, рассудком ты в самом деле меня любила. Только что хорошего в такой любви? По отношению ко мне ты все еще девственница. Быть твоим мужем – адский труд, Кейт. Ты ни разу не позволила мне почувствовать себя мужчиной. Ни разу!

Кожа на ее лице напряглась так, что обозначились кости. Она нервно теребила нитку жемчуга.

– Я не волшебница.

Он поднял взгляд на изысканно красивый лепной потолок.

– Даже если бы ты была ею, какой в этом толк?

– Никакого. Все кончено, если только было чему кончаться. Я все поняла, увидев, как ты укладываешь вещи. Меня это не удивило. Я уже месяц назад поняла, к чему идет дело.

– В прошлый раз ты поняла это пять лет назад.

– Да, но я продолжала надеяться. Когда ты порвал с Энн Майер или прикинулся, что порвал, я подумала, что у нашего брака еще есть шанс. Конечно, я была дурой. Я поняла это в прошлом месяце, когда увидела тебя обнимающимся с той девкой возле гостиницы. А ты притворился, что не замечаешь меня.

– Не знаю, о чем ты, – неуверенно произнес Керри-

ган. – Никогда я не был в гостинице ни с какой девушкой.

– Ну еще бы! – Она внезапно повернулась к нему, стиснув кулаки. – Неужели это существо с вымазанными дегтем волосами позволяет тебе чувствовать себя мужчиной? Очевидно, она тебе льстит, вызывая у тебя иллюзию второй молодости.

– Оставь ее в покое.

– Почему? Разве она святая? Разве не с ней ты собираешься сбежать?

– Ты спятила!

– Вот как? Ты ведь не из тех мужчин, которые уходят сами по себе. Тебе нужна женщина, которая будет холить твою «я», завернутое в вату. Я не знаю, кто эта женщина, и не интересуюсь этим. Насколько я понимаю, ты снова спутался с Энн Майер. Или, может быть, ты все время держал ее на поводке на всякий случай?

– Теперь ты в самом деле рехнулась.

– Да ну? В прошлую пятницу ты дал ей ключи от домика на озере. Не удивлюсь, если она тебя там поджидает.

– Не мели вздор. Я же сказал, что у нас с ней все кончено. Я знаю, где она, не больше, чем ты.

– Она провела уик-энд на озере Перидида, не так ли?

– Так. Я разрешил ей воспользоваться летним домиком на уик-энд. Нам ведь он не нужен. Все равно пу-

стует. Ну, я дал ей ключи. Что это – преступление?

– Ты сейчас собираешься туда!

– Нет. Да и Энн там уже нет. Я ездил на озеро в воскресенье, но ее там не было.

– Куда же она делась?

– Не знаю. Можешь это понять? Не знаю! – Эта тема, казалось, раздражала его. – Тебя послушать, я содержу гарем!

– Я бы этому не удивилась. Ты даже не догадывался бы о собственном существовании, если бы какая-нибудь женщина не нашептывала тебе об этом на ухо. Любая женщина.

– Не любая – ты к ним не относишься, – со злобой сказал Керриган.

– Да, не отношусь, – спокойно отозвалась Кейт. – Не знаю, какая женщина занимается этим сейчас. Но могу сказать одно: это не продлится и семи месяцев.

– Это ты так думаешь.

– Я это знаю. Секс для тебя то же, что деньги: успокаивает зуд и заставляет забыть о том, какой ты жалкий неудачник.

– Так ты все знаешь? Вычитала в своих паршивых книжонках? Ну так вот что я тебе скажу. Этого бы не случилось, если бы ты дала мне шанс, когда я тебя просил.

– Я давала тебе множество шансов. – Но теперь Кейт говорила как бы оправдываясь. Ее спина и плечи

обмякли – она словно тянулась к мужу. – На сей раз у тебя серьезные неприятности, верно, Дон?

– Об этом ты никогда не узнаешь.

– Неужели мы хоть один раз не можем быть честными друг с другом? Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе.

– Да неужели?

– Конечно сделаю. Даже если придется продать дом. Тебе это в самом деле нужно?

– От тебя мне ничего не нужно, – отрезал он.

Кейт сжалась, словно от удара.

– Дон, – заговорила она снова, – почему Брэнд Черч приходил сюда сегодня вечером?

– Рутинное расследование.

– Мне так не показалось.

– Ты подслушивала? – Керриган шагнул к ней.

– Конечно нет. Но я не могла не слышать ваши голоса. У вас была жуткая сцена.

– Забудь об этом.

– Дон, это касается убийства?

– Я сказал, забудь! – Его пальцы стиснули чашечку трубки, отломив янтарный черенок. – Забудь обо мне!

Я неудачник – ты сама так сказала. Но это не только моя вина. Весь город катится под гору. А мне просто не повезло. Если бы правительство снова открыло базу морских пехотинцев, мотель купался бы в деньгах.

– Ты все равно бы нашел способ их спустить, – резко

отозвалась она. – Можешь винить правительство, город, меня, кого угодно, если тебе от этого легче.

Он швырнул в нее обломками трубки.

– С меня довольно. Я ухожу.

Керриган направился к двери. Жена крикнула ему вслед:

– Меня тебе не одурачить! Ты планировал это несколько недель и просто не имеешь мужества в этом признаться!

Он резко обернулся:

– Когда это тебя интересовало мужество? По-моему, это последняя вещь, способная тебя привлечь.

– Мне не представлялось такой возможности.

– Тогда посмотри на меня. Это твой последний шанс.

Он приблизил к ней лицо, тяжело дыша через раздувавшиеся ноздри. Она рассмеялась – звук был такой, будто внутри у нее разбилось что-то хрупкое.

– По-твоему, в этом заключается мужество? Именно так муж должен говорить с женой?

– С какой женой? Не вижу никакой жены. – Керриган окинул взглядом комнату, потом повернулся, чиркнув каблуками по белому ковру, и распахнул дверь. Я услышал его тяжелые шаги вверх по лестнице.

Кейт Керриган подошла к камину и положила на полку руку и голову. Волосы рассыпались у нее по лицу, как солома. Я отвернулся.

Араукария четко вырисовывалась на фоне красно-

ватога неба, под которым лежал опутанный сетью огней Лас-Крусес. Самая плотная и яркая светящаяся линия тянулась вдоль автострады. Грузовики и легковые автомобили с того места, где я сидел, казались детскими игрушками, беспорядочно спящими в ночи.

На другом конце веранды открылась дверь. Я поджал ноги. Появился Керриган, неся в каждой руке по тяжелому кожаному чемодану.

– Это навсегда? – спросила из комнаты Кейт.

– Можешь не сомневаться. Между прочим, я беру только свою машину и одежду, больше ничего.

– И, конечно, оставляешь свои долги?

– Бизнес их покроет. Если нет, тем хуже.

Женская фигура с протянутой рукой появилась в освещенном дверном проеме.

– Куда ты едешь, Дон?

– Не твое дело, – ответил он, не оборачиваясь.

– Странно, что ты можешь уйти вот так. Даже ты.

– Это лучше, чем когда тебя уносят на носилках, – бросил он через плечо. – Пока, Кейт. Не пытайся причинить мне неприятности, не то получишь двойную порцию, обещаю.

Женщина наблюдала, как он спускается по лестнице и идет по дорожке к улице, где стояла его машина. Ее пальцы метнулись к горлу и рванули ожерелье. Жемчужины словно град посыпались на каменные плитки.

Глава 12

Задние фонари автомобиля Керригана спустились по склону, сверкнули у светофора на бульваре и исчезли. Когда я доехал до бульвара, его машина была впереди на целый квартал, направляясь к южной окраине. Я держался на расстоянии квартала от Керригана до границы города, потом увеличил скорость, пробираясь сквозь заполнявший шоссе транспорт и проезжая мимо ночных заведений, сверкающих неоновыми вывесками.

Мы находились всего в двух милях от мотеля Керригана, и я думал, что он направляется туда. Но вместо этого он выехал из тянувшегося к югу потока транспорта и свернул к придорожному ресторану. Стоянку занимали две колымаги, в которых тискались парочки, и голубой «бьюик» с помятыми крыльями. Подъехав, я увидел, что Керриган затормозил возле «бьюика».

Рядом с рестораном находилась темная и, очевидно, никем не посещаемая станция обслуживания. Я остановился у бензиновых насосов, откуда мог наблюдать за входом в ресторан и стеклянной стеной здания. Пара официантов разговаривала за стеклом с поваром в белом колпаке. Сквозь стекло дальней стены смутно виднелись красный «форд» Керригана и голу-

бой «бьюик».

Керриган стоял между двумя автомобилями, разговаривая с кем-то, сидящим в «бьюике». Этот человек, чье лицо оставалось скрытым от меня, протянул пакет, завернутый в газету или грязную бумагу. Керриган засунул пакет под пиджак и вернулся к своей машине. Фары «бьюика» зажглись, он тронулся с места задним ходом и повернул в сторону шоссе. Я разглядел кожаную куртку с меховым воротником и бледную физиономию, обрамленную длинными рыжими волосами. Боузи! Кровь у меня забурлила от внезапного прилива адреналина, и я поехал следом за ним к югу от города.

Мое возбуждение увеличивалось параллельно скорости. Когда я проезжал мотель Керригана, спидометр показывал семьдесят пять. «Бьюик» оставался в поле зрения.

Через несколько миль он замедлил скорость, словно не зная, сворачивать ли ему направо с шоссе. Свет фар скользнул по боковой дороге и погас. Я проехал развилку и увидел темный силуэт «бьюика», пробирающегося по асфальту вслепую.

Я резко затормозил, выключил фары и развернулся. Когда я подъехал к перекрестку, «бьюика» уже было не видно и не слышно. Я свернул с шоссе и проехал следом за ним около полумили, не включая фары.

Хотя на небе не было ни луны, ни звезд, рассеянный свет помогал мне ориентироваться. Прямая как линей-

ка дорога тянулась между оградами из колючей проволоки. С левой стороны находилось поле, изрытое ямами, напоминая лунный ландшафт. Справа темнели пустые ангары авиабазы. Взлетные полосы вокруг них напоминали надгробья, упавшие в траву.

Заметив дыру в изгороди, я остановился и повернул барабан моего револьвера, чтобы убедиться, что он полностью заряжен. Потом я вышел из машины. Ночь была тихой, слышался только стрекот цикад. Мои шаги в траве казались необычайно гулкими.

Двойные ворота в ограде шириной около тридцати футов стояли открытыми. Железная перекладина с висячим замком была перепилена. Я ощупал пальцами острые края. Бетонная дорога шла через ворота, соединяясь с одной из взлетных полос. Двери ближайшего ангара были распахнуты. Возле них стоял «бьюик».

Я направился к нему через разделяющие нас двести ярдов бетонной поверхности. Кроме меня, ничто не шевелилось под нависшим темным небосводом. Я чувствовал себя маленьким и беспомощным. Правда, холодный металл револьвера в руке внушал определенную уверенность. Внезапно тишину нарушил звук автомобильного старта. В похожем на пещеру ангаре вспыхнули фары. Я пустился бежать, надеясь добрать-ся туда раньше, чем мотор заведется. Но надежды мои не оправдались. Из ангара выехал грузовик, таща за собой массивный, сверкающий алюминием полутрей-

лер. Фары повернулись в мою сторону. В темноте кабины мелькнуло бледное лицо.

Когда грузовик приблизился, я тщательно прицелился в нижний левый угол ветрового стекла и дважды выстрелил. На стекле появилась паутина трещин, но оно не разбилось. Грузовик несся прямо на меня, не сбавляя скорости.

Когда он был уже совсем рядом, я отскочил в сторону. Колеса грузовика пронеслись совсем рядом. Что-то ухватило меня за штанину и швырнуло вверх. Я грохнулся на бетон, как мешок с песком, и провалился во мрак.

Это походило на долгое падение в темноту. Я был космонавтом, затерянным между галактиками и оставшимся без кислорода. С трудом мне удалось насыпать соли комете на хвост и повернуть ее назад к Солнечной системе. Спина и плечи сильно болели, но было приятно снова очутиться дома...

Я сел и огляделся, но ничего не увидел, кроме пустой бетонной площадки, ангара и брошенного «бьюика» рядом с ним. Цикады сердито стрекотали, словно упрекая меня: «Ты должен ждать и преследовать, ненавидеть и терпеть...» Я поднялся, отыскал револьвер и двинулся к своей машине. Дорога показалась мучительно долгой.

Протиснувшись задним ходом в полуоткрытые ворота, я въехал в ангар. Мои фары осветили темное по-

мещение, задержавшись на маслянистой луже в том месте, где ранее стоял грузовик. Внутри не было ничего, кроме пустой бутылки из-под кока-колы, скопившейся за долгие годы пыли на стенах и нескольких пятен алюминиевой краски на бетонном полу. Я коснулся пальцем металлической капельки. Она еще не совсем затвердела.

Я вышел наружу к «бьюику». Это была сравнительно новая машина, которую, однако, успели заездить. Калифорнийский номер. Регистрационная карточка отсутствует. На резиновой циновке несколько коричневых сигаретных окурков. Я понюхал их. Марихуана. За подушку переднего сиденья засунута дорожная карта юго-западных штатов. Я захватил ее с собой, сел в свою машину и поехал назад к шоссе.

Дорога пересекала его и тянулась к отдаленным холмам. Я выключил мотор и уставился на черный горизонт, похожий на диаграмму высоких надежд и повторных неудач.

На противоположной стороне шоссе виднелся указатель с надписью: «Перевал Лас-Крусес». Я попытался поставить себя на место Боузи. Свернув направо к югу, он бы наткнулся на полицейский кордон у границы округа. К северу шоссе привело бы его назад в город. Дорога к перевалу казалась наиболее вероятной, и я поехал по ней.

Проехав миль пять от перекрестка по извилистой до-

роге, я преодолел крутой поворот у подножия холмов и увидел мерцающий красный огонек. Черная машина преграждала дорогу по диагонали. Я успел вовремя затормозить. Это был «меркьюри» шерифа.

Черч двинулся вперед, держа в одной руке красный фонарь, а в другой карабин.

– Съезжайте с дороги и выходите. Держите руки на виду. – Луч фонаря устремился мне в лицо. – Это опять вы.

Я сидел неподвижно под дулом карабина и красным лучом фонаря.

– А это опять вы. Видели грузовик?

– Какой еще грузовик?

– Полутрейлер Майера.

– Стал бы я здесь торчать, если бы видел его? – Его голос был раздраженным, но в нем не ощущалось следов недавнего бешеного гнева.

– Вы давно здесь, шериф?

– Больше часа.

– А сейчас сколько времени?

– Начало второго ночи. Хотите узнать что-нибудь еще? Например, что я ел на ужин?

– Звучит интересно.

– Я вовсе не ужинал. – Он склонился к окошку, чтобы посмотреть на меня. Отблески фонаря придавали его лицу неестественный розоватый оттенок. – Кто вас поколотил?

– С чего это вы стали таким заботливым? Это меня глубоко трогает.

– Перестаньте паясничать и отвечайте на вопрос.

– Если вам так хочется знать, я упал. – Я рассказал ему, где и как это произошло. – Этот рыжий ублюдок прятал грузовик в пустом ангаре авиабазы. Он замазал номерные знаки Майера алюминиевой краской и ждал, пока жара ее высушит. Менее часа назад Керриган встретился с ним в придорожном ресторане и велел ему уезжать.

– Откуда вы знаете?

– Я видел их вместе. Рыжий – его зовут Боузи – вручил Керригану бумажный пакет, возможно, с кое-чем длинным и зеленым, то есть с деньгами.

– За что?

– За снабжение грузовиком и организацию бегства.

– И как же Керриган это устроил?

Я не ответил. Мы молча смотрели друг на друга. За спиной шерифа виднелись горы, похожие на каменный прибой, бесшумно бьющийся о железные небеса. Лицо Черча под широкими полями шляпы было таким же непроницаемым, как небо.

– Не слишком ли вы зациклились на Керригане? – заговорил он. – Мне самому не по душе этот тип, но это не значит, что он связан с шайкой грабителей.

– На это указывают факты. Некоторые я вам сообщил. Вот другие. Он заказал кучу виски, которое ему

не нужно.

– Откуда вы знаете?

– Этим утром Керриган продал «Туфельку». Он бросил жену ради другой женщины и нуждается в наличных деньгах.

– Кто эта другая женщина?

– Не ваша свояченица, если вас это беспокоит. Она вроде бы в этом не замешана. Девушку зовут Джо Саммер, она пела в «Туфельке». Последние две недели она флиртовала с Акистой, очевидно готовясь заманить его в ловушку. У вас достаточно доказательств, чтобы арестовать их...

– Доказательств? У меня только ваша история.

– Проверьте ее. Но задержите подозреваемых, прежде чем они покинут округ.

– Вы, кажется, учите меня моим обязанностям.

– Приходится.

– Не поддавайтесь вашей мании преследования. Я могу понять ваши чувства, учитывая, как здорово вам досталось. Но бывают вещи и похуже. Так что на вашем месте я бы немного притормозил, Арчер.

– Это можно расценить как угрозу.

– Можно, но не нужно. Для меня не будет ничего хорошего, если с вами разделаются на моей территории. И для вас тоже. Вы ничего не сможете сделать, лежа в кувете с пулей в голове.

Я положил руку на револьвер у меня в кармане.

– Вы имеете в виду пулю из карабина?

Черч погладил приклад карабина. Лицо его было бесстрастным, почти сонным. С гор повеял прохладный ветерок. Но мне было холодно и без этого.

– Боюсь, вы меня не поняли, – сказал Черч. – Я не хочу, чтобы с вами что-нибудь случилось. Если вы послушаетесь моего совета, то заедете в госпиталь, чтобы вас подлатали, и постараетесь отдохнуть. По-моему, это достаточно ясно.

– Абсолютно. Я должен оставить в покое Керригана и его дружков.

– Вы должны оставить в покое все. Я не могу отвечать за вас, если вы будете здесь болтаться. Спокойной ночи.

Он отступил, позволяя мне развернуться. Посмотрев назад, я увидел его одинокий силуэт, стоящий на дороге возле машины.

Глава 13

Я проехал назад к шоссе и свернул к городу. Сияние его огней стало бледнеть, как если бы пожиравший дома пожар догорал. Несколько запоздалых грузовиков двигались на юг, но среди них не было полутрейлера, который я видел недавно. Должно быть, Боузи уже покинул округ, направляясь на восток или на юг, а Керриган сейчас на пути в Мексику.

Но относительно Керригана я оказался не прав. Его красный автомобиль стоял на гравиевой площадке перед мотелем. Мотор работал, и серо-голубые выхлопы таяли в воздухе.

Я остановился на обочине шоссе и подошел к автомобилю Керригана. Он был пуст. Выключив зажигание, я спрятал ключи в карман и вытащил револьвер. Все коттеджи мотеля, кроме одного, были темными, но в главном здании горел свет. Он просачивался сквозь боковое окно, поблескивая на зеленой поверхности маленького плавательного бассейна. Я обошел бассейн, направляясь к задней стене здания. Вода казалась холодной и глубокой.

Свет горел в кабинете. Его задняя дверь была приоткрыта, и я заглянул внутрь. Комната была, очевидно, недавно снабжена парой хромированных стульев,

металлическим столом с черной латунной крышкой и флюоресцентными осветительными приборами на потолке. Керриган лежал ничком между столом и маленьким открытым сейфом. Его затылок также был вскрыт. При ярком свете я отлично видел цвет его мозгов.

Деревянный пол вокруг головы Керригана намек от крови. Я приподнял голову за короткие волосы и увидел пулевое отверстие между глазами. Пуля была среднего калибра – возможно, 38-го. Серые глаза застыли в вечном удивлении. Я опустил голову на пол и быстро обшарил карманы трупа. Вдалеке прозвучала сирена.

У Керригана не было при себе ни бумажника, ни денег. Ни в карманах, ни в сейфе не оказалось никаких следов пакета, который вручил ему Боузи. Я извлек из сейфа содержимое: счета и погашенные чеки, гроссбух со сведениями о финансовом положении мотеля. Предприятие явно было убыточным.

Где-то по другую сторону мотеля послышался звук мотора. Я вышел наружу. Звук доносился со стороны открытых гаражей, выходящих в переулок позади коттеджей.

Двигатель закашлялся и взревел снова. Я побежал к переулку, звонко топая кожаными подошвами по плиткам вокруг бассейна. Маленький спортивный автомобиль выехал задним ходом из гаража позади освещенного коттеджа и рванулся в сторону шоссе. За ветро-

вым стеклом мелькнуло лицо Джо Саммер.

Я поднял револьвер.

– Стойте! Буду стрелять!

Внезапно что-то твердое, тяжелое и урчащее ударило меня по ногам сзади. Я упал на обочину. Маленькая машина объехала вокруг меня, щелкая в лицо гравием. Пара коленей ткнулась мне в поясницу, одна рука стиснула шею, а другая потянулась к моему револьверу.

Я схватил оружие за дуло и ударил рукояткой по локтю руки, сжимавшей мне горло. Нападавший вскрикнул от боли и ослабил хватку. Я высвободил плечо. Должно быть, он весил сотни две фунтов. Я встал на колени, стряхнул с себя противника ударом головы и пригвоздил его к земле, одной рукой стиснув ему горло, а другой придерживая дрыгающиеся ноги.

Упомянутые ноги были обуты в черные кожаные ботинки, а цвет брюк мне активно не понравился. В тусклом свете они имели оливковый оттенок и очень походили на часть униформы помощника шерифа. Сдавленный голос :то-то произнес насчет ареста.

Я отпустил его, но подобрал свой револьвер и направил на него дуло, как только он поднялся на ноги. Это был помощник шерифа Брага – кузен Тони Акисты. Его зубы ярко блестели на индейской физиономии, и между ними с шипением, словно пар, вырывалось дыхание.

– Отдайте мне револьвер.

– Думаю, у меня он будет в большей безопасности, Брага.

Взгляд его обсидиановых глаз скользнул от револьвера с моему лицу и вернулся на прежнее место.

– Я видел, как вы направили оружие на девушку.

– Я пытался остановить ее. Она из шайки грабителей. В результате вашей блестящей тактики ей удалось бежать.

– Слушайте, вы, лос-анджелесский ублюдок...

Он шагнул ко мне, но я шевельнул револьвером, и это его остановило.

– Нет, это вы меня слушайте. Она – девушка Керригана, а Керриган лежит на полу своего кабинета с вышибленными мозгами.

– Значит, вот что это был за выстрел. Это вы о нем сообщили?

– Нет.

Смуглое лицо одеревенело от напряжения мысли.

– Что-то многовато совпадений. У вас вошло в привычку находить жертвы убийства?

– Я следил за Керриганом. Если хотите знать почему, спросите шерифа. Я изложил ему это несколько минут назад.

– Черта с два. Он на перевале, перекрывает дорогу.

– Там я с ним и говорил. Кстати о совпадениях, у Черча вошло в привычку делать всю работу самостоятельноно?

– Вопросы задаю я. – Он сделал еще один шаг в мою сторону, слегка отклоняясь от дула револьвера, словно от сильного ветра. – В последний раз говорю вам: бросьте оружие.

– Сожалею, Брага, но я в нем нуждаюсь. Я отправляюсь за девушкой.

– Вы остаетесь здесь.

Он присел, поднеся руку к бедру. Мне оставалось выстрелить в него или позволить ему выстрелить в меня. Правда, существовала возможность двинуть его как следует в подбородок. Я ею воспользовался. Он свалился на бок и остался лежать в позе зародыша.

Сзади послышался щелчок. Дверь освещенного коттеджа открылась. Юнец в красной пижаме направился ко мне походкой сомнамбулы. Я шагнул ему навстречу.

– Кто вы такой?

– Элистер Ганнисон-младший. – Он говорил как дворецкий, докладывающий о прибывших на похороны. – Вы полисмен, которого я вызвал? Я уверен, что слышал выстрел.

– В какое время?

– Думаю, около четверти второго. Я случайно взглянул на часы, когда звук разбудил меня. Потом я услышал шаги.

– Идущие в этом направлении – к аллее?

– Нет. По-моему, они доносились с другой стороны мотеля и направлялись в сторону шоссе.

– Шаги были мужские или женские?

– Не могу сказать. Когда я вышел из коттеджа, то никого не увидел. Потом я вызвал вас по телефону-автомату, вернулся в коттедж и принял люминал. Боюсь, я испытал нечто вроде шока и только теперь пришел в себя. Я, понимаете ли, легко возбуждима, мои нервы не выносят напряжения.

– Вы не одиноки. Спортивная машина принадлежит вам?

– Да, а что?

– Вам не следовало оставлять в ней ключи. Ее угнали.

– Какой ужас! – воскликнул он. – Мама ужасно расстроится. А я завтра встречаюсь с ней в Пасадине. Вы должны вернуть машину, офицер.

Его близорукие глаза впервые сосредоточились на моем лице и измятой одежде.

– Вы не... вы полисмен? – Его рука метнулась ко рту.

– Специальный агент из Вашингтона, – ответил я. – Мы следили за вами, потому что вы носите красную пижаму. Будьте внимательны.

Я оставил его недоуменно обсасывающим костяшки пальцев. Когда я проходил мимо Браги, тот зашевелился, и я пробежал остаток пути к моей машине, умудрившись не упасть лицом вниз.

Еще до того как я выехал из города, мне стала ясна безнадежность преследования. Джо стартовала рань-

ше и вряд ли где-нибудь задержалась.

Я решил повидать миссис Керриган.

Глава 14

В доме за араукарией звучала музыка – нервный диалог фортепиано и струнных. «Пожалейте меня», – говорило фортепиано. «Мы тебя жалеем», – отвечали струнные. Музыка прекратилась, когда я постучал. Миссис Керриган открыла дверь, не снимая цепочки.

– Кто там?

– Арчер.

– Да, припоминаю, – рассеянно промолвила она. – Мы встречались в мотеле.

– Я как раз оттуда. С вашим мужем произошел несчастный случай.

– Автомобильная катастрофа?

– Нет. В него стреляли.

– В Дона? Он серьезно ранен?

– Очень серьезно. Могу я войти?

Миссис Керриган сняла цепочку и отошла в сторону, пропуская меня в комнату. На ней были голубой купальный халат с белым кантом, нейлоновые чулки и туфли.

– Я не могла уснуть, – сказала она. – Очевидно, что-то предчувствовала. Сидела здесь и слушала Бартока – мне казалось, будто я слушаю собственные мысли.

Она захлопнула дверь, с усилием взяв себя в руки.

Ее глаза, слегка опухшие от бессонницы или от слез, задержались на моем лице.

– Вы тоже пострадали, мистер Арчер.

– В данный момент это не имеет значения. Я выживу.

– А Дон тяжело ранен?

– Настолько тяжело, насколько это возможно.

– Я должна поехать к нему, не так ли? – Она подошла к лестнице и повернулась, положив руку на перила. – Вы хотите сказать, что он мертв?

– Его убили, миссис Керриган. На вашем месте я бы сейчас туда не ездил. Там будут люди шерифа – они начнут вас расспрашивать. У меня тоже есть к вам вопросы.

Женщина неуверенным шагом прошла в гостиную и оперлась на белый шелковый подлокотник дивана, слегка покачиваясь, словно деревце на ветру. Она провела рукой по лбу, и я увидел голубоватые вены на ее запястье.

– Дайте мне немного времени, хорошо? У меня в голове все еще звучит концерт Бартока. Мне не следовало ставить эту пластинку в таком состоянии. Я чувствую, как будто дважды овдовела за одну ночь. – Она подняла голову. – Как он был убит? Вы сказали, что вы его стреляли?

– Да, в его кабинете в мотеле, не более часа тому назад.

– И я в числе подозреваемых?

– Только не для меня.
– Почему?
– Скажем, мне нравится ваше лицо.
– А мне оно не нравится, – отозвалась она с детской серьезностью. – У вас должна быть более веская причина.

– Значит, вы застрелили его?
– Нет. – Ее голос стал резким. – Но не думайте, что я чувствую горе. Это просто... растерянность. Я сама не знаю, что мне чувствовать. Не могу сказать, что сожалею о случившемся. Дон был плохим человеком. Впрочем, мне не на что жаловаться – я сама немногим лучше.

– Я бы не стал так разговаривать с полицейскими. Они смотрят на вещи просто и наверняка повесят на вас ярлык главного подозреваемого. В любом случае вам понадобится алиби. Оно у вас имеется?

– На какое время?
– Примерно на последний час.
– Я просто сидела дома.
– И никого с вами не было?
– Никого. Час с лишним я слушала пластинки. А до того, наверное, около часа собирала бусинки. Я рассыпала жемчуг на крыльце. А когда собрала их, то сразу же выбросила. Безумная выходка, правда? – Она прижала пальцы к вискам, гладким и хрупким на вид, как яичная скорлупа. – Дон всегда говорил, что я сума-

сшедшая. По-вашему, он был прав?

– По-моему, вы хорошая женщина, которой пришлось много страдать. Мне жаль, что ваши беды на этом не кончились.

Я коснулся голубой саржи на ее плече. Она не отстранилась, сидя прямо и сдерживая слезы.

– Не надо мне сочувствовать – я к этому не привыкла. Мне кажется, я бы предпочла, чтобы меня обвинили в убийстве Дона. Возможно, я чувствовала бы себя менее опустошенной, если бы в самом деле застрелила его.

– А если бы вы это сделали? Вы бы стали это отрицать?

– Не думаю, – медленно ответила она. – Честность – одна из немногих моих добродетелей. Возможно, единственная.

– К чему так унижать себя?

– Я привыкла к тому, что меня унижают, и притом делают это мастерски. Дон становился настоящим сандистом, когда у него было плохое настроение. А это случалось очень часто. – Она на секунду зажмурилась. – Я тоже бывала жестокой, что греха таить. Правда в том, что когда он этой ночью ушел из дома... Дон оставил меня, мистер Арчер, и я хотела убить его. Я четко представляла, как иду за ним на улицу и стреляю ему в спину. Будь у меня оружие, я могла бы это сделать. Хотя толку от этого не было бы никакого, вер-

но? – Ее глаза блеснули, как темно-голубые огоньки. –

Вы знаете, кто убил его?

– Трудно сказать. Джо Саммер была на месте преступления...

– Эта его похотливая маленькая брюнетка?

Я кивнул.

– Она сбежала в украденной машине. Но это не доказывает, что она его убила.

– Была бы ирония судьбы, если бы она это сделала. Впрочем, вся ситуация выглядит ироничной. Дон уехал, чтобы начать новую жизнь. *Vita nuova*⁴. – Миссис Керриган горько усмехнулась.

– Ситуация не так иронична, как кажется. Ваш муж был замешан в преступлениях. В таких обстоятельствах насильственная смерть неудивительна.

Это вывело ее из апатии, на что я и надеялся. Она резко поднялась.

– Дон был замешан в преступлении? Должно быть, вы ошиблись.

– Я не ошибся. Джо Саммер тоже в этом замешана, если это вас может хоть как-то удовлетворить. Вы слышали о краже грузовика?

– Да. Шериф приезжал вечером.

– Что ему было нужно?

– Не знаю. Меня не было в комнате, когда они раз-

⁴ Новая жизнь (*ит.*).

говаривали. Судя по голосам, они спорили. Очевидно, Дон одержал верх.

– А вы не слышали, о чем они спорили?

– Нет. Когда Брэндон... когда шериф Черч уходил, я спросила у него, в чем дело. Он рассказал мне об украденном грузовике.

– Вам показалось, что он подозревает вашего мужа?

– Нет. Он был очень сердит, но ничего не говорил о Доне.

– Когда он был здесь?

– Около десяти.

– Вы с шерифом на «ты»?

– Ну, вообще-то да, если это имеет значение. Брэндон много лет был близок с моей семьей. Наши отцы дружили.

– Насколько я понимаю, Черч выбрался наверх с самого дна?

– Его отец был парикмахером, если вы это имеете в виду. Но это не мешало моему отцу дружить с ним. – При словах об отце ее лицо изменилось – стало жестче и в то же время утонченнее. – Отец был демократичным и щедрым человеком. Он помог Брэндону поступить в колледж.

– Могло это помочь вашему мужу одержать верх в споре с Черчем?

Она не сразу меня поняла.

– Конечно нет. На Брэндона никогда не влияют со-

ображения личного порядка.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Я знаю Брэндона.

– И он вам нравится?

– Ну, не сказала бы. Сомневаюсь, чтобы он вообще кому-то очень нравился. Но я восхищаюсь тем, чего он добился, и уважаю его за честность.

– Чего же он добился?

– Он выбрался с самого дна, как вы сказали. Брэндон – лучший шериф, какой когда-либо был у нас в округе. А я знала других шерифов – отец был судьей в верховном суде.

– Ваш муж что-нибудь говорил о его стычке с Черчем?

– Стычки не было – они просто спорили. Нет, Дон ничего мне не говорил. Это вполне понятно, если он, как вы говорите, был замешан в преступлении.

– Можете в этом не сомневаться.

– Не понимаю, почему вы так уверены.

– Этим вечером я говорил с Джо Саммер. Она не сразу узнала, кто я, и сболтнула лишнее. Джо, ваш муж и человек по имени Боузи участвовали в краже грузовика. Возможно, вы видели этого Боузи с вашим мужем – молодой рыжий хулиган с глазами бешеной собаки, в кожаной куртке, похожей на пилотскую.

– Нет, я никогда его не видела. – Но описание, казалось, сделало всю ситуацию реальной для нее. – Это

не может быть правдой! Вчера Дон был со мной в motelе.

– Весь день?

– Большую часть второй половины дня. После ленча он выходил поработать над бухгалтерскими книгами, потом пил в своем кабинете. В последнее время он много пил.

– Вы уверены, что он не покидал кабинет?

– Конечно уверена. Естественно, я не сидела и не наблюдала за ним. Но я не сомневаюсь, что он не имеет ничего общего с убийством водителя.

– Имеет, и очень много, миссис Керриган. Независимо от того, присутствовал ли при этом ваш муж, он один из ответственных за это преступление.

– Вы имеете в виду, что Дон спланировал хладнокровное убийство с корыстной целью?

– Я абсолютно уверен, что он спланировал кражу грузовика. Убийство было ее частью. Насколько я понимаю, эти преступления невозможно разделить.

– Я ни о чем не догадывалась, – испуганно сказала она. – Я знала, что у него неприятности, но не признавала, насколько это серьезно. Дон должен был все мне рассказать, – шепнула она, словно обращаясь к самой себе. – Я бы отдала ему дом и все, что угодно.

Я прервал ее самобичевание:

– В этом деле есть нечто большее, чем убийство из корыстных целей. Гибель вашего мужа спутала все

карты.

– Я думала, вы сказали, что девушка... Джо Саммер...

– Конечно, логически она наиболее вероятная подозреваемая. Но я не уверен... Они собирались вместе уехать. Она любила его.

– Любила?

– Да, по-своему. Любила его и легкую жизнь, которую он ей обещал. Они собирались уехать в Гватемалу и жить там счастливо до конца дней.

– Откуда вы знаете? – Ее лицо превратилось в маску боли.

– Джо сама мне сказала. Она не лгала – хотя, возможно, увлеклась собственными мечтами. Но это не единственная интересная вещь, которую я от нее услышал. Все это довольно запутанно, но суть в том, что Энн Майер как-то связана с похищением грузовика. Тони Акиста рассказал Джо какую-то историю об Энн Майер, которая изменила первоначальный план.

– Какую историю?

– Я надеялся, что вы мне ее расскажете, миссис Керриган. Я ее так и не узнал – девушка что-то заподозрила и сбежала от меня.

Глаза у женщины расширились. Их темно-голубая глубина казалась бездонной.

– Почему вы думаете, что я должна что-то знать об Энн Майер? – осторожно осведомилась она.

– Вы много говорили о ней в мотеле, прежде чем нас прервали. Помните – вы хотели, чтобы ее нашли и установили за ней слежку?

– Предпочитаю забыть об этом. Я почти обезумела от ревности. Но теперь все кончено. Ревновать больше некого.

– Вы имеете в виду, что с ней что-то случилось?

– Я имею в виду, что мой муж мертв. Нельзя ревновать мертвого, не так ли? Да и вообще, я шла по ложному следу. Дон связался не с ней.

– Но ведь вы говорили, что одно время между ними что-то было.

– Да, было и прошло. Меня ввело в заблуждение то, что произошло в прошлую пятницу. Дон предложил Энн воспользоваться на уик-энд нашим летним домом в горах. Она пришла сюда за ключами, и я их подслушала. – В ее голосе вновь послышались резкие нотки. – Он не имел права это делать. Дом принадлежит мне. Очевидно, это меня расстроило.

– Где находится дом?

– На озере Перидида. Отец построил его более двадцати лет назад, когда установили плотину.

– А Энн Майер может все еще быть там?

– Не думаю. Дон говорил, что ее там нет. Когда она не вышла на работу в понедельник, он поехал на озеро посмотреть, что ее задержало. Но Энн там не оказалось. По крайней мере, так он сказал.

– Это нужно проверить. В летнем доме есть телефон?

– Нет. В поселке вообще нет личных телефонов. Он почти полностью изолирован.

– Вы разрешите мне отправиться туда и поискать ее там?

– Конечно. Если вы считаете, что в этом есть смысл.

– Как мне туда добраться?

Она дала мне подробные указания. Озеро находилось на западном склоне сьерры, примерно в двух часах езды по горной дороге от Лас-Крусес.

– Я дам вам ключи.

– Дубликаты?

– Нет, существует только один набор.

– Значит, Энн Майер вернула их?

– Их привез Дон в понедельник ночью. Очевидно, она оставила ключи там.

– Его не было весь понедельник?

– Да, он приехал уже после полуночи.

– Но он не видел ее?

– Сказал, что не видел.

– Думаете, он говорил правду?

– Понятия не имею, – ответила она. – Я уже много лет не знаю, когда Дон говорил правду. Нет, я не спрашивала его, чем он занимался весь день.

– А как по-вашему, чем?

– Не имею представления.

Миссис Керриган вышла из комнаты и через минуту вернулась с двумя ключами от автоматических замков и несколькими маленькими ключами от висячих замков, позвякивающими на хромированном кольце.

– Вот ключи. Желаю удачи.

– У меня будет больше шансов на удачу, если вы никому об этом не расскажете. Особенно представителям власти.

– Вы имеете в виду Брэндона Черча?

– Да.

– У вас и с ним были неприятности?

– Это мягко сказано. Черч меня не переносит. Когда мы встретились впервые, он казался разумным парнем и мы неплохо поладили, но потом все изменилось. Он ваш друг. Что у него на уме?

– Не стану притворяться, что понимаю его. Я знаю, что он хороший человек. Отец высоко его ценил. – Она печально улыбнулась. – Может, вы тоже отчасти виноваты в осложнениях между вами?

– Очевидно.

– Возможно, ему не нравится вмешательство постороннего. Брэндон очень серьезно относится к своей работе. Не беспокойтесь, я не скажу ему ни слова о вас. – Она протянула мне руку. – Я вам доверяю. Не знаю почему...

– Потому что у вас есть для этого все основания. Я желаю вам добра. Но я бы на вашем месте не стал

доверять всем без разбору.

– Вы снова имеете в виду Брэндона, не так ли?

– Боюсь, что так. Хороший человек, который озлобляется... – Я не окончил фразу.

Послышался звук мощного мотора. Автомобиль остановился у дома. Кейт Керриган подошла к окну.

– Только вспомнишь черта, а он уже тут как тут.

Я глянул ей через плечо. Черч вылез из своего черного «меркьюри» и начал подниматься по бетонным ступенькам. Брага плелся за ним, похожий на толстую индианку. Я вышел в заднюю дверь, когда они входили в переднюю.

Вскоре я уже ехал на восток в сторону призрачных гор. Проехав несколько миль за пределами города, я почувствовал, что у меня в глазах словно лопнули капсулы, разлив темноту в голове и неподвижность в теле. Я остановил машину на обочине. Где-то среди холмов на юго-западе авиамаяк, похожий на глаз циклопа, все еще обшаривал лишенное звезд небо. Мне тоже хотелось быть сделанным из стали и управляемым электричеством.

Я медленно ехал мимо окутанных ночным мраком холмов, пока не добрался до туристской базы. Заплатив сонному парню за коттедж, я лег спать на покрытой буграми кровати, борясь с кошмарами.

Глава 15

Озеро Перидида было узким водоемом, который удерживала бетонная плотина в ущелье между двумя поросшими лесом горами. Было уже утро, когда я остановил машину и увидел озеро сквозь деревья. Холодный ветер с пиков съерры колыхал водную поверхность, шелестя верхушками деревьев.

Дорога шла вдоль берега. Я миновал туристскую стоянку, придорожный ресторан, несколько коттеджей. Все они были закрыты на зиму. Примерно в середине пяти-шестимильной длины озера я подъехал к заправной станции. Остановился перед бензиновыми насосами под портиком из необработанных бревен и начал сигналить.

Так как никто не отозвался, я вылез и обошел вокруг машины. К одной из подпорок было приколото написанное от руки объявление:

«Берите воды сколько угодно, а с бензином придется подождать. Вернусь в десять утра».

Я наполнил водой радиатор и пошел дальше пешком. В полумиле за станцией к сосне была прикреплена указывающая вверх деревянная стрелка с надписью: «Грин-Тот. Крейг. Лас-Крусес». Под ней была прибитая более новая металлическая табличка: «Дж. До-

налд Керриган, эсквайр». Я свернул на каменистую дорожку, ведущую вверх.

На склоне, скрытый от дороги деревьями, стоял довольно большой одноэтажный дом с широкой верандой. Обтесанные бревна крыши из красного дерева побелели от старости. Тени деревьев чернели на ней, словно предвестники зимы. Под ногами у меня заскрипели половицы веранды. Тяжелые деревянные ставни были распахнуты. Я заглянул в окно рядом с дверью — в тусклую комнату с дубовыми панелями и косыми балками на потолке. Перед камином у дальней стены лежала медвежья шкура, похожая на зверя, раздавленного паровым катком.

Я отпер дверь и вошел. Холодный воздух внутри был насыщен застоявшимися запахами недавней вечеринки. Медную пепельницу на кофейном столике из красного дерева наполняли окурки сигарет, большей частью испачканные губной помадой. На столе стояли два грязных бокала, один из которых был красноречиво отмечен алым полумесяцем. Понюхав бокалы, не трогая их, я определил, что они в свое время содержали недурной бурбон.

Я подошел к камину и пощупал золу за решеткой. Зола была холодная. Поднявшись, я заметил что-то на медвежьей шкуре. Это была коричневая женская заколка под эмаль. Я провел пальцами по шкуре и обнаружил еще одну заколку.

Я осмотрел спальни. Одна из них была просторным помещением с полудюжиной двухъярусных коек вдоль стен. Слой пыли на полу явно не тревожили несколько недель, а может, месяцев. Первая из двух маленьких спален также давно не использовалась. Зато вторую недавно занимали. Пол был подметен, а кленовую кровать даже толком не застелили. Я расправил скомканные простыни.

В комнате не было ни одежды, ни других вещей, но на простом комод лежало несколько предметов: женская пилка для ногтей, солнечные очки в черепаховой оправе, заколки вроде тех, которые я нашел на медвежьей шкуре. В соседней ванной я обнаружил тюбик зубной пасты, зубную щетку и губную помаду. Это объясняло отсутствие таких мелочей в квартире Энн Майер в Лас-Крусес.

Кухня сверкала воцеленным ситцем и полированной сосной. На газовой плите стояла кастрюля с остатками спагетти, в которых копошились мухи. Кухонный стол недавно был накрыт на двоих – грязную посуду так и не убрали. В центре возвышалась пустая винная бутылка.

Я предоставил кухню сонным осенним мухам и вышел через заднюю дверь. Несколько вязанок хвороста лежали под брезентом у задней стены. Кирпичная печь во дворе была пуста. Бревенчатый сарай захламляли остатки былых летних отдыхов: шезлонги, маленький

ялик, рыболовная снасть. Я пошарил в сарае и среди сосновых иголок во дворе. Ничего.

Через кухонную дверь я вернулся в дом. В пустых комнатах, казалось, стало еще темнее. В гостиной меня охватила паника – я почему-то решил, что одно из гигантских деревьев собирается рухнуть на дом. Нелепый страх быстро прошел, но неприятное ощущение осталось. Медведь со стеклянными глазами перед давно остывшим камином, кроваво-красные окурки в тускло поблескивающей пепельнице навевали смутную тревогу.

Я быстро вышел и запер за собой дверь, не столько ради того, чтобы не впускать в дом посторонних, сколько чтобы оставить страх внутри. Но он просочился сквозь стены и следовал за мной по аллее, пробуждая кошмары, таящиеся в глубинах мозга, где секс и смерть душат друг друга в объятиях.

Записка исчезла с подпорки навеса заправочной станции. Дверь каменного домика была открыта настежь. Оттуда вышла седовласая женщина в голубых джинсах и потрепанной мужской шляпе с плавником форели, заткнутым за ленту наподобие пера.

– Хэлло! Вам нужен бензин?

– Я возьму литров десять.

Я дал ей ключи и стоял рядом, покуда она управлялась со шлангом.

С квадратного обветренного лица смотрели, как

сквозь дырки в стене, острые глаза.

– Вы из Лос-Анджелеса?

– Да.

– Сегодня вы мой первый клиент.

– Сезон кончается, верно?

– Для меня он кончился. На этой неделе я закрываюсь и перебираюсь вниз, пока не пошел снег. Здесь всю зиму торчит один только старый Мак в гостинице. – Повесив шланг, из которого еще капал бензин, она сказала: – С вас три двадцать пять.

Я дал ей десятидолларовую бумажку – на турбазе, где я ночевал, я получил деньги по туристическому чеку. Она вынула сдачу из кармана джинсов.

– Летом у нас полно туристов из Лос-Анджелеса. А что вас привело сюда так поздно?

– Просто осматриваюсь. Полагаю, у вас здесь бывает много людей из долины?

– Конечно. Они приезжают сюда спастись от жары. Тут есть коттеджи у жителей Фресно, Бейкерсфилда, Лас-Крусес. Я сама зимой живу во Фресно. Мой сын учится в колледже.

– Ему повезло.

– Ральф славный мальчуган, – заявила женщина таким тоном, словно оспаривала противоположное мнение. – Он понимает, что хорошую мать надо ценить. И работы не боится. Все лето помогал мне на станции, а осенью приезжает на уик-энды. Ральф настоя-

щий мужчина, не то что некоторые.

– Приятно слышать о таком парне, – заметил я, стараясь войти в доверие к собеседнице, но в то же время вполне искренне. – Мне в моей работе часто приходилось сталкиваться с молодежью совсем иного рода.

– А что у вас за работа?

– Я детектив.

– О! Должно быть, интересное дело. Отец Ральфа – мистер Девор – был констеблем, но потом... занялся другими вещами. – Она внимательно посмотрела на меня поверх насосов. – Ищите кого-нибудь, мистер?

– Вы правы.

– Здесь никого не осталось, кроме меня, старого Мака и лесников. Гостиница закрыта на зиму. – Я проследил за ее взглядом и увидел за деревьями коричневую островерхую крышу гостиницы у дальнего конца озера. Женщина посмотрела на меня с детским страхом в глазах. – Это не Ральф? Он ничего не натворил?

– Я ищу молодую женщину по имени Энн Майер. У меня есть ее фото.

Она прищурилась, глядя на снимок смеющейся девчушки на пляже:

– Так я и знала, что эта девчонка с гнильцой.

– Вы ее видели?

– Много раз. Она обычно приезжала сюда с тем типом, который женат на Кейти Крейг.

– С Керриганом?

– Да. Бабник и враль. – Она плотно сжала губы. – Кейти наконец решила с ним развестись?

– Вы правильно догадались.

– Давно пора. Я знаю Кейти Крейг с тех пор, когда она была мне до колена. Хорошенькая и умная малышка, но так и не научилась разбираться в людях. Я не хочу критиковать старого судью – он был чудесным человеком, и это не его вина. Очевидно, это вообще ничья вина. Кейти была помолвлена с Тэлли Реймондом из Сан-Франциско, но он погиб на войне, и она вышла замуж совсем не за того, за кого стоило. Я по себе знаю, что это такое. – Ее массивная шея густо покраснела. – У меня сердце болит, когда я думаю, что эта девушка вышла замуж за такое ничтожество, как Керриган. Он зачастил сюда и превратил летний дом судьи в притон для своих любовниц. Ладно, я что-то слишком много болтаю.

Она уставилась на фотографию, словно сосредоточив на ней свои эмоции.

– Когда вы видели эту женщину в последний раз?

– По-моему, в понедельник. Она провела здесь уик-энд – впервые за долгое время. Думаю, единственный раз за это лето. Я удивилась, увидев ее.

– Почему?

– Мистер Керриган завел себе новую девочку, вот почему. – Она сердито посмотрела в сторону гостиницы. – Прошлым летом – другое дело. Та первая при-

езжала с ним почти каждый уик-энд, совсем стыд потеряла. Мне было интересно, знает ли об этом Кейти. Так и подмывало написать ей анонимное письмо, но я этого так и не сделала.

– Меня интересует последний уик-энд, – сказал я.

– Ну, она приехала сюда в субботу после полудня и попросила воды – у ее машины перегрелся мотор. У меня тоже что-то перегрелось, когда я ее увидела. Хотела было сказать, что в озере полно воды и она вполне может сбегать туда, но Ральфу это не понравилось бы. Он как раз был здесь, а Ральф всегда говорит, что я должна поддерживать хорошие отношения с клиентами.

– Что у нее за машина?

– Черный «крайслер» с откидным верхом. Бог, вернее, дьявол знает, где она взяла деньги, чтобы заплатить за него.

– Она была одна?

– На этот раз да. Но такая расфуфыренная, что я подумала: «Ты встречаешься здесь с мужчиной и не пытайся меня провести».

– А Керриган явился позже?

– Она же не приехала проводить уик-энд за вязанием. Я видела их вместе в понедельник. Думаю, он пробыл с ней в доме весь уик-энд. У меня были более важные дела, чем шпионить за ними, но в понедельник во второй половине дня я возвращалась с рыбалки и ви-

дела их обоих на дороге. Они ехали к гостинице.

– Оба? Керриган и Энн Майер?

– Если ее так зовут. По крайней мере, с ним была женщина. Я не видела лица, на ней была шляпа, но это должна быть она.

– Вы могли бы подтвердить это под присягой?

Она немного подумала:

– Конечно могла бы, если это необходимо Кейти для развода.

– А вы уверены, что это не была сама миссис Керриган?

– Уверена. Я бы узнала Кейти, даже если бы у нее на голове был мешок из-под картошки. Нет, не она, а вот эта.

Женщина взмахнула фотографией. Я взял у нее снимок.

– Она сама вела машину?

– Нет, вел он. Она откинулась на сиденье и отвернулась. Поэтому я толком ее не разглядела. Впрочем, я немного потеряла.

– Миссис Девор – я правильно запомнил вашу фамилию?

– Да.

– Эта женщина, которую вы видели в машине с Керриганом... Вы уверены, что она была жива?

Лицо моей собеседницы сделалось похожим на морду удивленного бульдога.

– Вот так вопрос, мистер!

– Можете вы на него ответить?

– Точно не могу. Я не видела, чтобы она двигалась или разговаривала, но она определенно не выглядела мертвой. А что, ее считают умершей?

– Сегодня пятница. Энн Майер в последний раз видели в понедельник, если только вы не видели ее с тех пор.

– Нет, не видела. А что произошло?

– Убийство. В Лас-Крусес, похоже, началась эпидемия этой болезни.

– Господи! – Женщина закусилла нижними зубами черные волоски на верхней губе. – Может, Ральф был прав.

– В чем?

– Насчет парня, который приходил сюда в субботу вечером. Он постучал в дверь около десяти и попросил разрешения позвонить. Я сказала ему, что у нас нет телефона – единственный телефон здесь принадлежит лесничеству. Но этот щенок мне не поверил. Он разозлился и стал говорить, что я не пускаю его в дом, потому что он мексиканец. Я сказала, что ничего не имею против мексиканцев, но он снова не поверил.

– Как он выглядел?

– Ну, мне он показался похожим на мексиканца, хотя говорил по-английски не хуже нас с вами. Но он был смуглый, с черными курчавыми волосами и с больши-

ми черными глазами. В жизни не видела таких глаз. Они все время бегали как у безумного. Ральф тоже так подумал. Хорошо, что Ральф был здесь. Он практически вышвырнул его.

– Говорите, этот человек был маленького роста?

– По сравнению с вами или с Ральфом – да. А вообще среднего. Хорошо сложен, но я чуть не расхохоталась, когда он полез драться с Ральфом.

– Что он говорил?

– Что-то насчет того, что у него важный разговор и он должен воспользоваться нашим телефоном. Я сказала, что с удовольствием разрешила бы ему это, но телефона у нас нет. Тогда он стал меня обзывать. Ральф взял его за грудки и поволок к машине. Он орал на Ральфа по-испански. После Ральф радовался, что я не знаю испанского. Ральфу это не понравилось. Он мог легко справиться с этим парнем, но беспокоился о других. Ральф сказал, что парень выглядит опасным, так как он на грани психоза. Ральф изучает психологию. Он говорит, что когда у человека не все дома, это видно по отсутствующему взгляду. У этого парня взгляд был как раз таким. Может, это его вы ищете?

– Я нашел его вчера, если это тот человек, о котором я думаю.

– И он совершил убийство?

– Можно сказать, он замешан в убийстве.

– Кто он такой?

– Его имя Тони Акиста, – ответил я. – Вернемся к понедельнику. Вы сказали, что Керриган вел машину женщины в сторону гостиницы?

– Да, сэр.

– А как насчет старика в гостинице?

– Вы имеете в виду Мак-Гауэна? Он присматривает за домом.

– Он видел их после вас?

– Не знаю. Я не разговаривала с ним последний месяц. – Ее губы снова плотно сжались. – С тех пор как старый дурень позволил своей внучке водиться с Керриганом. Он безответственный человек.

– Она и есть новая девушка Керригана, которую вы упоминали?

– В прошлом месяце она уехала с ним в Лас-Крусес и не вернулась. Что вы об этом думаете?

– Думаю, что ее зовут Джо Саммер. Я прав?

– Джозефина. Джозефина Мак-Гауэн. Он называет ее Джо, а вот с фамилией вы что-то напутали.

– Не я, а кое-кто другой. Мак-Гауэн сейчас здесь?

– Если только не изменил свои привычки. Он никогда и никуда не уходит. Не думаю, чтобы он съезжал с холма чаще раза в год.

Я поблагодарил ее за информацию и открыл дверцу машины.

– Слушайте, мистер, что происходит в Лас-Крусес? С Кейти Крейг все в порядке?

– Было все в порядке несколько часов назад. А вот с ее мужем – нет. Он мертв.

– Значит, это его убили?

– Его тоже.

– Но Кейти не имеет к этому отношения?

– Не имеет, – подтвердил я.

– Слава Богу! Я всегда хорошо относилась к Кейти, хотя и не видела ее уже пару лет. Учила ее ставить палатку, когда она еще была маленьким желтоволосым сорванцом. – Ее глаза потеплели. – Ужасно видеть, как проходит время и какие страдания оно приносит людям. Я знаю, как страдала Кейти.

Я тоже это знал.

Глава 16

Гостиница оказалась ветхим двухэтажным зданием, обшитым коричневой дранкой. Окна с закрытыми ставнями казались дремлющими на солнце. За домом возвышались холмы, а еще дальше, на востоке, лысые белые купола сьерры тянулись в стратосферу.

Я остановил машину у грубо сколоченной деревянной веранды и зашагал по гравиевой дорожке, ведущей вокруг дома к задней стене. Серая белка пустилась в бегство при звуке моих шагов и оглянулась раздругой, чтобы убедиться, что ее заметили. Голубая сойка смеялась надо мной, сидя на ветке ели. Я посоветовал ей придержать язык.

Седобородый мужчина в комбинезоне появился из-за ели. Неуклюже прихрамывая, он подошел к дереву, оперся рукой о ствол и посмотрел на птицу, обнажив в усмешке редкие зубы.

– Не обращай на него внимания. Он думает, что все здесь принадлежит ему.

Сойка взмыла с ветки и приземлилась на голову старика, продолжая изливать свою злость в отрывистых выкриках. Старик смахнул ее рукой со смехом, почти таким же высоким и пронзительным, как крики птицы. Сойка взлетела на верхушку дерева и стала там рас-

качиваться, словно ярко-голубое елочное украшение.

– Он здесь царь и бог, – продолжал старик, – а мы грязные каналы.

Его глаза ярко поблескивали из-под мохнатых седых бровей.

– Мистер Мак-Гауэн?

Старик погладил шею ладонью.

– Так меня зовут. У вас передо мной преимущество – я не знаю вашего имени.

– Арчер. Лу Арчер. Я частный детектив, расследующий одно исчезновение вместе с полицией.

– Исчезновение? – Он произнес это слово с легким шотландским акцентом, импортированным давным-давно.

– В Лас-Крусес исчезла женщина.

– Какая женщина? Не Джозефина?

– А кто это?

В глазах старика мелькнуло подозрение.

– Не уверен, что это ваше дело, мистер.

– Ладно, забудьте об этом. – Оставив тему Джозефины, я продолжал: – Исчезнувшую женщину зовут Энн Майер. Ее видела здесь в прошлый уик-энд миссис Девор с заправочной станции. Она подумала, что вы сумеете мне помочь.

– Миссис Девор много чего думает. Хотя говорит она еще больше. При чем тут я?

– Она видела женщину в одной машине с Керрига-

ном в понедельник. Они ехали в этом направлении. Вы знаете Доналда Керригана?

– Знаю, – мрачно отозвался он. – Да, я видел их в понедельник. Они проехали мимо в сторону корралей.

– Не могли бы вы описать женщину?

Старик покачал седой головой:

– Я находился слишком далеко, чтобы ее рассмотреть. По-моему, это была молодая женщина в темно-коричневом костюме и в какой-то чудной шляпке. Кажется, у нее темные волосы.

– Вы заметили все это, когда машина проезжала мимо?

– Нет. Я такого не говорил. Не приписывайте мне чего не следует. – Он прислонился к стволу ели сутулой спиной и посмотрел вверх сквозь ветки. Его тощая борода вызывающе уставилась в мою сторону.

– Простите. Я вас не так понял.

– Я видел, как Керриган проехал мимо, а женщину не заметил... – Он закашлялся, прикрыв рот рукой. – У меня кое-какие счеты с Керриганом – личное дело. Вот я и решил, что это неплохая возможность поговорить с ним. В том направлении он не мог далеко уехать: дорога оканчивается у конюшен. Поэтому я потопал следом. Мне понадобилось время, чтобы туда добраться – я скверно хожу с тех пор, как сломал бедро. Раньше мог подняться на такой вот холм бегом и даже не запыхаться. У себя на родине, когда я был молодым пар-

нем, я здорово лазил по скалам.

По глазам старика я понял, что его мысли перенеслись за океан. Я показал ему фотографию Энн Майер, чтобы вернуть его к действительности.

– Эта женщина была с Керриганом?

– Может быть, – медленно ответил он. – А может быть, и нет. Я не подходил к ней близко. Когда я взобрался на вершину холма за конюшнями, я увидел их за деревьями. Они были в овраге за баком с водой, копали яму.

– Что они делали?

– Не нужно кричать – я отлично слышу. Они копали яму.

– Какую яму?

– Обычную яму в земле. Мне пришло в голову, что они, возможно, подстрелили оленя без разрешения и теперь закапывают его. Я крикнул им, чтобы они остановились, так как находятся в частном владении. Наверное, мне следовало потихоньку к ним подобраться. Но в последние годы я легко выхожу из себя.

– Особенно с Керриганом?

– Выходит, вы его знаете, а? Видели бы вы, как он подпрыгнул, когда я закричал! Понесся к машине, как заяц, а женщина за ним по пятам. Машина стояла с другой стороны бака, где дорога делает петлю, так что у меня не было шанса их догнать. Хотя благодаря этому я заполучил недурную лопату. – На его лице появи-

лась озорная усмешка, и он стал похож на сморщенно-го мальчугана с фальшивой бородой. – Хотите взглянуть?

– Я бы хотел взглянуть на яму. Мы могли бы поехать туда?

– Почему бы и нет? Только предупреждаю: смотреть там не на что. Яма как яма. Конечно, если вы никогда в жизни не видели ям...

Он снова разразился пронзительным птичьим хохотом.

– Еще как видел, – ответил я. – В настоящее время я сижу в одной из них.

В нескольких ярдах от гостиницы грязная, изрытая колеями дорога, извиваясь, тянулась вверх по склону. Мы проехали залитую солнцем поляну, где находились конюшни и коррали, за которыми круто вздымался холм, поросший неровными рядами деревьев. Я разглядел на вершине деревянный водяной бак, установленный на подмостках. Мы вскарабкались по узкой дороге на предельно низкой скорости.

Я остановил машину под зеленой аркой из ветвей.

– Туда, – указал Мак-Гауэн.

Он повел меня по гранитному гребню, торчащему из земли, как сломанное ребро, и вниз в овраг. Яма была футов шести в длину и двух в ширину. Она напоминала могилу, но была куда мельче – не более фута глубиной. Рядом возвышалась куча песка, смешанного с

основными иглками. Я опустил на колени и ощущал пальцами дно ямы. Оно было твердым – значит, яму не копали глубже и не засыпали после этого землей.

– Я предупреждал вас, что тут не на что смотреть, – сказал старик, стоя позади меня. – Интересно, зачем эти придурки здесь копались? Искали зарытые сокровища?

Я встал и повернулся к Мак-Гауэну:

– Кто копал яму?

– Женщина.

– Керриган не угрожал ей оружием?

– Не видел такого. Может, он держал револьвер в кармане? Он стоял там, где стою я, засунув руки в карманы. Это на него похоже – свалить на женщину грязную работу.

– Вы сказали, он побежал первым, когда вы закричали?

– Верно. Держу пари, он в жизни не бегал так быстро. Она еле за ним поспевала. Даже споткнулась разок, прежде чем выбежать на дорогу.

– Где она упала?

– Сейчас покажу.

Мы вскарабкались по дальнему склону оврага туда, где дорога делала петлю и спускалась с холма. Старик указал на узкую канаву возле дороги. Она заросла кустами мансаниты, ветки которой были красными и блестящими, словно их только что окунули в кровь.

– Вот здесь, – сказал Мак-Гауэн. – Он уже был в машине, когда она упала, и даже не вылез, чтобы помочь ей подняться.

– Вы не слишком жалуете Керригана, не так ли?

– Так, сэр. У меня нет причин относиться к нему по-другому.

– Что вы с ним не поделили?

– Я не люблю об этом говорить. Это семейное дело, связанное с моей внучкой. Она еще совсем молоденькая девушка.

Заметив, что я не слушаю, он умолк. Мой взгляд поймал кое-что в зарослях мансаниты. Это был каблук женской туфли, застрявшей в щели между двумя гранитными валунами. Сверху торчали несколько погнутых блестящих гвоздиков. Я вытащил его – это был каблук среднего размера, с резиновой набойкой, покрытый стертой коричневой кожей.

– Похоже, она потеряла каблук, – проговорил старик. – Я заметил, что женщина прихрамывала, когда поднялась. Подумал, что она повредила ногу.

– Куда они поехали отсюда?

– Здесь только одна дорога. – Он указал вниз.

С места, где мы стояли, я видел ртутные проблески озера между деревьями. Солнце висело над ним, как огромная и бесшумная паяльная лампа. За белым выступом плотины скрывались электростанция и прилегающие к ней строения. Пурпурные стены каньона тя-

нулись вдаль, истаивая в солнечном свете. Белая туманная дымка над долиной скрывала Лас-Крусес. С высоты и в лесной прохладе было трудно вообразить, что там находится город с пятьюдесятью тысячами человек, изнемогающими от жары на улицах. Я посмотрел на кожаный каблук, который держал в руке, и подумал: кто же из этих пятидесяти тысяч был Золушкой?

Глава 17

Я отвез Мак-Гауэна домой. Он жил в маленьком коричневом коттедже позади гостиницы, с остроконечной крышей, как у швейцарского шале, и нарисованными на двери желтыми подсолнухами. К моему удивлению, старик пригласил меня на чашку чая.

В гостиной, заставленной древней, табачного цвета мебелью, ощущалась атмосфера Старого Света. На столе возле транзистора лежали несколько давних выпусков «Панча». На стене висели картинки из «Иллюстрейтед Лондон ньюс» и выцветшие фотографии.

Одна из них представляла собой увеличенный снимок мускулистого мужчины без пиджака, обнимающего за плечи женщину в капоре. Они стояли перед белым каркасным домом, улыбаясь друг другу. Хотя дом походил на безобразную коробку, а люди были бедно одеты, в этой сцене ощущалось нечто идиллическое, а в улыбках – довоенное простодушие. Посмотрев на снимок повнимательней, я понял, что мужчиной был Мак-Гауэн без бороды и в расцвете сил.

Старик, прихрамывая, вышел из кухни.

– Чайник скоро закипит. Присаживайтесь.

– Вы очень любезны.

– Я всегда рад гостю. Здесь уже месяц никого не бы-

ло, а мне одиноко после смерти моей старухи. – Он указал пальцем на фотографию. – Это мы с ней двадцать пять лет назад. Я ведь не всегда был таким отшельником, как теперь.

– Вы остаетесь здесь один на всю зиму?

– Да.

– Я не вынес бы одиночества.

Мак-Гауэн опустился в старое плюшевое кресло, из которого поднялось при этом облако пыли. В солнечном свете, проникавшем через окно, пылинки крутились, словно кипящее золото.

– Бывает разное одиночество, мистер... как, вы скажи, вас зовут?

– Лу Арчер.

– Бывает разное одиночество, мистер Арчер, – повторил он. – Самое лучшее то, которое вы создаете для себя сами. Вы чувствуете определенное удовлетворение, живя один и ни в ком не нуждаясь, особенно в старости. Знаете, человек устает болтаться по свету. Я за свою жизнь чем только не занимался – плавал матросом на корабле из Глазго, выращивал пшеницу в Манитобе, добывал серебро в Неваде и медь в рудниках Трэверса, был дворником в Сан-Бернардино, прежде чем перебраться сюда. Но в городе я всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Почти каждый год я во время отпуска возвращался в Трэверс.

– Не думаю, чтобы я когда-нибудь слышал о Травер-

се. Это в Калифорнии?

– Да, неподалеку от границы с Невадой. – Старик снова указал на фотографию: – Этот снимок сделан в Трэверсе, когда там жило больше тысячи человек. А теперь это город-призрак. Ничего не осталось, кроме домов, да и те понемногу осыпаются. Рудник истощился. В последний раз, когда я ездил туда года три-четыре назад, в городе не было ни души. – Он улыбнулся. – После Сан-Бернардино меня это вполне устраивало.

– А у вас есть родственники, кроме вашей жены? Я хотел вернуться к его внучке.

– Был сын, – ответил Мак-Гауэн. – Теперь ему было бы столько же, сколько вам. Погиб во время несчастного случая в порту. Его освободили от призыва, потому что он работал на верфи, но это ему не помогло. Впрочем, я и до этого нечасто с ним виделся. Он связался с филиппинской девушкой, и мне это не слишком нравилось.

Его мысли меняли направление под действием переменчивого ветра воспоминаний.

– Джо не виновата, что выросла дикаркой. Ее мать снова вышла замуж – на сей раз за филиппинца, – и они позволяли девочке бегать по улицам Лонг-Бич, когда ей следовало быть в школе.

– Вы говорите о вашей внучке?

– Да. Сейчас она живет в Лас-Крусес. Вы, случайно, ее не знаете?

– Возможно, – небрежно отозвался я. – Как ее зовут?

– Не помню ее фамилию по мужу, но она обычно называет себя Джо Саммер. Это вроде сценического имени – она хочет стать профессиональной певицей. Может, вы слышали, как она пела в ночном клубе в Лас-Крусес? В «Золотой тувельке»?

– Нет, но я встречал ее.

Старик склонился вперед в скрипучем кресле.

– Что вы думаете о заведении, где она работает? Паршивая забегаловка, верно?

– Боюсь, что да.

– Вот и ей я говорил то же самое, – сказал он. – Не дело для молодой замужней женщины работать в баре, тем более с таким боссом, как Керриган. Но она и слушать не стала. Я слишком стар, а она слишком молода – вот мы и не можем понять друг друга. Она считает меня старым дурнем. Возможно, так оно и есть, но я не могу не беспокоиться о ней. С ней все было в порядке, когда вы ее видели?

Я был избавлен от ответа. Засвистел чайник, и Мак-Гауэн ушел в кухню. Пока он готовил чай, я обдумывал, что ему сказать.

Чай, который он заварил, был черным и горьким, как мои мысли.

– Хороший чай, – наконец вымолвил я.

Старик утвердительно моргнул над фарфоровой чашкой, расписанной старомодными розово-золотыми

цветами. Он осторожно поставил чашку на стол.

– Вам надо послушать, как Джо поет. Не ту джазовую дребедень, которую она распевает в ночном клубе, а старые песни – «Энни Лори», «Бредущие во ржи». Я просил ее петь их для меня, когда она приезжала сюда

– Когда это было в последний раз?

– В прошлом месяце. Она приехала в начале сентября и привезла с собой мужа. – Его черные глаза задержались на моем лице. – Вы не знаете ее мужа? Не могу вспомнить его имя.

– Как он выглядит?

– По правде говоря, мне его наружность не понравилась. Рыжий парень...

– Боузи?

– Вот-вот! Так вы его знаете?

– Не очень хорошо.

– Что он за парень? – Его лицо помрачнело и вытянулось. – Я объясню вам, почему меня это интересует. Он вел себя не так, как должен вести молодой муж во время медового месяца.

– Это был их медовый месяц?

– Так они сказали. Но я в этом сомневаюсь. Конечно, это скверная мысль, но я даже усомнился, действительно ли они женаты по всем правилам. Он не обращался с ней с должным уважением. Как они там уживаются?

– Не знаю. Но знаю, что он крутой парень. Видите

отметины на моем лице?

– Нужно быть слепым, чтобы их не видеть.

– Их оставил Боузи.

– Вот как? Кастетом?

– Только не говорите, что над вами он тоже поработал.

– У него не было шанса, – мрачно ответил Мак-Гауэн. – Я выкинул его со всеми потрохами, прежде чем он смог попытаться сыграть со мной такую шутку. Но здесь какой-то момент все висело на волоске.

– Что произошло?

– В тот день я занялся стиркой. Они куда-то ушли, и я открыл их чемодан посмотреть, не нужно ли им чего-нибудь постирать. Встряхнул его грязную рубашку, а в ней оказались пистолет и пара кастетов. Мне это не понравилось. Я порылся в чемодане и нашел на дне деньги.

– Деньги?

– Да. Куча денег, завернутая в старые газеты. Причем крупными бумажками. Должно быть, несколько тысяч долларов. Мне это показалось бессмысленным – откуда такие деньги у голодранца, который даже не может себе позволить провести медовый месяц в отеле? Поэтому, когда они вернулись, я спросил о деньгах, кастетах и пистолете.

– С вашей стороны это был смелый поступок.

– Не беспокойтесь, я принял меры предосторожно-

сти – зарядил свое ружье и положил его на колени, разговаривая с ним. Он выглядел так, будто собирался меня убить, но ружье его удержало.

– И что он сказал?

– Не слишком много. Просто скверно меня обругал, потом пошел в спальню, взял свой чемодан, положил его в машину и уехал. Джо не хотела, чтобы он уезжал, но ему было наплевать на нее. Думаю, после такого едва ли можно порицать ее за то, что она связалась с Керриганом. – Старик озадаченно наморщил лоб. – Но вы говорите, что она вернулась к Боузи?

– Более или менее.

– Он что, грабитель?

– Что-то вроде того. Он говорил с вами о своем прошлом?

– Очень мало. Он пробыл-то здесь всего пару дней. Дайте подумать. Один-два раза он упомянул Нью-Мексико – похвалялся своими связями в Альбукерке.

– Какими именно связями?

– Деловыми. По-моему, он что-то говорил насчет бизнеса с продажей выпивки. Но я знал, что он трепло, и не обращал особого внимания.

– Вам следовало расспросить о нем Джо, когда он уехал.

– Да, но она мало что знала. Джо сказала, что встретила его только неделю назад в Лос-Анджелесе. Я пытался уговорить ее не возвращаться к нему. Пожалуй,

мне лучше ее повидать.

– Возможно, вам придется проделать долгий путь.

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Как у вас со здоровьем, мистер Мак-Гауэн? Сердце в порядке?

Польщенный вниманием старик побарабанил себя по груди.

– В полном порядке. А что?

– У вашей внучки неприятности.

– У Джо неприятности? Серьезные?

– Да. Ее разыскивают за кражу автомобиля и по подозрению в убийстве. Прошлой ночью Керригана застрелили. Я видел, как она бежала с места преступления.

Мак-Гауэн погрузился в молчание. Минуты гудели, как издыхающие мухи в углах комнаты.

– Вы сделали из меня дурака, – заговорил он наконец. – Почему вы не сказали мне сразу?

– Я не хотел вас огорчать.

– Огорчать? – Старик скривил рот. – Я знал, что Джо напрашивается на неприятности, и делал, что мог, чтобы остановить ее. Я ездил в Лас-Крусес и пытался вырвать ее у Керригана и из этого города. Когда повидать мир так, как я...

Его рука сделала неловкое движение, и чашка свалилась на пол.

Я опустился на колени, чтобы подобрать обломки:

самое меньшее и самое большее, что я мог сделать.

– Она убила его? – тихо спросил Мак-Гауэн, склонившись надо мной.

– Не знаю.

– Вы сказали, что она украла машину. Зачем это ей? Я бы отдал ей все деньги, какие у меня есть.

– Ей был нужен транспорт, и немедленно. Возможно, она хотела поехать к вам сюда.

Я посмотрел на него. Он медленно покачал головой:

– Она не приезжала ко мне.

Я собрал осколки в оставшееся целым блюдце и поставил его на стол. Старик подобрал кусочек фарфора и подержал его на свету.

– Это была последняя чашка в сервизе. Мы купили его в тот год, когда поженились, в магазине «Компании Гудзонова залива» в Виннипеге. – Он положил осколок в блюдце. – Нет смысла плакать над убежавшим молоком. Спасибо за хлопоты, приятель.

Последовала очередная пауза.

– Что случилось с ее мужем, если он только в самом деле был им?

– Боузи тоже разыскивают. Он похитил грузовик, перевозивший виски. Шофер был убит.

– Еще одно убийство?

– Вот именно. Вы имеете представление, куда могли бежать Боузи и Джо?

– Нет. – Он поднялся с кресла, глядя на меня сверху

вниз. – А при чем тут исчезнувшая женщина, которая потеряла каблук?

– Это один из вопросов, на которые я должен ответить. – Я встал и направился к двери. – Мне нужно возвращаться в Лас-Крусес. Отвезти вас туда?

– Спасибо, я приеду сам. Мне нужно немного времени, чтобы подумать.

– Вы сообщите мне, если Джо появится здесь? Меня можно найти через миссис Керриган.

– Не знаю, – ответил он. – Может, да, а может, и нет. Как бы то ни было, ко мне она не приедет.

Старик открыл дверь. Солнце ярко осветило его лицо.

Глава 18

Я вел машину через зеленое безмолвие дороги вдоль озера. Проезжая летний дом Керригана, я увидел у въезда на аллею красный автомобиль с откидным верхом. Миссис Керриган за ветровым стеклом бешено замахала мне рукой. Я остановил машину на обочине и подошел к ней.

Она была красиво одета в платье, шляпу и перчатки из черного шелка. Если не считать глаз и рта, ее лицо было абсолютно бесцветным.

– Не ожидал вас увидеть, – сказал я.

– Сэлли Девор сообщила мне, где вы. Я знала, что вы будете возвращаться этой дорогой, и решила ждать.

– Из-за этого?

Я вынул из кармана ее ключи и передал ей в окошко. Они нервно звякнули в ее руке, обтянутой черным шелком.

– Я приехала не из-за ключей, – ответила она. – Хотя теперь, когда я здесь, мне хотелось бы взглянуть на дом. Вы не подниметесь со мной туда?

– На вашем месте я бы туда не ходил.

– Она там? Я стучала в дверь, и никто не отозвался. Неужели она прячется внутри?

– Нет. Ее нигде нет. Энн Майер исчезла из поля зрения, как сказал ваш муж.

– Но он солгал мне насчет понедельника. Миссис Девор видела их вместе.

– И она, и старый Мак-Гауэн из гостиницы. Он застал их в лесу за странным занятием.

Ее щеки слегка покраснели.

– Они занимались любовью?

– Едва ли. Она копала яму в земле, а ваш муж наблюдал за ней.

– Яму? Не понимаю.

– Я тоже. Не возражаете, если я сяду к вам?

– Конечно нет.

Она подвинулась на сиденье, освободив мне место за рулем. Я показал ей коричневый кожаный каблук:

– Узнаете это?

Она взяла у меня каблук и поднесла его к свету.

– Как будто да. Кому, по-вашему, это принадлежит?

– А по-вашему?

– Энн Майер?

– Вы угадываете или знаете?

– Я не могу быть точно уверена. По-моему, на ней были такие туфли, когда я видела ее в прошлую пятницу. Где вы это взяли?

– В лесу. Она, кажется, потеряла каблук, когда Мак-Гауэн спугнул их с Керриганом.

– Понятно. – Миссис Керриган бросила мне каблук,

словно он был испачкан краской. – Но зачем им понадобилось копать яму в лесу?

– Не «им». Копала она, а он стоял и смотрел. Это предполагает много вопросов и один возможный ответ. Я слышал об убийцах-садистах, уводивших свои жертвы в уединенное место и заставлявших их копать себе могилу. Если он собирался убить ее...

– Но это невероятно! Дон не мог сделать ничего подобного!

– Вы сами говорили мне, что он был садистом.

– Я не это имела в виду. Я неточно выразилась... – Она сжимала ручку дверцы, как будто нам предстоял крутой поворот на большой скорости.

– Я тоже. Это всего лишь возможность, которая пришла мне в голову. – Я предложил ей сигарету, от которой она отказалась, и закурил сам. – Вы видели его в ночь с понедельника на вторник, когда он вернулся домой?

– Да. Было очень поздно, но я еще не спала.

– Он говорил вам что-нибудь?

– Не помню. Нет. Я была в постели, а он сидел и пил. Потом я слышала, как он бродит по дому. В конце концов я приняла снотворное. – Она положила руку мне на предплечье. – Как вы можете утверждать, что он убил ее? Вы даже не знаете, мертва ли она.

– Нет, но все указывает на худшее. Если Энн Майер жива, то где же она?

– Вы меня об этом спрашиваете? – Нажим ее руки стал почти болезненным, а выражение темно-голубых глаз – трагическим. – Вы же не можете поверить, будто я убила ее!

– Это правда. Не могу.

Казалось, она не слышала моего ответа.

– Я была дома весь понедельник и могу это доказать. Ко мне на ленч пришла подруга и оставалась почти до обеда. Знаете, кто она?

– Это не имеет значения. Вы не должны доказывать мне свое алиби.

– Но я могу и хочу это сделать. Со мной была Мэрион Уэстмор, жена окружного прокурора. Мы с ней планировали благотворительную распродажу. Кажется, будто это было не четыре дня, а четыре года назад. Что за глупое времяпрепровождение!

– Вы так думаете?

– Теперь да. Сейчас мне все кажется глупым. Вы когда-нибудь чувствовали, что время для вас остановилось? Что вы живете в вакууме? Без будущего и даже без прошлого?

– Один раз, – ответил я. – Неделю после того, как меня оставила жена. Но это было недолго. И вы тоже с этим справитесь.

– Не знала, что вы были женаты.

– Очень давно.

– А почему она вас оставила?

– Говорила, что не может вынести жизнь, которую я введу. Что я даю слишком много другим людям и слишком мало ей. Думаю, в чем-то она была права. Но действительная причина в том, что мы перестали любить друг друга. По крайней мере, один из нас.

– Который?

– Предпочитаю в это не вдаваться. Эксгумация – скверное занятие.

Отказ заставил ее умолкнуть. Она посмотрела на озеро, поблескивающее между деревьями, словно кусочки упавшего неба.

– Полагаю, я сама на это напросилась, – заговорила миссис Керриган. – Но вы были так добры ко мне прошлой ночью, да и сегодня тоже. Неужели это просто ваша техника расследования, мистер Арчер? Психологический допрос третьей степени?

Вопрос, заданный в упор, заставил меня вздрогнуть.

– С вами я стараюсь быть абсолютно честным. Не скрою, что я часто испытываю искушение использовать людей, играть на их чувствах, помыкать ими. Это профессиональные болезни.

– Но вы ими не заражены?

– Заражен. – Перед моими глазами смутно мелькнула улыбка Джо Саммер. – Я занимаюсь грязным бизнесом, и все, что я могу делать, это следить за собой и стараться как можно меньше пачкаться. – Я чувствовал себя так, будто она поставила меня на место, и пе-

ременил тему. – Что привело вас сюда?

– Точно не знаю. Возможно, я просто хотела снова вас увидеть. – Она не смотрела на меня. – Наверное, ужасно, когда женщина признается в этом мужчине?

– Совершенно ужасно. Вы шокируете меня, Кейти.

– Не смейтесь надо мной. Тут нет ничего забавного. Брэндон Черч напугал меня, когда говорил со мной прошлой ночью, вернее, этим утром.

– Он пригрозил вам неприятностями?

– Не совсем. Брэндон ни в чем меня не обвинял. Но он казался другим человеком – не тем, которого я давно знала. Он обращался со мной как с чужой. Я даже подумала, что он помешался или накачался наркотиками. А тут еще этот испано-американский полисмен...

– Брага?

– Да, Сэл Брага. Я слышала, как он угрожал вам. Он говорил, что застрелит вас при первой же встрече, и Брэндон даже не пытался его унять. Не сказал ни слова.

– Возможно, его устраивает эта перспектива.

– Но почему? Что происходит со всеми нами?

– Это и моя проблема. Я бы хотел задать вам еще несколько вопросов.

– О Брэндоне? Он единственный человек, которого, как мне казалось, я хорошо знаю. Но выходит, я не знаю никого вообще.

– О вашем муже и Энн Майер, если вы в состоянии

говорить о них.

– Я не возражаю, – равнодушно ответила она после недолгого молчания.

– Хорошо. Они были все еще привязаны друг к другу?

– Не думаю. Дон говорил мне, что порвал с ней несколько месяцев назад. По-моему, на этот раз он сказал правду. Когда я видела их вместе в мотеле, они не вели себя, как... – Она не окончила фразу.

– Как если бы все еще были любовниками?

Она кивнула.

– А у вас есть предположение, почему они порвали друг с другом, если это в самом деле было так?

– Дон устал от нее – он быстро уставал от женщин. Или наоборот, она от него устала. – В ее глазах мелькнули злые огоньки. – Она была так же неразборчива, как и он.

– Но они оставались в дружеских отношениях после разрыва?

– Очевидно. Она продолжала у него работать – до прошлого уик-энда.

– Вы говорите, Энн Майер была неразборчива. Вы много о ней знаете?

– Достаточно. Настолько много, что даже могу чувствовать к ней жалость, когда не жалею себя. Я знаю ее с тех пор, как мы вместе учились в средней школе. Энн была всего на два-три года моложе меня, но у нее

и тогда была скверная репутация.

– В школе?

– Да, она из молодых да ранних. Энн была очень хорошенькая и просто помешана на мальчиках. Конечно, это не только ее вина. Она быстро развивалась и стала зрелой женщиной, когда ей еще не исполнилось пятнадцати. Да и дома у нее была ужасная обстановка. Ее мать умерла, а отец – настоящая скотина.

– Вы говорите так, будто подробно их изучали.

– Мой отец их изучил, – ответила она. – Он очень беспокоился об Энн и обсуждал это со мной. Папа был тогда судьей по делам несовершеннолетних и должен был решить, что делать с Энн после того, как это случилось.

– Что случилось?

Она отвела взгляд.

– Ее отец напал на нее.

– Вы имеете в виду то, что я думаю?

– Да.

– Тогда почему Майер не в Сан-Квентине?

– Энн была единственным свидетелем, и она не стала бы показывать против него в суде. Но у них было достаточно фактов, чтобы забрать ее из отцовского дома. Папа хотел поместить ее в воспитательный дом, но в этом не оказалось нужды. Брэндон женился на ее сестре – в те дни он был офицером по делам несовершеннолетних, – и они взяли Энн к себе. Она прожила с

ними несколько лет, и вроде бы это пошло ей на пользу. Больше у Энн не было неприятностей – по крайней мере с законом.

– Да, до сих пор.

Внезапно она повернулась на сиденье и посмотрела на дорогу, ведущую наверх, к скрытому за деревьями летнему дому. В ярком солнечном свете ее полусогнутая фигура являла собою захватывающее зрелище.

– Вы поднимитесь со мной к дому?

– Зачем?

– Хочу посмотреть, в каком он состоянии. Я собираюсь продать его.

– Лучше держитесь от него подальше.

– Почему? Ее тело?..

– Ничего подобного. Просто вам там не понравится. Лучше бы вы вернули мне ключи.

– Не понимаю, для чего. – Тем не менее она вынула из черной замшевой сумочки кольцо с ключами и передала его мне. – Зачем вам они?

– Я передам их властям, если смогу найти в Лас-Крусес честного копа. Вы должны знать хоть нескольких, если ваш отец был судьей.

– Я думала, что Брэндон один из них, и все еще думаю так, когда он похож на себя. – Она закусила губу. – Почему бы вам не обратиться к Сэму Уэстмору?

– Окружному прокурору?

– Да. Сэм и Мэрион – мои самые старые друзья. Вы

можете положиться на Сэма. – Но она снова держалась за ручку дверцы, словно это помогало ей оставаться в пределах реальности. – А вам не опасно возвращаться в город?

– Не знаю, опасно ли, но во всяком случае интересно.

– Вы смелый человек.

– Просто упрямый. Мне не нравится, если подонки выходят сухими из воды. Если такое будет происходить часто, они совсем распряшутся.

– Но вы им не позволите, верно?

Голос Кейт Керриган был мечтательным, почти детским, а глаза – большими и влажными. Потом глаза закрылись, и я поцеловал ее в губы.

Шляпа Кейт упала, но она не делала попыток ее поправить. Ее голова покоилась на моем плече, точно взъерошенная золотая птица, а грудь касалась моей груди, поэтому я ощущал ее учащенное дыхание.

– Вы остановите их, – сказала она.

– Если они не остановят меня раньше, Кейти.

– Откуда вы знаете, что меня звали Кейти? Так меня уже давно никто не называл.

Я не ответил. Объяснение только испортило бы момент.

Впрочем, он все равно закончился. Кейт напряглась и отодвинулась. Когда я попытался поцеловать ее снова, она отвернулась.

– Боже мой! – хрипло сказала Кейт. – Очевидно, я нуждаюсь в няньке. Я предупреждала, чтобы вы не сочувствовали мне. Я готова плакать на плече у любого, кто меня пожалеет.

Красный автомобиль следовал за мной по дороге вниз. Я не мог забыть вкус ее губ.

Глава 19

Я нашел Майера в каморке, в углу его склада, сидящим у заваленного счетами стола. Он посмотрел на меня так, словно это зрелище вызывало у него боль в глазах.

– Что с вами случилось?

– Порезался во время бритья.

– Чем вы бреетесь – сенокосилкой? Я уж подумал, что вы сбежали. Возможно, вам стоило бы это сделать. Брэнд хочет, чтобы я отказался от ваших услуг.

– Ну а вы?

– Я не собираюсь выполнять приказы сопляка, которому помог занять должность шерифа, потратив собственные денежки. – Майер склонился вперед, опираясь на локти; его физиономия напоминала морду старого лиса. – Но на вашем месте я бы его не сердил. С Брэндом трудно иметь дело, когда он злится.

– Со мной тоже.

– Может быть. – Он иронически покосился на мою разукрашенную физиономию. – Но вы не шериф. Где вы были?

– На озере Перидида.

– Что вам там понадобилось? Я весь день пытался с вами связаться, и не я один. Окружной прокурор хочет

вас видеть. Пока вы шлялись в горах, дело приняло крутой оборот. Знаете тот «бьюик», который остался на авиабазе?

– Еще бы. Я о нем и сообщил.

– Полиция его проследила. Этот рыжий... как его зовут?

– Боузи.

– Этот Боузи купил его у торговца подержанными машинами в Лос-Анджелесе. Заплатил наличными – пятисотдолларовым банкнотом и несколькими более мелкими купюрами. Когда торговец хотел положить деньги в банк, кассир их засек.

– Денежки оказались «горячими»?

– Обожгли ему пальцы. Они были частью денег из портлендского банка, ограбленного в прошлом августе. Банк в Лос-Анджелесе получил циркуляр от полиции Орегона со списком номеров банкнотов. Ограбление было крупным – взяли около двадцати тысяч баксов.

– Боузи грабанул банк на двадцать штук?

Майер кивнул лохматой головой:

– За его рыжую голову назначена награда в две тысячи. Это должно вас поторопить. Так что вам понадобилось на озере? Решили немного порыбачить за мой счет?

Я едва не ударил его, но меня удержало то, что Майер мог мне еще понадобиться.

– Можете называть это рыбалкой. Кое-что я поймал. – Я положил на стол коричневый каблук. – Это принадлежит вашей дочери Энн?

Майер осторожно повертел в пальцах каблук, словно он обладал повышенной чувствительностью.

– Не знаю, принадлежит эта штука Энни или нет. Никогда не обращал внимания на то, что носят женщины. Где вы его взяли?

Я объяснил.

– Это выглядит скверно для Энни. – Майер бросил каблук на стол, как игральную кость. – Что вы об этом думаете?

Я присел на табурет у стены и закурил сигарету.

– Мне пришло в голову, что она копала могилу для себя или для кого-то еще.

– Для кого? Для Керригана?

– Только не для Керригана. Он наблюдал за работой.

– Чушь какая-то. Вы уверены, что с ним была Энни?

– У меня есть пара свидетелей. Правда, никто из них не мог твердо опознать вашу дочь по фотографии, но я думаю, они просто были слишком осторожны. Если каблук ее, это решает дело.

Майер подобрал каблук с захламленного стола и цапнул кожу грязным ногтем. Этот звук словно напильником прошелся по моим нервам.

– Может, Хильда знает.

Он потянулся к телефону и набрал номер. На фа-

нерной стене за его спиной виднелось окончание какого-то древнего стишка, выглядывающего из-под нового календаря с обнаженными девушками.

*Я был женат – те дни
Прошли, как страшный сон.
Возьмите лучше пса —
Вам другом будет он.*

– Алло, Брэнд, – заговорил в трубку Майер. – Хильда дома?

Телефон отрицательно квакнул.

– Знаешь, где она?

– Не знаю, – послышался в трубке искаженный голос шерифа; он заговорил тише, и я не разобрал продолжения.

Майер слушал с вытянутой физиономией.

– Ну что ты будешь делать! Лично я считаю, что она здорово ошибается, и скажу ей это при встрече. – Он положил трубку. – Брэнд говорит, что Хильда бросила его. Собрала вещи и уехала.

– Он объяснил, почему?

– Нет. Но они никогда не ладили. Она говорила, что он жестоко с ней обращается.

Рот Майера кривился в странной улыбке – наполовину беспокойной, наполовину насмешливой. Отношения между тестем и зятем часто имеют двойственную

природу.

– Жестоко?

– Я не имею в виду, что Брэнд бил ее. Хильда жаловалась на его черствость. Должно быть, он ее здорово достал, если она хотела убить себя.

– Ваша дочь пыталась покончить с собой?

– Ага. Проглотила кучу снотворных пилюль, когда они только поженились. Брэнд пытался выдать это за несчастный случай, но я узнал правду от Энни. Она жила тогда с ними.

– Что заставило Хильду это сделать?

– Очевидно, она больше не могла выносить ту жизнь, которую Брэнд ей устроил. Не знаю. Никогда не понимал женщин, а тем более своих девчонок. Я говорю черное, а они – белое, и так всегда.

Его сентиментальное нытье действовало на меня угнетающе. В комнатухе было невыносимо душно – мне казалось, что я уже просидел здесь несколько часов.

– Где, по-вашему, может быть миссис Черч?

– Задайте вопрос полегче.

– Почему бы не позвонить к вам домой?

– Да-а, – с сомнением протянул Майер.

Он снял трубку и набрал номер. На другом конце провода кто-то застрекотал, как сверчок.

– Хильда! Это ты? Какого черта ты там делаешь?.. Нет, не клади трубку. Я хочу с тобой поговорить. Арчер

хочет показать тебе кое-что. Мы сейчас приедем.

Я поехал через город следом за «линкольном» Майера и остановился возле его «двора отбросов». Дом при дневном свете выглядел еще безобразнее – обшарпанный желтый фасад с занавешенными окнами, окруженный нелепо торчащими эвкалиптами. Если Хильда променяла на это свой брак, значит, он и впрямь был неудачный.

Она открыла нам дверь. Майер окинул ее взглядом и прошел мимо, не сказав ни слова.

– Как поживаете, мистер Арчер?

– Бывало лучше, но бывало и хуже. А вы?

– Со мной все в порядке, благодарю вас. – Но Хильда выглядела так, будто провела скверную ночь. Зеленые глаза казались тусклыми, и под ними синели круги. Она улыбнулась с вымученной любезностью: – Пожалуйста, входите.

Хильда провела меня в гостиную, шагая весьма неуверенно. Она напоминала мне неуклюжую девочку, опасующуюся, что ее не по возрасту зрелое тело наткнется на острые углы, которыми изобилует мир.

Я присел на старую тахту возле камина. Пепел оттуда уже убрали, а комнату успели подмести и привести в порядок. Майер, по-видимому, даже не заметил этого. Хильда укоризненно посмотрела на него, вытирая руки о фартук.

– Я прибрала в доме, папа.

– Незачем тебе здесь возиться, – огрызнулся он, не глядя на дочь. – Лучше возвращайся домой и заботься о своем муже.

– Я не вернусь туда, – резко ответила она. – Если ты не хочешь, чтобы я оставалась здесь, я найду себе другое жилье, как Энни.

– Энни – другое дело. Она не замужем и сама себя содержит.

– Я тоже могу содержать себя, если я тебе не нужна.

– Дело не в этом. По мне, так можешь оставаться. Только как это будет выглядеть для других?

– Каких других?

– Для жителей города. – Он сделал рукой широкий жест. – Для всех, кто голосовал за Брэнда. В такое время не следует разрушать семью.

– У меня нет семьи.

– Могла бы быть, если бы ты захотела. Ты не так уж стара.

– Что ты об этом знаешь? – Ее голос дрогнул. – Я не вернусь туда, и точка. Это моя жизнь.

– И его тоже. Только ты ему жизнь испортила.

– Брэнд сам ее испортил. Он может делать со своей жизнью все, что хочет. Я не принадлежу ни ему, ни кому другому.

– Раньше ты никогда так не говорила.

Майер выглядел сбитым с толку.

– А Брэндон раньше так себя не вел.

– Что он такого сделал?

– Не скажу – мне стыдно. – В ее глазах блеснули слезы. – Ты всегда требовал, чтобы Энн и я приходили домой и ухаживали за тобой. А теперь, когда я это делаю, ты недоволен. Что бы я ни делала, тебе не нравится.

– Вовсе нет, малышка.

Майер попытался коснуться ее плеча, но она отпрянула. Его рука на момент повисла в воздухе, потом беспомощно опустилась.

Я встал, надеясь разрядить напряжение.

– Миссис Черч, я должен кое-что вам показать. – Я предъявил пресловутый каблук. – Ваш отец думает, что вы сможете его опознать.

Хильда подошла к одному из окон и подняла штору. Солнце заиграло на ее каштановых волосах. Она повертела каблук в руках.

– Где вы это нашли?

– В горах у озера Перидида. У вашей сестры были такие туфли?

– По-моему, были. Даже точно были. – Она подошла ко мне и взволнованно спросила: – Что-то случилось с Энн? Скажите правду!

– Я сам бы хотел это знать. Если это ее каблук, значит, она в прошлый понедельник была с Керриганом в лесу и копала яму.

– Возможно, собственную могилу, – мрачно добавил

Майер.

– Вы думаете, она мертва, мистер Арчер?

– Я не собираюсь пугать вас без надобности, но всегда лучше ожидать худшего. Тогда любой сюрприз не страшен.

Хильда посмотрела на каблук, который все еще сжимала в руке. Когда она разжала пальцы, я увидел следы ногтей на ладони. Хильда поднесла руку ко рту и закрыла глаза. На секунду мне показалось, что она вот-вот упадет в обморок. Ее тело тяжело покачивалось, словно статуя на постаменте от толчка землетрясения. Но она удержалась на ногах.

Ее глаза открылись.

– Это все? Или у вас есть что-то еще?

– Я нашел это в доме Керригана у озера. – Я показал ей коричневые заколки, которые обнаружил на медвежьей шкуре.

– Энн всегда носила такие заколки.

Майер уставился ей через плечо.

– Верно, она постоянно разбрасывала их по всему дому. Значит, Энни провела уик-энд с Керриганом?

– Сомневаюсь. Но с ней был мужчина. У вас нет предположений насчет того, кто это мог быть?

Отец и дочь молча посмотрели друг на друга.

– Тони Акиста был там в субботу вечером.

– Что Тони мог делать на озере? – спросил Майер.

– Он мог быть тем мужчиной. Они были одно время

очень близки – ближе, чем вы думаете.

– Я этому не верю. – Хильда побледнела. – Моя сестра не стала бы до него дотрагиваться даже десятифутовым шестом!

– Это ты так думаешь, – сказал Майер. – Ты никогда не знала, что творилось в голове у Энни. Ты убедила себя, что она – маленькая святая, но я хорошо знал, что она собой представляет. Энни всегда была дикаркой. Она забавлялась с Тони, как и с другими, пока он не стал ей досаждать.

– Это неправда! – Хильда повернулась ко мне. – Вы не должны слушать папу. Энн не была такой. Напротив, она была чересчур недотрогой. Ей и в голову не приходило, что она может оказаться втянутой в... скандал.

– Недотрогой! – фыркнул Майер. – Да она путалась с мальчишками, когда еще косички заплетала, – что с белыми, что с цветными. Я застукал ее в этой самой комнате и выпорол как следует.

Лицо Хильды стало совсем белым, если не считать темных кругов под глазами.

– Ты грязный старый лжец, – четко произнесла она. Старик тоже побледнел.

– Это я старый лжец?

– Да, и я скажу тебе почему. Ты ревновал Энн к мальчишкам. Ревновал собственную дочь!

– Совсем спятила! Говоришь такое об отце при по-

стороннем!

Его рука взметнулась, словно сама собой, и с размаху ударила ее по лицу.

– Нет, папа!

Я встал между ними лицом к Майеру. Эмоции сотрясали его, как терьер трясет тряпку. Внезапно он безвольно опустился на тахту, что-то бормоча себе под нос.

Я склонился над ним:

– Кто убил вашу дочь, Майер?

– Не знаю, – ответил он пронзительным старческим голосом. – Вы ведь даже не уверены, что она мертва.

– Достаточно уверен. Это вы ее убили?

– Вы так же безумны, как она! – Он указал на Хильду. – Я бы не повредил и волоска на голове Энни!

– Однажды вы ей уже здорово повредили. И я бы не бросался такими словами, как «безумны». Они смогут вернуться к вам как бумеранг.

– Кто вам обо мне наговорил?

– Человек, который знает ваше прошлое и то, что вы причинили Энн.

Он выпрямился на тахте; голова покачивалась на дряблой, морщинистой шее.

– Это было десять лет назад. Тогда я был моложе и не мог себя сдерживать. – Его голос был полон жалости к самому себе. – Это не моя вина. Она бегала по дому раздетая и дразнила меня, как и всех остальных.

Вот я и не сдержался. Вы не понимаете, как чувствуешь себя, когда много лет не имеешь женщины.

– Перестаньте хныкать. Человек, который сделал такое, способен и на убийство.

Он замотал головой из стороны в сторону.

– Все давно кончилось. С тех пор я и пальцем не трогал Энн.

– А как насчет оружия, которое, по вашим словам, вы ей дали? Это правда, Майер?

– Конечно правда! Клянусь Богом! – Он перекрестился – этот жест выглядел кощунственно. – Я дал ей свой старый полицейский револьвер. Она боялась Акисты. Если кто-то убил ее, так это он.

– А кто же тогда убил Акисту?

– Только не я. Если вы думаете, что я убил собственного водителя, то вы и вправду рехнулись. – Его взгляд стал твердым. – Слушайте, мистер, мне это не нравится. Вы ведь вроде как работаете на меня.

– Я увольняюсь.

– Это меня устраивает. А теперь убирайтесь из моего дома.

Я двинулся к двери.

– Погодите минуту! Вы должны мне сотню долларов! Я хочу получить их назад!

– Можете подать на меня в суд.

Он попытался подняться, но снова рухнул на тахту, быстро и тяжело дыша и судорожно подергивая но-

гами. Я обернулся в поисках Хильды и услышал, как хлопнула входная дверь.

Глава 20

Я последовал за ней через веранду и неухоженную лужайку. Хильда обернулась и, увидев меня, пустилась бегом. Возле пустой стоянки она зацепилась за корень, упала и осталась стоять на коленях. Волосы свешивались ей на лицо, а затылок сверкал белизной, словно в ожидании топора палача.

Я поднял ее, придерживая рукой за талию.

– Куда вы собрались?

– Не знаю. Я не могу оставаться с ним. Я боюсь его. – Ее грудь конвульсивно дергалась. – Он злой человек и ненавидит меня. Ненавидел нас обоих с самого рождения. Я помню день, когда родилась Энн. Моя мать умирала, а он сердился на нее, потому что хотел сына. Он был бы рад, если бы я тоже умерла. Я была дурой, вернувшись сюда.

– Почему вы оставили вашего мужа, миссис Черч?

– Брэнд угрожал мне. Угрожал убить меня, если я ступлю за порог его дома. Но все лучше, чем оставаться здесь.

Она оглянулась на дом Майера, потом посмотрела в сторону стоянки, забитой ржавыми корпусами автомобилей. На улице возле нее черный седан повернул за угол и резко затормозил у обочины. Я увидел, как бе-

лая широкополая шляпа поднялась над сиденьем водителя.

– Брэнд!

Тело Хильды обмякло, словно страх растворил все кости. Черч двинулся через стоянку, одеревенело передвигая длинными, похожими на поршни ногами. Я направился ему навстречу. Мы остановились друг против друга на узкой дорожке.

– Что вы делаете с моей женой?

– Лучше спросите у нее.

– Я спрашиваю вас. – Его руки были напряжены и заметно подрагивали. – Я предупреждал, чтобы вы держались от нее подальше, и велел вам бросить это дело.

– Несмотря на это, я продолжал им заниматься. И буду продолжать.

– Это мы еще посмотрим. Если вы думаете, что можете плевать на мои распоряжения, бить моих подчиненных и выходить сухим из воды... – Он не окончил фразу. – Выбирайте: либо вы покидаете мой округ в течение часа, либо остаетесь и будете обвинены в уголовном преступлении.

– Выходит, округ принадлежит вам?

– Оставайтесь и сами убедитесь.

– Это я и намерен сделать, Черч. Каждый раз, когда я с вами сталкиваюсь, у вас возникает новый блестящий план убрать меня подальше от этого дела. Я не

так быстро соображаю, но когда подобные вещи повторяются, это вызывает у меня подозрения.

– Меня не интересуют ваши подозрения.

– Они должны заинтересовать окружного прокурора, если он только не так озлоблен, как вы. В случае, если все власти вашего округа поголовно взбесились, я обращусь в вышестоящие инстанции.

Он посмотрел на белесое небо.

– Почему вы считаете, что можете разговаривать со мной подобным образом?

В его вопросе ощущалось нечто надуманное. Я сильно подозреваю, что его воля склоняется под каким-то тяжким давлением, а честность уже сломлена.

– Потому что вы мошенник. Вы это знаете так же хорошо, как я и ваша жена.

Вокруг его рта появилась белая линия, словно нарисованная мелом.

– Вы пытаетесь вынудить меня убить вас?

– У вас кишка тонка.

Губы Черча растянулись, обнажив зубы, поблескивающие дешевыми коронками – сувенирами на память о бедном детстве. Глаза ввалились и стали неподвижными. Я наблюдал за ними, ожидая сигнала. Наконец глаза шевельнулись, а правое плечо резко опустилось.

Я нырнул навстречу его удару. Кулак Черча почти пролетел мимо, но ожег мне ухо, словно укус пчелы. Он пошатнулся, потерял равновесие и дал мне, таким

образом, возможность ударить левой в челюсть или правой по корпусу. Я выбрал второй вариант. Его живот оказался твердым, как доска. Он блокировал мою левую руку правым предплечьем и нанес мне сокрушительный удар левой по скуле, от которого я завертелся волчком.

Хильда Черч съежилась возле стоянки, как испуганное животное. Взгляд ее был диким и пустым, а рот открыт в безмолвном крике.

Я повернулся к Черчу, прикрыв лицо, но могучие удары его кулачищ заставили меня согнуться вдвое. Выпрямившись, я ответил апперкотом, сбившим с него шляпу. Черч, шатаясь, шагнул назад и рухнул на землю, но тут же поднялся и снова ринулся на меня.

Его левая рука ударила меня по животу, затем по носу. Перед моими глазами замелькали все цвета радуги. Развернувшись, Черч нанес мне сокрушительный удар согнутой правой. Я свалился как подкошенный и, поднявшись на колени, тотчас получил новый удар, рассекший мне бровь. Теплая жидкость, залила мне глаз, а дневной свет покраснел.

Вскочив на ноги, я бросился на Черча и боднул его головой. Он на момент потерял ориентацию, и я что было сил двинул его в челюсть правой рукой, почувствовав резкую боль в локте. Черч упал, ударившись спиной о лишенный колес автомобильный корпус.

На сей раз он поднялся не так быстро. Его ноги еле

тащились по увядшей траве. Я мог бы легко добить его, но вместо этого обхватил руками, не давая вырваться, отчасти потому, что ему и так здорово досталось, а отчасти из-за женского крика за спиной:

– Прекратите! Сейчас же перестаньте!

Голова Черча походила на череп, обтянутый пергаментом. Шрам на виске побагровел и пульсировал. Он старался высвободить руки, закрыв глаза от напряжения. Моя кровь смешивалась с его кровью. Впервые за время драки у меня мелькнула четкая мысль: одному из нас придется убить другого. Бешенство вновь овладело Черчем. Мощным толчком он повалил меня на колени, вырвался и шагнул назад. Казалось, все вокруг застыло: Черч, опирающийся на бесколесный автомобиль; деревья, неподвижные в безветренном зное; плоские горы в призрачной туманной дымке. Рука Черча автоматическим движением двинулась к бедру.

Страх искрой вспыхнул во мне. В кармане у меня был револьвер, но я не делал попытки его вытащить. В таком случае Черчу ничего бы не стоило назвать свои действия самозащитой, тем более что он был представителем закона.

На меня уставилось дуло револьвера 45-го калибра. Молчание Черча было хуже любых слов. Неужели мне предстоит окончить свои дни под белым раскаленным небом долины, в разгар расследования дела, которое

я так и не раскрыл? Холодные струйки пота бежали у меня под одеждой, а капающая с подбородка кровь отсчитывала секунды.

Женщина шагнула к Черчу.

– Брэнд, этот человек был добр ко мне. Пожалуйста, не стреляй. – Хильда ухватилась руками за револьвер и опустила его вниз. Ее лицо было на уровне плеча Черча. – Обещай, что ты не причинишь ему вреда. Убийств не должно больше быть.

– Никаких убийств не будет. – Казалось, голос Черча рождается где-то глубоко в горле. – Я пришел за тобой, Хильда. Ты поедешь домой?

Она кивнула, прислонившись к нему, как безвольная кукла.

– Тогда садись в машину. Я приду через минуту.

– Ты обещаешь, что больше не будет никаких неприятностей?

– Обещаю.

Черч спрятал револьвер в кобуру. Хильда отошла от него – это напоминало процесс деления гигантской клетки. Он наблюдал за ней, пока она не села на переднее сиденье и не закрыла дверцу, потом подобрал шляпу, почистил ее о рукав и повернулся ко мне:

– Я готов забыть об этом.

– А я нет.

– Вы совершаете ошибку.

– Вы делаете свои ошибки, а я свои.

– Черт возьми, Арчер, неужели мы не можем договориться?

– Не на тех условиях, которые устраивают вас. Я останусь в Лас-Крусес, пока дело не будет раскрыто. Попробуйте обвинить меня, и я тоже навешу на вас парочку обвинений.

– Каких именно?

– Пренебрежение служебным долгом. Сговор с уголовниками.

– Вы ничего не понимаете.

Он протянул руку, но я шагнул назад.

– Я понимаю, что мне мешают расследовать два убийства. Причем мешают те, кто выглядит и разговаривает как полицейские, но пахнет зомби, существующими на деньги налогоплательщиков и притворяющимися служителями закона.

– Я всегда честно исполнял свой долг. – В его голосе не слышалось особой уверенности. Гнев прятался глубоко внутри, обнаруживая себя лишь угрюмым ворчанием.

– В том числе прошлой ночью, когда украденный грузовик смог покинуть округ?

Черч не ответил. Он стоял, глядя в землю, потом повернулся на каблуках и зашагал к своей машине, слегка спотыкаясь. Куртка на его спине порвалась, а на шляпе чернела полоска грязи. В рассеянном свете его массивное тело отбрасывало легкую колеблющуюся

ТЕНЬ.

Глава 21

Я нашел врача, который наложил восемь швов на мою физиономию. Доктор, казалось, не усматривал в моем облике ничего из ряда вон выходящего, поэтому не задавал вопросов. Однако, закончив работу, он потребовал двадцать пять долларов наличными. Либо он был необычным доктором, либо я – необычным пациентом.

Выйдя от него, я ощутил мощный импульс сесть в машину, уехать из Лас-Крусес и никогда туда не возвращаться. Будучи не в состоянии найти ни одной веской причины, чтобы оставаться здесь, я поехал к зданию суда, обуреваемый своим мессианским комплексом.

Белый флигель, увенчанный башенкой, окружали лужайки, зеленые, как искусственные растения, которые используют похоронные бюро. Над парадным входом сверкал на солнце барельеф, изображающий слепую Фемиду. Высоко над ее головой с повязкой на глазах железные стрелки башенных часов показывали тридцать.

Выложенная плитками лестница вела к офису окружного прокурора на втором этаже. В приемной восседала грузная блондинка с глазами большевист-

ского комиссара, обзирающими меня из-за баррикады в виде могучего бюста. Узнав мое имя и проконсультировавшись по внутреннему телефону, она проводила меня мимо нескольких дверей к кабинету прокурора. Это была большая, залитая солнцем комната с минимальным количеством мебели. Ее безликость смягчали фотография молодой хорошенькой женщины на письменном столе, полки с книгами, посвященными не только юриспруденции, и пара литографий Дона Фримена на стене.

Мне приходилось иметь дело с тремя основными типами окружных прокуроров. К первому принадлежали дружелюбные толстоватые субъекты, которые, потерпев неудачу в частной практике, оказывались в суде, обслуживая тех, кто обеспечил им эту должность. Ко второму относились честолюбивые молодые юристы, использовавшие офис окружного прокурора как трамплин к более высокой должности или высокооплачиваемой практике. Третий тип – не такой редкий, как может показаться, – составляли люди, которых больше интересовало очищение общества от скверны, нежели обслуживание влиятельных друзей и лицезрение своей фотографии в газетах.

Уэстмор, казалось, принадлежал ко второй категории. Он предложил мне сигарету и зажег ее для меня, пользуясь возможностью как следует изучить мое лицо. Его собственное было худым и скуластым, свиде-

тельствуя о честолюбии на грани аскетизма. Оно было украшено пенсне и увенчано ежиком преждевремен-но седеющих волос, цветом напоминающих железные опилки.

Указав мне на стул, он сел за стол.

– Вы принадлежите к числу неуловимых, мистер Арчер.

– Сожалею, но мне нужно было кое-где побывать.

– Похоже, вы добирались туда на четвереньках, чтобы вас не обнаружили. – В его резком голосе слышались нотки иронии. – Я уже серьезно подумывал об ор-дере на арест.

– По какому обвинению?

– Есть несколько вариантов. Например, сопротивление полиции. В Лас-Крусес к подобным вещам относятся неодобрительно.

– Вы имеете в виду Черча?

– Я имею в виду Брагу.

– Брага получил по заслугам. Я бы мог задержать девушку, если бы он в меня не вцепился.

– Теперь он это понимает. Как бы то ни было, на вашем месте я бы держался подальше от темных аллей. И не советую снова пробовать нечто подобное на Браге или ком-нибудь другом из департамента шерифа. Вас избавило от тюрьмы лишь то, что вы сообщили о машине на авиабазе.

– Этой похвалой я обязан Черчу?

– Естественно. Шериф всегда хвалит тех, кто этого заслуживает. А «бьюик» помог нам выйти на Боузи.

– Мне рассказал Майер. Насколько я понимаю, Боузи не поймали?

– Еще нет. Но я получил телетайп после разговора с Майером. Полный перечень «достижений» Боузи. – Уэстмор взял со стола желтую телеграмму. – Мелкая кража и вандализм еще в начальной школе, кражи автомобилей в течение следующих нескольких лет, незаконное ношение оружия, хулиганство, ограбление. Обычная программа. Считая год в Престоне, он провел в тюрьме семь лет из последних одиннадцати.

– Откуда он родом?

– С западной стороны Лос-Анджелеса. Но его арестовывали в пяти западных штатах. Последний срок он заработал за то, что водил грузовик для шайки бутлегеров в Нью-Мексико. Он вышел в июле и перенес свою деятельность на северо-запад.

– Он в одиночку ограбил банк в Портленде?

– Насколько известно, это была работа одного человека. По крайней мере, Боузи был единственным, кто входил в банк.

– И вышел оттуда с двадцатью тысячами долларов?

– С двадцатью двумя. К несчастью для него, он не смог их потратить. В банке был полный список номеров украденных банкнот, и они разослали его по побережью и по всему юго-западу. Покупка автомобиля в

Лос-Анджелесе как будто была единственной крупной попыткой истратить часть добычи, но это вышло ему боком. Он был вынужден бежать из Лос-Анджелеса с полицией на хвосте. Они выехали из отеля на главной улице менее чем за час до того, как туда нагрянула полиция.

– Значит, девушка была с ним тогда?

– Они зарегистрировались как муж и жена – мистер и миссис Джон Браун. – Уэстмор улыбнулся уголком рта. – Подходящий псевдоним, учитывая то, что произошло с подлинным Джоном Брауном⁵.

– Когда они оставили Лос-Анджелес?

– Шесть недель назад, третьего сентября, Боузи ограбил банк в Портленде пятнадцатого августа. Начиная с третьего сентября и по вчерашний день он полностью исчез из поля зрения.

– Не совсем, – возразил я.

Уэстмор бросил на меня проницательный взгляд.

– Если вы что-то знаете, говорите. Я ведь оказал вам доверие.

– Вам известно, где находится озеро Перидида, мистер Уэстмор?

– Конечно. У меня там коттедж. А что?

– Это одно из узловых мест всего дела. Боузи и Джо Саммер скрывались там несколько дней в начале сен-

⁵ Браун Джон (1800 – 1859) – американский аболиционист; вел вооруженную борьбу с рабовладельцами и был повешен.

тября. Энн Майер в последний раз тоже видели у озера.

– А каким образом она вписывается в картину?

– Еще как вписывается, притом в самый центр. Не знаю, какие меры были приняты для ее розысков. Если никаких, то готов предложить словесный портрет.

– Шериф уже распространил его прошлой ночью. Пока мы не получили откликов.

– Думаю, вам следует сосредоточить поиски на озере Перидида.

– У вас есть основания это утверждать?

– Да.

Я вручил ему каблук и ключи от летнего дома, после чего поведал свою историю.

Он слушал, нетерпеливо барабанил пальцами по столу, словно ощущая ускользающие секунды.

– Возможно, Мак-Гауэн лжет. Его рассказ не показался вам фантастичным?

– Даже очень фантастичным. Но если бы он хотел солгать, то выдумал бы что-нибудь более правдоподобное. Кроме того, я видел яму.

– Он мог сам ее вырыть. И у него была причина для лжи, если он дед этой девушки.

– Мак-Гауэн даже не знал, что у его внуки неприятности, когда рассказывал мне о «могильщиках».

– По крайней мере, вас он убедил.

– Расспросите его сами.

– Непременно. А пока что я хочу, чтобы вы повторили вашу историю для протокола.

– Для этого я и пришел.

Он вызвал по селектору стенографиста. Элегантный седовласый мужчина притащил в комнату стенотайп и установил его на столе. Пока его беглые пальцы запечатлевали мое повествование, Уэстмор бродил по кабинету.

Шериф играл в моем отчете сугубо традиционную роль. Будь Уэстмор другим человеком, я мог бы высказаться откровенно, но его обходительность не вызывала у меня доверия. Окружной прокурор обладал большей властью, чем шериф, но я не мог быть уверен, как он ею воспользуется. В середине моего рассказа Уэстмор вышел из комнаты и вскоре вернулся, возбужденно сверкая глазами. После ухода стенографиста он сообщил мне причину:

– Я говорил с налоговой инспекцией. Утром передал им бухгалтерские книги Керригана. Для полного анализа у них не было времени, но они уверены, что он обманывал государство.

– Уклонялся от уплаты налогов?

– Да, в течение нескольких лет. В конце сороковых годов он заработал на своем баре кучу денег, которые не включал в декларации.

– И куда же делись эти деньги?

Уэстмор пожал узкими плечами.

– Лас-Вегас, Танфоран, Кальенте – развлекаться в этих местах куда интереснее, чем платить подоходный налог. Через год после покупки «Золотой туфельки» Керриган начал вести двойную бухгалтерию. Очевидно, он делал это с помощью Энн Майер. Она была его секретарем и одновременно счетоводом. Налоговое управление уже несколько месяцев старалось добыть против них конкретные доказательства, чтобы отдать обоих под суд.

– Неудивительно, что он пытался сбежать.

Уэстмор утвердительно кивнул.

– Доналд Керриган полностью истощился – в финансовом, моральном и прочих отношениях. Даже его брак треснул по швам. Только что я разговаривал по телефону с Кейт Керриган. В некотором смысле ее мужу повезло больше, чем ей. Он смог избежать неприятностей с налоговыми махинациями.

– А она нет?

– Нет, если департамент предъявит обвинение. Она подписывала его налоговые декларации, разумеется, не зная, что они фальсифицированы. Но у нее могут отобрать все, что осталось.

Я подумал о Кейт Керриган, запутанной в последствиях неправильного выбора, сделанного ею семь лет назад.

– Не слишком ли это для нее?

– Этого не случится, если я сумею ей помочь. Кейт

— святая женщина.

«Святая» показалось мне не вполне подходящим определением, но я не стал спорить.

— Мне она тоже нравится.

— Рад это слышать. Кстати, Кейт спрашивала о вас. Она хочет с вами повидаться, когда вы закончите дела здесь.

— Она дома?

— Да. Я не рассказал ей только об одном, и мне не хотелось бы, чтобы это дошло до нее или до кого-либо еще.

— Дальше меня это не пойдет.

— Ну, это связано с вашей идеей, что Энн Майер — центральное лицо в этом деле. Согласно погашенным чекам Керригана, он последний год выплачивал ей тысячу долларов в месяц.

— Большое жалованье для администратора мотеля.

— Больше, чем он сам когда-либо зарабатывал своим бизнесом.

— Шантаж?

— Это кажется логичной гипотезой. Плата за молчание, возможно касающееся его налоговых махинаций. Что бы это ни было, оно дает ему сильнейший мотив для убийства. Это соответствует вашим предположениям.

— Да, по крайней мере в настоящее время.

Уэстмор подошел к окну и стал спиной ко мне. Ко-

гда он повернулся, его пенсне блеснуло в косых лучах солнца.

– Допустим, Керриган убил Энн Майер в понедельник и каким-то образом избавился от трупа. Он знал, что тело рано или поздно обнаружат и на него падет основное подозрение. Несомненно, Керриган также знал, что налоговая инспекция готова в него вцепиться. Поэтому он решил сбежать со всеми деньгами, которые смог наскрести.

– И с Джо Саммер.

– Да, разумеется. Она катализатор реакции. Девушка свела вместе двух свои любовников, Боузи и Керригана, они разработали план похищения груза спиртного. У Боузи было двадцать тысяч долларов, которые он не мог потратить, а у Керригана были связи, позволившие ему заказать груз и передать его Боузи. Он даже организовал временное укрытие на авиабазе. За эти услуги Боузи уплатил ему крадеными деньгами.

– Которые Керриган также не смог бы потратить.

– Очевидно, Керриган этого не знал. Они одурачили его. Боузи использовал девушку как приманку для ловов. – Жаргонное словечко странно прозвучало в устах Уэстмора, чья речь за милю отдавала престижным колледжем.

– Возможно, – согласился я, – но она по-настоящему влюбилась в Керригана.

Уэстмор поднял брови.

– Откуда вы знаете?

– От нее самой. К тому же я видел их вместе.

– Не кажется ли вам такое доказательство весьма субъективным?

– Но вы не можете его игнорировать. Людям не чуждо ничто человеческое – даже девушкам вроде Джо Саммер.

– Не будем спорить. – Его лицо превратилось в официальную маску: несмотря на все свои достоинства, он оставался бюрократом. – В любом случае она соучастница в убийстве. Мы знаем, что Боузи застрелил Акисту.

– Точно знаем?

– Я уверен, что он прикончил и Акисту, и Керригана. Пули, убившие их, выпущены из одного оружия. Вспомните «послужной список» Боузи. Чистая случайность, что он до сих пор никого не убил. А за этот груз виски он был готов убить кого угодно. Для него это куда лучше тех денег, которые у него были. В некоторых штатах хорошая контрабандная выпивка по-прежнему ценный товар.

– В том числе в Нью-Мексико. В индейских резервациях за него платят высокую цену.

– Я об этом не забываю. Мы наблюдаем за всеми шоссе, ведущими из штата. Как только он попытается вывезти грузовик через границу, мы его схватим, и дело будет завершено.

– Не думаю, – возразил я.

– Почему?

– Потому что это нелогично. Вы сказали, что Акиста и Керриган застрелены из одного оружия.

– Совершенно верно. Дейнло проделал хорошую работу с пулями. Та пуля, которая прикончила Керригана, расплющилась о черепную кость, но тем не менее удалось осуществить ее надежную идентификацию. Она выпущена из того же дула, что и пуля в груди Акисты.

– Какого именно дула?

– Револьвера 38-го калибра. Дейнло думает, что это старый полицейский револьвер.

– Если ваша баллистическая экспертиза правильна, то Боузи не убивал Керригана.

– То есть как это?

– Подумайте, что это означает. Получается, что Боузи вел грузовик от авиабазы до мотеля в то время, когда каждый коп в округе его разыскивал, припарковал машину перед мотелем, вошел внутрь и застрелил партнера по преступлению. Какой мотив мог оправдать подобный риск?

Уэстмор оперся ладонями на стол в типично прокурорской позе.

– Со смертью Керригана исчез свидетель, который стал бы опасен, как только выяснил бы, что полученные им деньги бесполезны. К тому же Керриган хотел сбежать с его девушкой.

– Это не основание, – возразил я. – Боузи получил, что хотел, и не стал бы возвращаться ради удовольствия размозжить Керригану голову. А если он не совершал одного убийства, значит, не совершал и второго – конечно, если Дейнло знает, что говорит.

– Я полностью доверяю Дейнло. И я уверен, что Боузи совершил оба убийства. Или он убил Акисту, а потом одолжил оружие девушке, чтобы она прикончила Керригана.

– Это крайне маловероятно.

– Напротив. Только эти два предположения соответствуют фактам. В интерпретации доказательств действует строгий закон экономики.

– Это порочная экономика, если она не учитывает все факты.

Он уставился на меня как при перекрестном допросе.

– Есть какие-то факты, о которых вы осведомлены, а я нет?

Я ответил ему вежливым взглядом. Он не принадлежал к людям, которых можно раскусить за час или даже за год. Я сомневался, что такому человеку, как Уэстмор, следовало совать свои холеные пальцы в черствый пирог уголовных преступлений, но политика создает еще более странных партнеров, чем секс.

Я встал и подошел к окну. На лужайке группа заключенных в тюремных робах подрезала кустарник. Я

не чувствовал желаний присоединиться к ним. Где-то, словно гигантское насекомое, загудела косилка.

– Как я понимаю, такие факты есть, – слышался у моего плеча голос Уэстмора.

– Ничего конкретного.

– Все равно говорите. Я не могу терять время.

– Майер рассказал мне кое-что об оружии. Не то чтобы я ему верил, но любопытно, что он вообще об этом упомянул. Возможно, он пытается таким образом объяснить его исчезновение.

– Какое именно оружие?

– Полицейский револьвер 38-го калибра. Он заявляет, что одолжил его своей дочери Энн прошлой осенью. Якобы она попросила у него оружие, чтобы защищаться от Тони Акисты.

– От Акисты?

– Так говорит Майер. Возможно, он лжет.

– Не понимаю. Я думал, вы работаете на Майера.

– Уже нет. Между нами встало кое-что, происшедшее десять лет назад. Это было еще до вас?

– Едва ли. Я начал практиковать здесь лет пятнадцать назад.

– Тогда вы, возможно, помните это дело. Майера таскали в суд за дурное обращение с младшей дочерью.

– Помню, – мрачно кивнул он. – Впрочем, до процесса не дошло. Девочка была слишком напугана, чтобы

давать показания. Да и Майер воспользовался связями. Самое большее, что смог сделать судья Крейг, – это определить дом Майера как неподходящий для несовершеннолетних и забрать у него ребенка.

– А какая у Майера репутация, помимо этой истории?

– Думаю, в молодые годы он был довольно крутым субъектом. Я слышал, что он нажил первоначальный капитал, работая в двадцатые годы водителем у мексиканских контрабандистов спиртными напитками. Вот это действительно было до меня.

– Шериф оказался не слишком разборчивым в выборе тестя.

– Нельзя судить о человеке по его тестю, – строго сказал Уэстмор. – Черч все знал о старике, когда женился на Хильде. Его идея заключалась в том, чтобы забрать у Майера обеих девушек. Он сам сказал мне это как-то вечером, после двух порций виски.

– Но деньги у Майера были, не так ли?

Лицо Уэстмора сделалось суровым.

– Если вы ищете то, что я думаю, то рискуете запутаться. Деньги не интересуют шерифа. Он работает по шестнадцать часов в день за меньшее жалованье, чем у меня. Черч просто влюбился в дочь Майера и женился на ней. Он делает то, что считает правильным, не думая о последствиях.

– Рад это слышать, – сказал я, поглаживая повязку

на лице. – На вашего Дейнло можно положиться?

– Боюсь, что не вполне понимаю.

– Можно быть уверенным, что он не станет искажать факты, на что бы они ни указывали?

– Безусловно.

– Даже если они ведут в его собственный департамент?

– Вы не можете иметь в виду Брэндона Черча.

Почувствовав себя на тонком льду, я сделал шаг назад.

– Это ваше предположение, а не мое.

Глаза Уэстмора блеснули, как шляпки гвоздиков. Он холодно улыбнулся.

– Дейнло больше всего на свете хочет быть шерифом.

– Тогда пошлите его в дом Майера. Старик оборудовал в подвале нечто вроде тира. Возможно, Дейнло удастся найти там еще несколько пуль 38-го калибра, выпущенных из того же оружия.

Глава 22

Кейт Керриган ждала в моей машине.

– Я боялась вас упустить, – сказала она, когда я открыл дверцу. – Поэтому приехала в такси. Мистер Мак-Гауэн звонил с электростанции.

– Мне?

– Да, он сейчас едет ко мне домой, чтобы повидать вас. Мак-Гауэн толком не объяснил, в чем дело, но думаю, что это касается его дочери. Он просил меня не упоминать о его звонке никому, кроме вас.

Я сел в машину и включил зажигание. В средней школе только что кончились занятия, и улицы заполнила армия мальчишек в джинсах и хорошеньких девушек с голыми ногами. Некоторые девушки были примерно того же возраста, что и Джо. Меня интересовало, что сделало ее не такой, как они.

Кейт оторвала меня от размышлений.

– Подумать только, – заговорила она, – что менее десяти лет назад я была одной из этих девчушек, причем самой везучей. Папа был еще жив, я была королевой на вечере выпускников, и капитан футбольной команды пригласил меня на танец. Я думала, что вся остальная жизнь будет такой же чудесной. Почему никто меня не разубедил?

– Так бывает всегда.

– Мне позволяли жить в мире грез, – с горечью продолжала она. – Позволяли верить, что я особенная и ничто дурное никогда меня не коснется. Знаете, кем я себя считала? Леди из Шарлотта, наблюдающей мир в зеркале. А потом зеркало треснуло. Или вы не знаете это стихотворение?⁶

– Я тоже читал его в школе.

Остаток пути до ее дома мы проехали молча. Нигде не было никаких признаков Мак-Гауэна, поэтому Кейт попросила меня войти и подождать. В гостиной было холодно, несмотря на яркое солнце. Эхо подслушанной мною ссоры, казалось, все еще отзывается в этих стенах.

Она бросила на стул черные перчатки и шляпу и предложила мне сесть.

– Все оказалось еще хуже, чем я предполагала. Сэм Уэстмор рассказал вам?

– Немного.

– Дон оставил мне меньше, чем ничего. Сэм говорит, что мне, возможно, придется отвечать за неуплату налогов за несколько лет. Я об этом и понятия не имела.

– Этого не случится, если Уэстмор приложит усилия. Он ведь ваш близкий друг, не так ли?

– Я всегда так считала.

⁶ Имеется в виду стихотворение английского поэта Альфреда Теннисона (1809-1892).

– А если это произойдет? Если они отберут всю вашу собственность?

– Я останусь без гроша.

– Это настолько ужасная перспектива?

– Не знаю. Я еще над этим не задумывалась.

– Так задумайтесь теперь. Что в этом ужасного? Вы молоды, красивы и умны.

Она остановила меня нетерпеливым жестом.

– Боюсь, что не могу соответствовать вашим complimentам. Во всяком случае, сегодня. Как бы то ни было, спасибо за добрые намерения.

– Не понимаю, кого или что вы должны оплакивать. Керриган оказал вам услугу, позволив, чтобы его застрелили, а может, и еще одну услугу, растратив ваши деньги.

Она посмотрела на меня, словно сомневаясь в моем рассудке.

– Что вы имеете в виду?

– Вы снова выйдете замуж...

– Никогда!

– Обязательно выйдете. И у вас будет шанс найти более честного мужа, а не еще одного Керригана. Не забывайте, что этот штат кишит трутнями, которые охотятся за легкими деньгами. Я встречал тысячи таких.

– Неужели их так много?

– Пройдитесь по Беверли-Хиллз, Санта-Барбаре или Санта-Монике и вы непременно встретите двух

или трех, разъезжающих в «ягуарах» и «кадиллаках».

– И у всех есть жены?

– Они охотятся за женщинами. Покуда женщинам будут принадлежать три четверти собственности в этой стране, всегда найдутся мужчины, пытающиеся отобрать у них эту собственность. Вы принадлежите к крупнейшему тайному женскому обществу Соединенных Штатов – обществу богатых девушек, которые неудачно вышли замуж и сожалеют об этом. Вот тут-то и наготове целая орда альфонсов.

Она ошеломленно посмотрела на меня:

– Вы живете в ужасном мире.

– Всего лишь в реальном.

– Как вы можете это выносить?

– Просто не блокирую свои чувства золотыми кирпичами. А вы?

– Никак не могу. Я изнеженная девчонка, которая слишком долго ждала, чтобы вырасти. Становиться взрослой трудно – неудивительно, что так мало людей в этом преуспели. – Кейт вздохнула и продолжала другим тоном: – Дон был не так плох, как вы думаете. Он честно пытался все наладить – по крайней мере, какое-то время. Это не только его вина, что он не умел обращаться с деньгами. Мне следовало помочь ему. Я не была ему хорошей женой – он нуждался в большем, чем я могла ему дать.

– В большем, чем ему мог дать кто бы то ни было.

– Сегодня вы что-то особенно суровы.

– Простите. Просто я встречал многих керриганов. Они рождаются с вакуумом вместо сердца. Или что-то случается с ними в детстве. Как бы то ни было, в них нет ничего, кроме голодной дыры, которую никто не в состоянии заполнить.

– Заполнить как женщина?

Кейт смущенно покраснела и подошла к большому окну. Через некоторое время она снова заговорила, обращаясь не то ко мне, не то к равнодушному городу:

– Я все испортила, верно? Мой отец был одним из самых уважаемых людей в этой долине. Мой дед основал в Лас-Крусес колледж, пожертвовав для этого землю. А я предала их. Я пустила на ветер не только их деньги, но и их репутацию, все то, что они отстаивали. – Она повернулась и окинула взглядом холодную гостиную. – Кажется несправедливым, даже просто невозможным, что я могла уничтожить так много, сделав одну ошибку.

– Ничего не уничтожено. Дутые личности вроде Керригана не могут уничтожать реальных людей и реальные вещи.

– Разве?

Кейт снова повернулась ко мне спиной. Она, с ее золотыми волосами, свободно спускавшимися на плечи, казалась стройной юной девушкой. Было трудно поверить, что она прошла через семь лет кошмарного бра-

ка и овдовела в результате убийства.

Я подошел к ней.

– Ваша жизнь не кончена – она только начинается.

– Боюсь, вам не утешить меня этой примитивной философией... нет, простите мне эти слова. Вы с самого начала были добры ко мне.

– Это было не так уж трудно, Кейти.

– Он говорил, что я не была женщиной. Но я женщина, не так ли?

Я взял ее за плечи и поцеловал.

– Мне жаль, что вы пострадали, Лу, – прошептала она, прижимая губы к повязке на моем лице. – Пожалуйста, больше не рискуйте.

– Это не страшно.

– Я женщина, правда? Вы... вас тянет ко мне?

На этот вопрос я не мог ответить словами.

Спустя некоторое время Кейт сказала:

– Я чувствую себя как вдова из Эфеса.

– Я сегодня очень суров, а вы напичканы литературными аллюзиями. Впрочем, продолжайте в том же духе. Это весьма познавательно.

– Вы смеетесь надо мной.

– Почему бы и нет?

Она прижала мою голову к своему круглому белому плечу и шепнула мне на ухо:

– Я заставила вас чувствовать себя мужчиной, Лу?

– Я и раньше чувствовал себя им. Это мое обычное

состояние.

– Вы хвастаетесь!

– Пусть так – хвастаюсь. Кроме вас, меня никто не слышит, а вы не возражаете.

Она рассмеялась. На веранде послышались неровные шаркающие шаги. В дверь позвонили.

Глава 23

Мак-Гауэн сбрил свою бороду. Его лицо под серой шляпой поблескивало, как глянцевая коричневая бумага. На нем были поношенный синий костюм и черный галстук. Одежда и бритое лицо делали его старше.

– Джозефина наконец заявила ко мне, – сообщил он.

Я шагнул на веранду и закрыл за собой дверь.

– Она сейчас на озере?

– Нет, снова уехала. Джозефина весь день моталась по пустыне в поисках Боузи. Она здорово умаялась. Я пытался уговорить ее остаться со мной, но она не захотела. Ей нужно было только узнать у меня, как добраться в Трэверс.

– В Трэверс?

– Очевидно, Боузи подался туда. Джозефина хочет его найти.

Он устало прислонился к дверному косяку. Я обнял его за плечи, пытаюсь успокоить, и ощутил торчащие кости.

– Она вам это сказала?

– Она не сказала, что Боузи там – я сам это понял. Когда они были у меня в сентябре, он очень интересовался Трэверсом. Я должен был вспомнить об этом

раньше, когда говорил с вами. Он задавал мне много вопросов.

– Каких?

– Ну, где это находится, как туда добраться.

– И вы объяснили ему?

– Тогда я не видел в этом ничего дурного. Трэверс находится по другую сторону Бейкерсфилда в сторону Невады. Нужно свернуть с шоссе у деревушки Йеллоу-Форд и оттуда ехать десять миль через горы. Это довольно пустынное место.

– А по дороге можно проехать?

– Это и хотел узнать Боузи. Он сказал, что хочет попробовать съездить туда с палаткой. Дорога была вполне проезжей – по крайней мере, в последний раз, когда я там был. Она пробита в твердой скале.

– Он мог проехать по ней в большом грузовике?

– Почему бы и нет? Дорогу специально построили для грузового транспорта.

– И Джо сейчас едет туда?

– Очевидно. Она попросила меня нарисовать ей карту.

– А для меня вы не нарисуете еще одну?

– Нет. – Он мрачно усмехнулся, показав желтые зубы. – Я поеду с вами, сынок. Хоть я и не в состоянии бегать, как прежде, но все еще могу стрелять, если понадобится.

Я понял, что отговаривать его бесполезно.

Когда я спустился на улицу, попрощавшись с Кейт, Мак-Гауэн принес ружье из багажника своего «форда». Это была спортивная винтовка среднего калибра с телескопическим прицелом. Он осторожно положил ее на заднее сиденье моей машины и вскарабкался на переднее.

Я нажал на стартер.

– Почему вы решили приехать ко мне?

– Вы говорили как честный парень. Надеюсь, вы и вести себя будете так же.

– Сделаю все, что от меня зависит.

Я свернул на бульвар в сторону окраины города. Наступили сумерки, и в окнах зажегся свет. Горы на востоке походили на лежащих в тумане гигантских женщин. На небе одна за другой появлялись звезды.

В сгущающейся темноте послышался голос Мак-Гауэна:

– Джозефина пропадет с этим вором. Я не мог спокойно смотреть на это. Видели бы вы ее сегодня – вся потная, лицо грязное, в глазах испуг. Я едва узнал ее.

Мы остановились в Барстоу, чтобы закусить сэндвичами и кофе, а потом в Бейкерсфилде, чтобы проверить шины. С наступлением вечера воздух становился прохладнее. Примерно через час на горизонте снова появились горы. У их подножия мерцали огоньки, похожие на упавшие звезды. Горы постепенно приближались к нам, заслоняя небо.

– Вот и Йеллоу-Форд, – нарушил молчание Мак-Гауэн.

Деревня состояла из магазина, заправочной станции, нескольких каркасных домов и хижин, а также деревянной будки в окружении голой земли – очевидно, чьей-то недвижимой собственности. Плакат на заправочной станции сообщал: «Настоящие гремучие змеи и другие рептилии! Остановитесь посмотреть монстров пустыни!»

Когда я затормозил у насосов, из здания вышел мужчина в красной ковбойке. Его физиономия походила на поношенное седло.

– Хотите посмотреть моих змей, пока будете ждать? – предложил он, начиная качать бензин. – У меня есть гремучка длиной в пять футов.

– Я ищу другое животное.

– Ядозуба? Мой ядозуб сдох.

– Человека. – Я описал Боузи.

Последовала длительная пауза.

– На этой неделе я его не видел, – ответил он наконец.

– Значит, видели раньше?

– Если это тот самый рыжий парень. В прошлом месяце он приезжал сюда пару раз за бензином и некоторое время болтался поблизости.

– Какой у него был автомобиль?

– Черный двухместный «бьюик».

Мак-Гауэн подтолкнул меня.

– Это он!

– Где он останавливался?

– Не знаю. Где-то на холмах. – Он махнул рукой в сторону гор. – Когда этот парень впервые тут появился, он купил спальный мешок и электроплитку в магазине через дорогу. По его словам, он искал уран, но с геологоразведчиком у него не было ни малейшего сходства. Не мог отличить железную руду от медной.

Мужчина отключил насос и прислонился к открытому окну. Его выцветшие глаза смотрели сквозь окруженные морщинами щелочки на загорелом лице.

– Этот тип заставил меня понервничать. Когда он приезжал в последний раз, мне почему-то показалось, что он собирается меня ограбить. Но я ошибся.

– Когда это было?

– Примерно в середине прошлой недели. После этого он убрался. Интересно, что он здесь делал?

– Прятался.

– От призыва в армию?

– Возможно. Я слышал, он проезжал здесь сегодня рано утром в большом полутрейлере с алюминиевым фургоном. Вы случайно не видели такого полутрейлера?

– Нет. Я открыл станцию в восемь.

– А сегодня вечером не видели девушку? Хорошенькую маленькую брюнетку в спортивной машине?

– Да, она проехала пару часов назад, не останавливаясь.

– Дорога на Трэверс открыта? – спросил Мак-Гауэн.

– Насколько я знаю, да. Снег еще не выпадал. Сегодня туда проехал грузовик.

– Покрашенный алюминием? – встрепенулся я.

– Большой синий фургон, похожий на мебельный. Проехал вверх около четырех. При дневном свете отсюда виден участок дороги. – Когда я уплатил ему за бензин, он добавил: – Если поедете в Трэверс ночью, следите за осыпями. Дорогу не ремонтировали два года.

Я поблагодарил его, и мы тронулись в путь.

Мак-Гауэн наклонился вперед, словно подгоняя машину.

– Джозефина там!

– И не только она, – отозвался я.

Глава 24

Первые несколько миль после того, как мы свернули с шоссе, дорога была прямой и ровной. Потом она начала петлять, а на поверхности появились выбоины, поэтому мне пришлось сбавить скорость.

Примерно на середине подъема колеса машины забуксовали в песчаной осыпи. С внешней стороны дорога шла вдоль крутой обрывающейся вниз стены каньона. Фары осветили еще одну осыпь впереди. Я остановил машину и вышел. Мак-Гауэн остался на переднем сиденье.

Слой песка покрывал добрую половину дороги. На краю виднелись следы большого грузовика. Обследовав их при свете фонарика, я обнаружил две группы отпечатков покрышек, одна из которых частично накладывалась на другую. Обе были свежими.

Я поднялся, чувствуя, как сердце колотится о ребра. Где-то в черной высоте надо мной тишину нарушил слабый воющий звук. Я не двинулся с места. Звук становился громче. Это была машина, спускающаяся с горы. Свет фар на фоне неба четко обозначил скалистый выступ наверху. Я вернулся к моей машине и выключил фары. Отъезжать назад не было времени. Я вытащил револьвер и присел за открытой передней двер-

цей. Мак-Гауэн потянулся за рулем.

Лучи фар протянулись над каньоном и повернули на дорогу, едва не ослепив меня. Маленький спортивный автомобиль выехал из-за поворота. Послышался гудок, потом заскрипели тормоза. Машина повернулась, забуксовала боком в песке и едва не опрокинулась. Водитель вывалился лицом на дорогу и остался лежать без движения.

– Это Джозефина! – воскликнул Мак-Гауэн.

Я подбежал к ней и осветил фонарем ее лицо. С верхней губы поползли вниз две струйки крови. В глазах застыл ужас, но девушка была в сознании.

Она попыталась сесть, но ей это не удалось. Я поддержал ее. Ее тело обмякло и казалось лишенным костей.

– Я ранена, – захныкала она. – Меня изнасиловали.

Я вытер кровь у нее с губы и увидел, что ее платье разорвано до пояса. На теле виднелись синяки и царапины, явно не связанные с недавним падением.

Мак-Гауэн вылез из моей машины и поплелся к нам.

– Такое должно было случиться рано или поздно, – сурово сказал я, хотя в действительности испытывал жалость. – Это справедливо, так как вы причиняли вред другим людям.

– Да я в жизни никому не повредила!

– Как насчет Тони Акисты?

– Я ничего не знаю о Тони. Честно, мистер!

– А насчет Керригана?

– Дон был мертв, когда я добралась туда. Я его не убивала.

– Тогда кто же?

– Не знаю. Боузи тоже не знает. Я должна была с ним встретиться. Мы собирались уехать вместе.

Она постепенно выходила из шокового состояния. Глаза заблестели и стали подвижными. Одинокая слеза оставила след на щеке.

– Что стало с деньгами, которые Боузи дал Керригану? – спросил я наугад.

Джо не ответила. Но ее голова невольно шевельнулась на моей руке, и она покосилась на спортивную машину.

– Джози, с тобой все в порядке? – осведомился подошедший Мак-Гауэн.

– Дедушка? – Она облизнула верхнюю губу. – Да, все хорошо.

Я оставил ее с ним и обыскал двухместный автомобиль. Под сиденьем водителя лежал продолговатый пакет, завернутый в газету и перевязанный грязной лентой. Я вскрыл его. Он был полон новыми купюрами в пятьдесят, сто и пятьсот долларов. Газета – портлендский «Орегониан», датированный прошлым августом. Я завернул в нее деньги и положил пакет в стальную коробку с вещественными доказательствами в багажнике моей машины. Деньги и марихуана – предел

мечтаний для таких, как Джо.

Девушка поднялась, опираясь на руку Мак-Гауэна. Она мяукала, словно грязный котенок в дождливую ночь.

– Они вскрыли один из ящиков, напились и стали насиловать меня по очереди.

В ее голосе слышалось отчаяние. Лицо старика казалось высеченным из гранита.

– Я прикончу их, малышка. Сколько их там?

– Трое. Они приехали из Альбукерке забрать виски. Лучше бы я осталась с тобой, дедушка.

Он нахмурился:

– А твой муж не пытался остановить их?

– Боузи мне не муж. Думаю, он бы остановил их, если бы мог. Но они сначала отобрали у него револьвер и избили его.

Я коснулся ее дрожащей спины.

– Они еще наверху, Джо?

– Да, они грузили виски в свой грузовик, когда я ускользнула. Их грузовик спрятан на старой пожарной станции.

– Покажите мне это место.

– Я не хочу туда возвращаться.

– Но остаться здесь одной вы ведь тоже не захотите.

Джо посмотрела на мою машину, потом вверх и вниз на дорогу, словно это было ее прошлым и будущим, и молча влезла на переднее сиденье.

Я проехал через узкий промежуток между спортивным автомобилем и обрывом. Мак-Гауэн поглаживал лежащую на коленях винтовку. Джо сидела между нами, глядя перед собой.

– Вы убили Керригана из-за денег? – спросил я.

– Нет! Я пошла встретиться с ним и застала его уже мертвым...

– Почему же вы убежали?

– Потому что полиция, как и вы, подумала бы, что это я его убила. Но я не убивала Дона Керригана. Я его обожала.

Мак-Гауэн презрительно сплюнул.

– Вы взяли у него деньги? – продолжал я.

– Да, взяла. Я имела на это право. Дон был мертв, значит, они ему больше не нужны. Они лежали на полу. Я подобрала их, села в машину и поехала искать Боузи. Я хотела только убежать оттуда.

– С двадцатью тысячами? Это Боузи велел вам взять деньги и присоединиться к нему?

– Ничего подобного. Я собиралась уехать с Доном. Я даже не знала, где Боузи.

– Это правда, я вам говорил, – кивнул Мак-Гауэн.

Джо повернулась ко мне:

– Почему бы вам не отпустить меня? Я не сделала ничего плохого, только взяла деньги. Они ведь просто там лежали. – Ее лицо внезапно просветлело. – Возьмите их себе, ладно? Никто не узнает. Дедушка никому

не скажет.

Мак-Гауэн издал нечто среднее между рыданием и возмущенным фырканием.

– От этих денег нет никакого толку. Вы об этом не знали?

– То есть как это?

– Они настолько «горячие», что Боузи даже не смог их потратить. Он ограбил портлендский банк, а у них был список номеров банкнотов. Никому не удастся потратить эти деньги. Для вас это новость?

– Я вам не верю. Боузи так бы не поступил.

– Тем не менее поступил. Он надул Керригана.

– Вы спятели! – сердито сказала она.

– Подумайте сами, Джо. Стал бы Боузи рисковать двадцатью штукаами в таком деле, если бы эти деньги были ему нужны?

Некоторое время Джо сидела молча. Я почти ощущал работу ее маленького порочного умишки.

– Если это так, я рада, что они избили его. Он это заслужил. Я рада, что они его избили и не заплатили ему обещанных денег.

Мы подбирались к гребню, черневшему на фоне звездного неба. Я петлял из стороны в сторону, стараясь избежать выбоин и осыпей.

– Прошлой ночью, Джо, вы сказали, что должны были остановить грузовик Акисты, но что-то изменило план. Что именно?

– Джо не захотел, чтобы я рисковала, – с гордостью заявила она. – Это было главной причиной.

– А что не главной?

– Он оказал услугу своему другу. А теперь этот друг оказал услугу ему.

– Остановив грузовик и застрелив Акисту?

– Нужно было только остановить грузовик. Дон не планировал никакой стрельбы. Но его друг все испортил.

– Кто это был, Джо?

– Дон не называл имен. Он говорил, что чем меньше я буду знать, тем лучше. Дон хотел, чтобы я была вне подозрений, если план не сработает.

– Это был Черч? Шериф?

Она не ответила.

– Майер?

Снова молчание.

– Какую услугу Дон оказал этому другу?

– Спросите у Боузи. Он должен знать. Боузи был с Доном в пустыне в понедельник ночью.

– Что им понадобилось в пустыне?

– Это длинная история. Вам это будет неинтересно.

Мак-Гауэн закудахтал, как курица:

– Ничего не утаивай, малышка. Ты должна полностью очиститься.

– Он называет это «очиститься»! – Она истерически засмеялась. – Я и так чистая. Я знаю только то, что они

мне рассказали.

– Кто?

– Тони, а потом Дон.

– Что Тони рассказал вам в воскресенье ночью?

– Дон велел об этом помалкивать. Только теперь, когда он мертв, это уже не важно. В субботу Тони последовал за Энн Майер к озеру Перидида. Она была в летнем доме Дона с каким-то парнем, и Тони подсматривал за ними в окно. Это бессмысленно, как и все, что он делал.

– Ну и что он увидел?

– А вы как думаете?

– Кто был тот человек?

– Тони не сказал мне. По-моему, он боялся об этом говорить. Тони втрескался в Энн Майер, и когда увидел ее мертвой на полу...

– Он увидел ее мертвой?

– Так он мне сказал.

– В субботу?

– В воскресенье Тони поехал туда, снова заглянул в окно и увидел, что ей капут. По крайней мере, так он мне рассказывал.

– А как он узнал, что она мертва?

– А я почему знаю? Я его не допрашивала. У меня мелькнула мысль, что он сам ее прикончил. Тони ведь был форменным психом.

– Кто-то лжет, Джо. Энн Майер была жива в поне-

дельник. Ваш дедушка видел ее с Керриганом во второй половине дня.

– Я не уверен, что это была она, – вмешался Мак-Гауэн.

– А кто? Каблук был от ее туфли. Должно быть, Акиста ошибся. Возможно, ему только показалось, что она мертва. Он был здорово пьян в воскресенье?

– Достаточно, – ответила Джо. – Но ему это не показалось. Дон ездил на озеро в понедельник, когда я рассказала ему об этом, и ее тело было там, как и говорил Тони.

– А где оно теперь?

– Где-то в пустыне. Дон отвез его туда и оставил.

– Это и была услуга, которую он оказал другу?

– Очевидно. Но Дон говорил, что должен был убрать ее из своего дома. Он боялся, что ему пришлют убийство.

– Где именно он оставил труп?

– Откуда я знаю? Меня там не было.

– Но Боузи был?

– Да. Он поехал за Доном в пустыню и привез его назад.

Глава 25

Мы поднялись на гребень. Внизу во мраке лежала долина. Я выключил зажигание и поехал вниз без мотора и без света, контролируя скорость ножным тормозом. Крутой извилистый спуск выпрямился, превратившись в главную улицу Трэверса.

Я остановился перед бывшим рестораном. Окна были забиты досками. На склонах виднелись безликие сооружения, придавленные снегами минувших зим. Над ними темнели груды шлака из старых шахт, словно макеты окружающих гор.

Примерно в четверти мили ниже нас, в дальнем конце заброшенного города, светился белый прямоугольник большого дверного проема. Двое мужчин входили внутрь и снова выходили, вынося ящики к задним дверцам большого грузового фургона. Они двигались с усталой механичностью потерянных душ, работающих в адских рудниках.

– Это они, – прошептала Джо. – Я не хочу подходить ближе.

– Я бы и сам вас не пустил. Они вооружены?

– По-моему, да. А у одного из них, которого они называли Фаустино, есть даже автомат.

– Скверно. Лучше выйдите и подождите в переулке.

На всякий случай спрячьтесь за чем-нибудь. Мак-Гауэн, ваше ружье заряжено?

– Не беспокойтесь.

– А как с вашим глазомером?

– Пару недель назад я застрелил оленя с четырехсот ярдов. Если бы было светло, думаю, я мог бы достать их отсюда.

– Подождите десять минут, пока я спущусь туда, а потом открывайте огонь. Только поберегите пару патронов – на случай, если они попытаются прорваться. Эта дорога – единственная, которая ведет отсюда?

– Не считая троп для горных козлов.

– Если кто-нибудь из них ускользнет от меня, укройте за машиной и попытайтесь его остановить. Начните стрелять через десять минут.

– У меня нет часов.

– Тогда просчитайте медленно до пятисот.

– Хорошо.

Он вылез из машины и залег на дороге. Джо исчезла в переулке позади заколоченного ресторана. Я начал спускаться с холма с револьвером в руке, стараясь держаться поближе к зданиям. Это были пустые оболочки давно исчезнувшего бизнеса – парикмахерская, кафе-мороженое, магазин. Теперь их единственными хозяевами были бурундуки и койоты, скрывающиеся в тени. От высоты и безмолвия у меня в ушах звенело, словно от большой дозы хинина.

Ярдах в ста от освещенной двери я опустился на четвереньки, сразу припомнив запахи пороха, огнеметов и паленой плоти – ароматы зеленой и кровавой весенней поры на Окинаве. Я полз по остаткам тротуара от одной двери к другой. Мое время истекало.

Свет лился из распахнутых двойных дверей каркасного дома на другой стороне улицы. Над входом висела вывеска пожарной станции. Внутри стоял грузовик Майера с зажженными фарами и открытыми задними дверцами. Фургон был почти опустошен. Двое мужчин выгружали последние ящики и передавали их третьему в голубой фургон.

Они были обнажены до пояса и покрыты потом. Один из них был смуглый и широкоплечий, с черными кучерявыми волосами на груди, спине и руках, другой высокий, крючконосый, с бесцветными светлыми глазами и синеватой татуировкой на предплечье. Он передал ящик в фургон и обернулся к своему компаньону:

– Appetitная была девочка. Интересно, что с ней стало.

– Тебе когда-нибудь бывает достаточно?

Оба тяжело дышали и двигались вяло. Смуглый парень втокнул ящик в фургон и прислонился к нему. Я пристроил дуло револьвера на обломок асфальта и прицелился парню между глаз. Невидимый кулак ударил в борт фургона. Я выстрелил, прежде чем на хол-

ме затрещало ружье Мак-Гауэна. Один глаз у смуглого парня лопнул, как коричневый агат. Он вперился оставшимся глазом в темноту, забрызганную пятнами электрического света, двинулся ко мне на подкашивающихся ногах и рухнул лицом вниз, как Тони Акиста.

Высокий мужчина метнулся в здание и медленно вышел оттуда с автоматом Томпсона в руках. Автомат затарахтел, полыхнув в мою сторону шафрановой вспышкой. Я выстрелил слишком поспешно и промазал. Пули прошивали стену позади меня, придвигаясь все ближе. Смерть кричала мне в ухо.

Второй и третий выстрелы Мак-Гауэна отозвались эхом на улице. Высокий парень повернул от меня свою ястребиную голову вместе с автоматом. Я тщательно прицелился в него и дважды выстрелил. Он шагнул назад и хрипло закашлялся, выронив автомат на дорогу. Фургон тронулся с места.

– Подожди меня, ты, сукин сын! – завопил высокий, перекрывая рев мотора.

Подобрав оружие и вцепившись ладонью в живот, он побежал вперед и вскочил в фургон, когда тот поворачивал передо мной. Я разрядил в машину револьвер, но фургон переехал лежащее на дороге тело смуглого парня и помчался по улице.

Ружье Мак-Гауэна трижды выстрелило, но это не остановило голубой фургон. Проехав по улице, он стал подниматься на гребень.

Боузи вышел из пожарной станции, когда я перезаряжал револьвер. Он шел как слепой, расставив ноги и разведя руки. Лицо его распухло и посинело, глаза были закрыты.

– Майк, Клинчер, что случилось?

Боузи споткнулся о лежащего на дороге смуглого парня, опустился на колени и встряхнул безжизненное тело.

– Майк, это ты? Очнись!

Поняв, в чем дело, Боузи завыл, как койот, и отполз в сторону.

Я двинулся к нему. Услышав звук моих шагов, он испуганно присел и пролепетал сквозь стиснутые зубы:

– Кто это? Я ничего не вижу. Эти ублюдки ослепили меня.

Я присел с ним рядом.

– Дай-ка взглянуть на твои глаза.

Боузи поднял голову, продолжая скулить. Я приподнял пальцами его веки. Глазные яблоки налились кровью, но не были повреждены. Он уставился на меня, пытаюсь разглядеть мое лицо.

– Кто вы?

– Мы встречались раньше. Дважды.

Узнав меня, он попытался сопротивляться. Но его движения были слабыми и беспомощными.

– Неужели тебе мало досталось, парень?

Я запустил руку в меховой воротник куртки Боузи,

поставил парня на ноги и ощупал одежду. Оружия не было. Но в кармане лежал мой бумажник, а на запястье были мои часы с разбитым стеклом. Я сорвал их с его руки. Он не сопротивлялся, окончательно утратив боевой дух.

Длинные рыжие волосы падали на изуродованное лицо Боузи, словно обмякшие крылья. Он, моргая, смотрел на лежащий в луже крови труп.

– Выходит, вы прикончили Фаустино.

– Он был слишком неосторожен.

– А где остальные?

– Уехали в фургоне.

– Хотите знать, где их можно найти? Отпустите меня, и я приведу вас к ним.

– В этом нет необходимости. Они никогда не вернуться в Нью-Мексико.

– Значит, вы знаете, кто они? – Он казался разочарованным.

– Банда, на которую ты работал водителем в Альбукерке.

– Ага. – Он сплюнул кровью на труп у его ног. Вид мертвого врага придавал ему уверенности и делал его разговорчивым. – Моя ошибка в том, что я снова с ними связался. Я классный вор и работаю в одиночку. Но Фаустино предложил мне двадцать пять штук за тысячу двести ящиков. И я дал себя одурачить. – Его голос дрогнул от праведного гнева. – Такой груз на его тер-

ритории стоит почти сотню штук, но когда я потребовал свою долю, он навел на меня автомат и приказал своим громилам отделать меня как следует. – Его пальцы ощупали распухшую физиономию. – Жаль, что вы прикончили Фаустино. Я бы хотел сам рассчитаться с ним.

– Ты изымаешься из обращения. Рассчитываться тебе придется только с клопами в тюремной камере.

– Может, и так. А вы кто, коп из Лас-Крусес?

– Я из Лос-Анджелеса.

– Полиция штата?

– Частный детектив.

– Кроме шуток? И на кого же вы работаете?

– На себя.

– Интересно. – Он хитро усмехнулся. – Может, нам удастся заключить сделку?

– А что ты можешь предложить?

– Если бы я вам рассказал, то предлагать было бы нечего. Я только скажу, приятель, что такой шанс бывает раз в жизни. Мы с вами вдвоем можем стать хозяевами Лас-Крусес.

– А сейчас кто там хозяин?

– В том-то и дело, что никто. В городе полным-полно денег, которыми никто не занимается. Это можем сделать мы.

– А местная полиция не будет возражать?

– Предоставьте это мне. – Его вновь обуяло патологическое честолюбие. – Только я не смогу действовать,

сидя в тюремной камере. Если вы запихнете меня туда, то упустите свой шанс.

– Шанс на что? Чтоб меня одурачили, как Керригана?

Это заставило его умолкнуть, но не надолго.

– О'кей, я надул Керригана. Но он отобрал у меня мою девушку. Она заявила, что ей нужен кто-то более классный, чем я. А мне, значит, оставалось финансировать их медовый месяц? Нет уж, дудки! Но это другое дело – никакого надувательства.

– Ну и что это за дело?

– Слушайте. – Он постучал мне по груди. – Я кое-что знаю, это больше никому не известно. Мы с вами можем крупно на этом заработать. Понимаете, вы мне по вкусу.

– Допустим. Какая у тебя информация?

– Так мы договорились?

– Сначала я должен узнать, что мне предлагают купить. Почему шериф позволил тебе прошлой ночью покинуть округ?

– Я не говорил, что он выпустил меня из округа.

– По какой дороге ты ехал?

– Угадайте. Вы же все знаете.

– По дороге через перевал мимо холмов.

Щелочки его глаз блеснули в распухших веках.

– Угадали. Мы могли бы поладить. Люблю смысленных парней.

- Тебе известно что-нибудь о шерифе, Боузи?
- Может быть.
- Тебе рассказал Керриган?
- Он ничего мне не рассказывал. Я сам все понял.
- Насчет Энн Майер?
- Снова в точку. Значит, они нашли тело?
- Пока нет. Где оно, Боузи?
- Погодите минутку – не так быстро. Мы договорились или нет?
- Зависит от тебя. Вот мои условия: ты покажешь мне, где труп, а я постараюсь тебя выволить. Тебе грозит газовая камера, знаешь ты это или нет? Окружной прокурор обвиняет тебя в убийстве.
- Я никогда не убивал!
- Это тебе не поможет. С твоим «послужным списком» на тебя запросто навесят и Акисту, и Керригана.
- Да я даже не знал, что Керригана пришили, пока Джо мне не рассказала. И к этому... как его?.. Тони Акисте не приближался ближе чем на полмили.
- Расскажи это окружному прокурору, и он расскажет тебе кое-что другое, причем оно будет звучать более убедительно. Они отправят тебя за эти убийства в газовую камеру, если кто-то не вмешается. Если сможешь мне, я сделаю все, что могу, чтобы снять с тебя обвинения. Тебя упрячут надолго, но я постараюсь не дать им накачать тебя газом.

Боузи с беспокойством посмотрел на черный зуб-

чатый горизонт. Его мечты о власти и деньгах разлетелись в пух и прах. Доносившийся с другой стороны гребня звук мотора внезапно прервался приглушенным взрывом, после чего наступила тишина.

– Что это было?

– Надеюсь, твои друзья из Альбукерке.

Он бросил на меня резкий взгляд, сопя сломанным носом.

– Круто играете.

– Да, когда приходится.

– Откуда мне знать, что вы постараетесь мне помочь? Никто никогда не давал мне шанса.

– Тебе придется рискнуть. Впрочем, после всех твоих приключений риск не так уж велик. В твоих интересах помочь мне найти труп. Думаю, тот, кто ее убил, прикончил и остальных.

– Очень может быть, что вы правы.

– Кто это был, Боузи?

– Если бы я знал, то сказал бы. Ладно, я покажу вам, где она. Керриган бросил девушку в ее машине в маленьком каньоне возле Дабл-Маунтин.

Я повел его вверх по улице. Джо сидела одна на переднем сиденье моей машины.

– Ну и ну, – усмехнулся Боузи. – Семья воссоединяется, а?

Девушка даже не взглянула на него.

– Где ваш дедушка, Джо?

– Поднялся на холм. Мы услышали грохот, и он подумал, что, может быть, голубой грузовик свалился с дороги.

– Я тоже его слышал.

Я открыл левую дверцу и усадил Боузи между Джо и мною. Она отодвинулась от него.

– Неужели я должна ехать рядом с ним после грязного трюка, который он сыграл со мной и с Доном?

– Да брось ты, – сказал Боузи. – Керриган спокойно мог перевезти денежки через южную границу и потратить их там.

– Не хочу даже слышать об этом. Ты просто жулик. Надеюсь, что они запрут тебя и выбросят ключ.

Машина поднялась на гребень. Мак-Гауэн стоял наверху, опираясь на свое ружье и тяжело дыша. По другую сторону, в темной впадине каньона, мелькали оранжевые огоньки пламени.

Старик, прихрамывая, подошел к машине.

– Похоже, им пришел конец. Думаю, они не заметили вовремя двухместный драндулет Джозефины.

– Туда им и дорога, – проворчала Джо.

– Нельзя так говорить, Джози. Ты не проявляешь должного уважения к человеческой жизни.

– Но я-то ведь тоже человек, верно? К моей жизни они не проявляли особого уважения.

Мак-Гауэн влез на заднее сиденье, и мы поехали вниз по извилистой дороге. Спортивный автомобиль

лежал вверх колесами. Черные следы шин вели к краю дороги, где свалился грузовик.

Он все еще ярко пылал тридцатью футами ниже нас. Сквозь запахи горящего бензина и алкоголя мне вновь почудились запахи Окинавы.

Глава 26

Небо стало лимонно-белым, потом вспыхнуло яркими красками. Солнце появилось в зеркальце на ветровом стекле, словно яркая монета, выскочившая из автомата. Переливающаяся всеми цветами пустыня перераздразнивала небо, а юбки лениво склоняли колючие ветки.

Я подумал, что если в этом месте есть свое божество, то ему должно быть одиноко и скучно от повторяющегося зрелища рассвета и заката. Я бросил взгляд на сонную распухшую физиономию Боузи, напоминавшую лицо утопленника, которого вытащили из воды после пребывания там в течение нескольких недель. Его голова лежала на плече Джо. Она проснулась и смотрела на него.

Я вел машину через плато в западном направлении. Усталость одолевала меня настолько, что я лишь колоссальным усилием воли заставлял себя нажимать на педаль. При виде перевала Техачапи я разбудил Боузи и прислушался к его инструкциям, походившим на невнятное бормотание. Боковая дорога тянулась влево на несколько миль и спускалась в каньон, переходя в тропу для скота.

Дно каньона все еще было в тени. Над ним кружили

четыре сарыча, взмывшие в небесную синеву при звуке мотора. У подножия склона, где среди низкорослых дубов вилось русло высохшего потока, стоял черный автомобиль с откидным верхом.

– Она там, – сказал Боузи.

Я оставил его под прицелом винтовки Мак-Гауэна и двинулся по гравию к брошенной машине. Кабина была пуста, а багажник заперт. Рысь оставила следы лап на его пыльной крышке.

Я вернулся к своему автомобилю за ломом. Из мрака кабины на меня уставились вопрошающие глаза Боузи, поблескивающие на гротескной маске его лица. Мак-Гауэн облек вопрос в слова:

– Ее там нет?

– Я хочу взломать багажник.

Она лежала там, поджав колени, словно младенец в железном лоне. На стекле солнечных очков алело пятно крови. На одной из коричневых туфель не достало каблука.

Я наклонился, чтобы взглянуть на ее лицо. Слезы едва не ослепили меня. Не то чтобы она имела для меня какое-то значение. Я и видел-то Энн Майер только на фотографии, где она весело смеялась на пляже. Но меня душил гнев на собственную беспомощность перед лицом смерти.

Сарычи кружили наверху, словно подвыпившие гровщики. Безумный красный глаз солнца появился над

краем каньона.

Глава 27

Тело Энн Майер лежало на сверкающем сталью столе. Оно имело цвет слоновой кости, за исключением сосков, дырки под левой грудью и двух длинных разрезов, изгибающихся от плеч к точке под грудной костью.

Патологоанатом средних лет по имени Трелор трудился у раковины в углу. Он промывал инструменты и клал их на сушилку один за другим: скальпель, большой нож, электропилу для костей. Они поблескивали в холодном флюоресцентном свете.

Трелор повернулся ко мне, стягивая резиновые перчатки:

– У вас есть вопросы?

– Вы извлекли пулю?

Он кивнул и улыбнулся с профессиональной веселостью:

– Я занялся пулей в первую очередь. Пришлось использовать рентген, чтобы обнаружить ее. Пуля пронзила сердце и застряла между ребрами у позвоночника.

– Могу я взглянуть на нее?

– Я передал ее Дейнло час назад. Пуля явно от револьвера 38-го калибра, но он хочет использовать микроскоп, чтобы убедиться в этом.

– Как давно она мертва, доктор?

– Я смогу ответить более точно, когда сделаю несколько слайдов. Сейчас я бы сказал, что она мертва неделю плюс-минус один день.

– То есть минимум шесть дней?

– Да.

– Сегодня суббота. Следовательно, ее застрелили в прошлое воскресенье.

– Не позднее воскресенья.

– И ее не могли видеть живой в понедельник?

– никоим образом. Я говорю вам то же, что сказал Уэстмору. В этом я абсолютно уверен даже без слайдов. – В глазах под стеклами очков блеснула профессиональная гордость. – Я произвел более четырех тысяч вскрытий здесь и в Европе.

– Я не сомневаюсь в вашей компетенции, доктор.

– А я и не думал, что сомневаетесь. Ваш свидетель либо лгал, либо ошибался. Уэстмор думает, что лгал.

– Где сейчас Уэстмор?

– Где-то в госпитале. Посмотрите в отделении «Скорой помощи» – они там штопают вашего пленника.

Трелор вернулся к раковине вымыть руки. Я двинулся к двери. Она открылась раньше, чем я к ней прикоснулся. Воздух обдал мое лицо, и Черч вошел в прозекторскую.

Он прошел мимо, не обратив на меня внимания и глядя только на женщину на столе.

– Где вы были, Брэнд? – обратился к нему Трелор. – Мы задержали вскрытие, ожидая, что вы появитесь.

Черч даже не обернулся. Его взгляд был сосредоточен на женщине, словно он наблюдал какое-то откровение.

– Ты мертва, Энн, – заговорил он, словно обращаясь к бессловесному животному или годовалому младенцу. – Ты в самом деле мертва.

Трелор с любопытством посмотрел на него и стал вытирать руки. Черч ничего не замечал. Он был наедине с женщиной, погруженный в свои мысли. Его большие руки стали мягко растирать ее ногу, словно это могло вернуть ей жизнь.

Трелор подошел к двери и кивнул мне. Мы оба вышли. Дверь бесшумно закрылась за нами.

– Я слышал, что он неравнодушен к свояченице, – тихо сказал Трелор, – но не знал, что до такой степени. – Он смущенно улыбнулся. – Сигарету?

Я покачал головой. Более глубокое чувство, нежели смущение, сковало мой язык. За металлической дверью слышались странные прерывистые звуки – мужские рыдания без слез, женское имя, повторяемое глухим ушам.

– Простите, – сказал Трелор. – Мне нужно позвонить. Он быстро зашагал прочь. Белые полы халата летели позади.

Глава 28

Уэстмор прислонился к стене возле двери приемного отделения «Скорой помощи». Его лицо казалось похудевшим и серым, а очки были грязными. Увидев меня, он выпрямился и расправил узкие плечи.

– Доброе утро, – заговорил он с агрессивной формальностью. – Могу я узнать, где вы были?

– Выкроил пару часов для сна.

– Мне не удалось и этого. Хотя вы только что вернулись с тропы войны вместе с вашим стариком с гор.

– Вы не можете требовать от меня, чтобы я общался с вооруженными бандитами, надев лайковые перчатки. – Но в глубине души я чувствовал угрызения совести – мои утренние сны были наполнены полыхающим алым пламенем.

– Мне не хочется напоминать, что я вам это говорил, – сказал он, – но ваш святой Мак-Гауэн все-таки оказался лжецом.

– Мак-Гауэн искренне ошибался. Он никогда не утверждал, что точно узнал женщину. Чего я не понимаю, так это каким образом туда попал каблук. Он ведь оторван от туфли Энн Майер, не так ли?

– Несомненно. Очевидно, его туда подложили.

– Мак-Гауэн видел, как она его потеряла.

– Так он заявляет. По-видимому, он сам его подложил и сознательно привел вас к нему. Я задержал его как важного свидетеля.

– А девушку?

– Она в камере. Я допрошу ее позже. А сейчас я собираюсь допросить Боузи. Учитывая доказательства, которыми мы располагаем, он, безусловно, во всем признается.

– Выходит, дело завернуто в бумагу и перевязано голубой ленточкой?

– Да – благодаря вам.

– Не благодарите меня. При таком исходе я не хочу принимать в этом участие.

Он удивленно уставился на меня сквозь грязные стекла очков.

– У меня к вам вопрос, мистер окружной прокурор. Гипотетический вопрос.

Уэстмор с усмешкой заслонился руками.

– К таким вопросам я отношусь с подозрением. Последние три-четыре часа я только и делал, что выслушивал их в зале суда.

– Этот вопрос простой, краткий и не слишком гипотетический. Допустим, один из ваших коллег в администрации округа покрывает преступников или даже еще хуже того. Как бы вы к этому отнеслись?

– Разумеется, отрицательно. Я бы засадил его в тюрьму.

– А если бы тюрьма находилась на его попечении?

– Не будем ходить вокруг да около. Вы имеете в виду Брэндона Черча?

– Да. Вам бы следовало допросить его вместо Боузи.

Он положил твердую ладонь мне на руку.

– С вами все в порядке, Арчер? У вас были трудные два дня...

– У меня нет при себе справки от врача. Но если вы хотите уточнить список моих достижений, можете позвонить в офис окружного прокурора в Лос-Анджелесе.

– Я уже это сделал, – сказал Уэстмор. – Они сообщили мне среди прочего, что с вами нелегко поладить и вы нажили себе немало врагов. Это меня не слишком удивило.

– Я наживаю себе врагов среди тех, кто этого заслуживает.

– Это вы так считаете.

– Дейнло что-нибудь обнаружил в подвале у Майера?

– Несколько пуль, над которыми он сейчас работает. Я жду его рапорта. Но что бы там ни говорилось, вы не можете использовать это против Черча. Он не отвечает за то, что сделал или делает Майер. – Его взгляд был враждебным, а в голосе слышался металл. – У вас есть улики против самого Черча?

– Ничего, что бы вы могли передать в суд. Я не могу

проверять его передвижения или допрашивать его, а вы можете.

– Вы ожидаете, что я сяду на одну ветку с вами? Но вы слишком далеко заходите. Если кто-нибудь перепилит ветку, вам будет больно падать.

– Мне нравится сидеть на этой ветке. Отсюда отлично виден весь ваш прогнивший округ.

Уэстмор тут же ощетинился.

– Этот округ абсолютно чист. Мы с Черчем трудились несколько лет, чтобы он стал таким. Вы не знаете Черча и того, что он сделал для этих мест. – Голос Уэстмора дрожал от искреннего негодования. – Если в долине есть хоть один человек, в ком я могу быть полностью уверен, так это Брэндон Черч.

– Люди меняются. Жара плохо действует на Черча. Я сам был тому свидетелем.

Он с беспокойством посмотрел на меня:

– Вы что-то ему сказали?

– Вчера я все ему сказал. Он выхватил револьвер и едва не выстрелил. Думаю, он бы меня прикончил, если бы его не остановила жена.

– Вы бросили обвинение ему в лицо?

Я кивнул.

– Тогда я едва ли могу порицать его за то, что он хотел вас убить. Вам известно, где он сейчас?

– В прозекторской, возле тела свояченицы.

Уэстмор повернулся на каблуках и зашагал по кори-

дору. Дойдя до металлической двери в конце, он остановился и некоторое время смотрел на нее, потом, наконец, постучал.

Дверь открылась, и из комнаты вышел Черч. Уэстмор что-то ему сказал. Черч молча отодвинул его и направился по коридору в мою сторону. Взгляд его словно был устремлен на что-то, находящееся за стеной, а рот кривился в свирепой усмешке. Он вышел на улицу; рев мотора его машины нарушил утреннюю тишину и постепенно затих вдали.

Уэстмор медленно двинулся следом, наклонив голову, как будто он пробивался сквозь невидимые препятствия. Подойдя ко мне, он осведомился:

– Если бы вы могли допросить Черча, какие вопросы вы бы ему задали?

– Спросил бы, кто застрелил Керригана и Энн Майер.

– Надеюсь, вы не предполагаете, что это сделал он?

– Я предполагаю, что он знает об этих убийствах куда больше, чем говорит. Прошлой ночью он позволил Боузи ускользнуть с грузовиком Майера.

– Боузи так говорит?

– Практически да. Он побаивался говорить напрямик.

– Что бы он ни сказал, вы не можете использовать это против такого человека, как Черч.

– Я видел Черча на дороге через перевал около ча-

са ночи. Он отпустил постовых, перекрывавших путь, и занял их место, что весьма необычно...

Уэстмор поднял руку чисто прокурорским жестом.

– Вы сами себе противоречите. Черч не мог находиться в двух местах одновременно. Если он был на дороге к перевалу в час ночи, то не мог застрелить Керригана. А вы точно знаете, что Боузи воспользовался именно этим маршрутом?

– Точно я ничего не знаю.

– Я это подозревал. Очевидно, Боузи пытается сочинить себе алиби.

– Вам удалось подцепить на крючок молодого профессионального преступника, поэтому вы все связываете в один узел и вешаете ему на шею, – сказал я. – Мне известно, что это стандартная процедура, но я от нее не в восторге. Мы расследуем не просто профессиональное преступление. Это сложное дело, куда замешаны и профессионалы, и любители.

– Не такое сложное, каким вы пытаетесь его представить.

– Может быть, когда мы получим ответы на все вопросы, оно окажется значительно проще. Но пока мы их не получили.

– Я думал, вы рассматриваете Черча в качестве ответа.

– Черч меня озадачивает, – отозвался я. – Думаю, вас тоже, хотя вы не хотите в этом признаваться. Вы

бы не защищали его, не будь у вас на то причины.

– Я его не защищаю. Он не нуждается в защите.

– Разве вы сами не подозреваете его хотя бы немного? Вы видели его реакцию на смерть Энн Майер.

– В конце концов, она его свояченица, а Черч – человек эмоциональный.

– Может, лучше сказать страстный?

– К чему вы клоните?

– Она была ему больше чем свояченицей. Они были любовниками.

Уэстмор устало провел рукой по лбу:

– Я слышал, что у них была связь. Но это ничего не доказывает. Напротив, это делает еще менее вероятным то, что он имел отношение к ее смерти.

– Он мог убить ее из ревности.

– Вы видели горе на его лице.

– Видел. Убийцы испытывают горе, как и все остальные.

– К кому он мог ее ревновать?

– Я могу назвать кое-кого. Во-первых, Акисту. Он был давним поклонником Энн Майер и приезжал на озеро в субботу вечером. Это может объяснить происшедшее с Акистой. А также власть Керригана над Черчем и смерть Керригана.

– Вы отлично знаете, что Черч не убивал Керригана.

– Кто-то мог оказать ему такую услугу. Под его началом достаточно вооруженных людей.

– Нет! – резко воскликнул Уэстмор; его голос походил на крик боли. – Я не могу поверить, что Брэнд способен убить человека.

– Спросите его сами. Если в нем хоть что-то осталось от честного копа, он скажет вам правду. Возможно, вы даже окажете ему услугу. Черч ведь носит в себе адский огонь. Дайте ему шанс выплеснуть его наружу, куда он не сгорел дотла.

– Вы уверены в его виновности, – тихо произнес Уэстмор, – а я нет.

Но он казался раздираемым противоречивыми чувствами. Искусственный свет, отражаемый светло-зелеными стенами больницы, придавал его лицу мертвенную бледность.

Внезапно в коридоре стало светлее. Обернувшись, я увидел лицо врача, который не смог спасти Акисту. Он бесшумно открыл дверь отделения неотложной помощи.

– Можете забрать его, мистер Уэстмор. Дырки мы ему законопатили. Или хотите допросить его здесь?

– Нет. Отправляйте его. – Уэстмор говорил так, будто был сердит на весь мир.

В дверях появился Боузи. Единственный глаз, видимый между бинтами, алчно блеснул в сторону выхода. Охранник положил руку на кобуру. Боузи заметил этот жест и угрюмо сгорбился.

Уэстмор возглавлял процессию в морг, а я ее замы-

кал.

Глава 29

Трелор выкатил на тележках один за другим трупы из-за стеклянных дверей и открыл их лица: бледное и вытянувшееся у Акисты, отечное и невозмутимое у Керригана и успевшее состариться в смерти у Энн Майер.

– Неплохие трупы, – заметил доктор. – Органы у всех в отличном состоянии. Жаль, что им пришлось умереть.

Он с мягким укором посмотрел на Боузи.

– Чего ради вы меня сюда привели? – осведомился тот.

– Чтобы освежить вашу память, – ответил Уэстмор. – Назовите ваши имя и возраст.

– Леонард Боузи. Двадцать один год. Адреса и определенных занятий не имеет. Особых надежд тоже...

– Когда вы в последний раз видели этого человека, Доналда Керригана?

– В ночь с четверга на пятницу после полуночи.

– Где? В его мотеле?

– Нет, в придорожном ресторане неподалеку. Не помню названия.

– «Стейкбургер», – подсказал я. – Я был свидетелем встречи.

- Вас мы выслушаем позже. – Уэстмор снова обратился к Боузи: – Что произошло во время этой встречи?
- Я не обязан отвечать. Это самообвинение.
- Уэстмор мрачно улыбнулся.
- Пакет с деньгами перешел из рук в руки?
- Допустим.
- Что вы сделали потом?
- Уехал.
- От чего вы бежали?
- Ни от чего. Просто поехал прокатиться. Мне нравится водить машину ночью.
- Но прежде чем отправиться в ночную поездку, вы застрелили Керригана в голову из револьвера 38-го калибра?
- Нет.
- Где ваше оружие?
- Нет у меня оружия. Его ношение противозаконно.
- А вы никогда не делаете ничего противозаконного?
- Стараюсь не делать. Правда, иногда у меня не получается.

Уэстмор тяжело вздохнул:

- А как же грузовик, который вы украли? Банк, который вы ограбили в Портленде? Тогда у вас тоже не получилось?
- Я никогда не был в Портленде. Вы имеете в виду Портленд в штате Мэн?
- Я имею в виду Портленд в штате Орегон.

– А разве в Орегоне есть Портленд?

Уэстмор склонился вперед. При ярком свете его профиль казался вырезанным из листового железа.

– Вы говорите слишком нагло для уголовника, у которого на руках кровь трех человек.

– Я не убивал никого из них.

– В самом деле? Взгляните на них хорошенько, Леонард. – Уэстмор повернулся к охраннику. – Подведите его ближе.

Охранник подтолкнул Боузи к изголовью тележки Акисты. Его лицо даже в смерти казалось одержимо страстным желанием.

– Никогда не видел его раньше.

– Как могли вы застрелить человека и украсть его грузовик, не видя его?

– Я не стрелял в него. И грузовик не крал – это не называется кражей. Грузовик просто стоял на шоссе, и в нем никого не было. Люди не должны оставлять на шоссе грузовики с включенным мотором.

– Понятно. Это был один из случаев, когда у вас не получилось. Убийство Акисты из той же серии? Тоже не получилось?

– Я не убивал его.

– Вы не вытаскивали револьвер, не целились ему в сердце, не спускали курок и не наносили ему смертельную рану?

– У меня и револьвера-то нет.

Допрос продолжался целый час. Это напоминало мне схватку между молодым новичком и опытным боксером. Под ударами слов Уэстмора Боузи начал изнемогать. Вскоре в нем не осталось ничего, кроме страха и тупого упрямства. Голос сделался хриплым, а на бинтах, скрывающих лицо, проступили красноватые пятна.

Я потел вместе с ним, пытаюсь представить себе его жизнь. В юности я тоже катался на краденых машинах и участвовал в потасовках вместе с шайками таких же подростков в бесконечных лабиринтах Лос-Анджелеса. До определенного момента моя жизнь была такой же, как у Боузи. Потом пахнувший виски детектив в штатском застучал меня, когда я стащил аккумулятор со склада Сирза Рубека в Лонг-Бич. Он не забрал меня, а только подробно объяснил, куда это может привести. Я долгие годы его ненавидел – и больше ни разу не воровал.

Но я хорошо помнил, каково быть вором. Сначала чувствуешь себя живущим в комнате без окон, а потом – в комнате без стен. В конце концов сердце коченеет от холода, не оставляя никакой надежды – только злобу в голове и страх в кишках. Боузи отличался от меня тем, что ему не вовремя попался пропахший алкоголем полицейский сержант.

У меня была еще одна причина отождествлять себя с Боузи. Уэстмор использовал его, как моего «мальчи-

ка для порки», пытаюсь выжать из него ответы, доказывающие, что я не прав. Но в этом он не преуспел.

Глава 30

Я был рад, когда нас прервали. Капитан Дейнло открыл дверь и вызвал Уэстмора. Когда он вышел, в комнате наступила тишина – четверо живых были так же безмолвны, как трое мертвых.

– Ты шагаешь напрямик в газовую камеру, Леонард, – заговорил я. – Если ты не прекратишь отпираться, другого шанса может не представиться, и ты будешь вдыхать цианид, прежде чем успеешь опомниться.

– Они не могут осудить невиновного.

– Разве ты невиновный? Ты украл грузовик, и мы это отлично знаем. Это делает тебя соучастником убийства водителя, даже если ты и не стрелял в него. У тебя один выход – честно обо всем рассказать.

Он задумался.

– Что вы хотите, чтобы я сказал?

– Правду. Как это произошло?

Он мотнул головой в мелодраматическом отчаянии.

– Вы все равно мне не поверите. Какой смысл рассказывать, что я видел?

– И все-таки попробуй рассказать.

– Вы назовете меня лгуном. Я ждал грузовик на шоссе. Керриган сказал, что он должен проехать около ше-

сти. Он действительно промчался мимо в это время и остановился примерно в полумиле. Мне пришлось бежать за ним со всех ног.

– Что его остановило?

– Там была машина – зеленый седан «шевроле»

Потом «шевроле» уехал, и больше я ничего не видел.

– Но ты видел, как «шевроле» отъехал от грузовика?

– Да. Я все еще не добежал до них.

– И Акиста – водитель грузовика – сидел в «шевроле»?

– Да, на переднем сиденье.

– Он вел машину?

– Нет.

– А кто?

– Вы мне не поверите. Я понимаю, что это выглядит нелепо.

– И все-таки скажи.

Боузи поднял руку и указал на тележку, где лежала Энн Майер.

– По-моему, это была она.

– Ты видел, как эта женщина увезла Акисту от грузовика в четверг?

– Я же говорил, что вы мне не поверите.

Трелор мрачно покачал головой:

– Вам придется придумать что-нибудь получше. Эта женщина мертва уже неделю.

– Ты сам видел ее труп в ночь с понедельника на

вторник, – напомнил я.

Боузи пронзительно затараторил:

– Что толку доказывать? Вы не верите, когда я говорю правду. Вы шайка ублюдков! Вы все заодно с шерифом – пытаетесь мною прикрыться! Давайте запихивайте меня в газовую камеру! Я не боюсь умереть! Меня тошнит, когда я дышу с вами одним воздухом!

Охранник ударил его по лицу.

– Потихе, парень. Ты чересчур разорался.

Я встал между ними.

– Что там насчет шерифа?

– Он был на перевале, когда я вел грузовик. Сидел в своем чертовом «меркьюри» и притворился, будто не видит меня. Даже голову не повернул, когда я проезжал мимо. Теперь я понимаю, он сделал это нарочно, чтобы мне пришили убийство.

– Никто тебе ничего не пришьет, если ты говоришь правду.

– Да ну? Вы все у него на поводке.

– Только не я. И мне приходилось перерезать поводки и покрепче.

– Ради кого? Ради таких, как я?

Это был трудный вопрос.

Дейнло заглянул в комнату.

– Что у вас тут за шум?

– Ничего особенного. Уэстмор здесь?

– Он ушел.

– Ушел?

– Да, по делам.

Я шагнул в коридор.

– Нашел время уйти.

– У него была причина. Майер ждет его в здании суда. – Он с довольным видом засунул за пояс большие пальцы. – Я только что арестовал Майера.

– По какому обвинению?

– В убийстве. Вчера вечером я пришел к Майеру домой и попросил разрешения пошарить там. Я прикинул, что ищу следы его дочери. Он не возражал. Вероятно, не знал, что можно сделать со старыми пулями. Их было полным-полно в его подвальном тире. Я выковырял их из досок, куда он приколот мишени. Большинство были настолько расплющены, что толку от них никакого. Но несколько пуль сохранились достаточно хорошо для обследования под микроскопом. Я только недавно закончил с ними возиться. Некоторые были выпущены из револьвера 38-го калибра. А одна так хорошо сохранилась, что я смог сравнить ее с пулями, извлеченными из жертв. Они выпущены из одного и того же оружия – в том числе та, которая убила Энн Майер.

– Вы уверены?

– Могу доказать это в суде. Потом я покажу вам увеличенные микроснимки. Я могу это доказать, даже если мы никогда не найдем оружие. У Майера был

револьвер 38-го калибра, зарегистрированный на его имя. Я спросил о нем, когда арестовал его. Он сказал, что у него револьвера нет, и наплел мне какую-то небылицу.

– Какую?

– Сказал, что прошлой осенью одолжил его дочери и так и не получил назад. Врет, конечно.

– Вчера я тоже так думал. Но теперь я в этом не уверен.

– Не сомневайтесь – врёт. У него нет выхода. Он не имеет алиби ни на одно из убийств. В воскресенье, когда прикончили Энни, старик весь день был один и запросто мог съездить на озеро. Майер заявляет, что его алиби на четверг может подтвердить старшая дочь. Но она была у него дома с пяти вечера, а он вернулся только после семи. Он сам это признает – говорит, что ездил прокатиться после работы. На время убийства Керригана у него тоже нет алиби.

– Но нет и мотива.

– Есть. Акиста и Керриган оба путались с Энни. – Его тонкий нос наморщился, словно учуяв худший запах, чем йодоформ. – А Майер сам едва не изнасиловал собственную дочь.

– Любопытно, – заметил я. – Вы рассказывали об этом шерифу?

Дейнло впервые выглядел смущенным.

– Я еще не видел его. Мне не хотелось вынуждать

его арестовывать своего тестя. Я решил действовать через его голову и все сообщил Уэстмору.

– И Уэстмор с вами согласился?

– Конечно. А вы разве нет?

– Я хочу еще кое-что выяснить. Майер ездит на «линкольне», не так ли?

– Да. У него есть и другая машина – старый «шевроле», которым он пользуется для перевозок.

– Зеленый седан?

– Да. Я собираюсь заняться этими машинами. Наверняка одну из них видели вблизи места одного из преступлений.

– Могу избавить вас от лишних хлопот. Поговорите с заключенным в этой комнате. Спросите его о машине, в которой Акиста ехал в четверг.

Дейнло повернулся к двери. Я двинулся в другую сторону.

Глава 31

Хильда Черч открыла входную дверь и робко выглянула наружу. В стеганом хлопчатобумажном халате она походила на обычную молодую хозяйку дома в пригороде, которую оторвали от утренней уборки. Но в ее полупрозрачных, бледно-зеленых, как вода в глубинах океана, глазах застыло напряжение.

– Ваш муж дома, миссис Черч?

– Нет. Боюсь, что нет.

– Я подожду его.

– Но я не знаю, когда он вернется.

– Это не важно. Я должен кое-что обсудить с вами.

– Простите, но сейчас мне не хочется ни с кем говорить.

Она попыталась закрыть дверь, но я придержал ее.

– Вам лучше впустить меня.

– Нет. Пожалуйста, не надо. Брэндон рассердится, если придет домой и обнаружит здесь вас. – Она налегла на дверь всей тяжестью. – Прошу вас, уйдите. Я скажу Брэндону, что вы приходили.

– И все-таки я войду, миссис Черч.

Я толкнул дверь плечом и открыл ее. Женщина отступила в гостиную и остановилась, искоса глядя на меня. На ее шее нервно пульсировала жилка.

Я двинулся к ней. Она сделала еще шаг назад, двигаясь неуклюже, как будто тело не поспевало за ее мыслями. Остановившись у кофейного столика из красного дерева, она склонилась над ним, передвинув в центр белую фаянсовую пепельницу.

Стол, ковер и вся комната сверкали чистотой. Белая и черная мебель была расставлена с геометрической аккуратностью. Сквозь раздвижные стеклянные двери я мог видеть обнесенный белой стеной патио, где пламенели яркие цветы. В центре клумбы с пурпурными лобелиями тянуло к солнцу восковые цветы карликовое лимонное дерево.

– Что вам от меня нужно? – прошептала Хильда.

Свет из патио падал ей на лицо. Она так походила на мертвую, что я с трудом верил в реальность ее существования. Смерть состарила Энн Майер, сделав сестер почти близнецами. Время словно затормозило и повернулось назад. Беспомощная жалость, которую я испытывал к Энн, проникла мне в кровь как наркотик. Теперь я жалел нереальную женщину, стоящую, глядя на безупречно аккуратный кофейный столик.

Она сама не сознавала, что делает. Я должен был вернуть к действительности ее, а заодно и себя самого, хотя предпочел бы выстрелить ей в голову.

– Вы убили вашу сестру из револьвера вашего отца. Хотите поговорить об этом сейчас, миссис Черч?

Хильда посмотрела на меня. Сквозь водянистые зе-

ленные глаза я словно читал ее мысли, скользящие подобно теням неведомых существ.

– Я любила сестру, – заговорила она. – Я не хотела...

– Не хотели, но сделали.

– Это был несчастный случай. Револьвер выстрелил случайно. Энн молча посмотрела на меня, потом упала на пол...

– Почему же вы застрелили Энн, если любили ее?

– Это ее вина. Она не должна была уезжать с ним. Я знаю мужчин – вы, как животные, не в состоянии сдерживаться. Но женщины – другое дело. Она не должна была позволять ему... с тех пор, как это случилось, я все время об этом думала. Даже не могла выкроить время, чтобы поспать. Целую неделю я думала и убирала дом. Потом ходила к отцу, убирала у него, возвращалась сюда и снова убирала. Кажется, я так и не смогла навести здесь полный порядок, зато твердо решила, что во всем виновата Энн. За это нельзя порицать отца... я хотела сказать Брэндона – он мужчина.

– Не понимаю, как это произошло, миссис Черч. Вы помните это?

– Не слишком хорошо. Я все время думала – у меня не было времени вспоминать.

– Это случилось в воскресенье?

– В воскресенье рано утром, на озере. Я поехала туда поговорить с ней. Она была настолько легкомысленна, что не сознавала, какое зло причиняла мне.

Было нужно, чтобы кто-нибудь привел ее в чувство. Я не могла позволить, чтобы это продолжалось. Я должна была что-то сделать.

– Значит, вы тогда знали об этом?

– Я знала уже несколько месяцев. Я видела, как Брэндон смотрит на Энн и как она себя ведет. Когда он сидел в кресле, она норовила пройти близко от него и коснуться юбкой его колена. А потом они стали тайком вместе уезжать на уик-энд. В прошлую субботу они снова это проделали. Брэнд сказал, что у него встреча в Лос-Анджелесе. Я позвонила в отель и узнала, что его там не было. Он был с Энн, правда, я не знала где. А после полуночи сюда заявился Тони Акиста и поднял меня с кровати, хотя я все равно не спала. Когда он все мне рассказал, я сразу представила себе их двоих в летнем доме у озера...

Она прижала руки к груди.

– Продолжайте, – сказал я. – Что вам сообщил Акиста?

– Он следовал за Энн к озеру Перидида и видел ее с Брэндом. Они лежали на медвежьей шкуре. В камине горел огонь, и они были голые. Тони сказал, что Энн смеялась и звала Брэнда по имени. Тони был пьян и ненавидел Брэнда, но я знала, что он говорит правду. После его ухода я просидела всю ночь, думая, что мне делать. Когда зазвонили колокола к утренней мессе, это было для меня знаком. Пока я ехала к озеру и

разговаривала с Энн, они все время звенели у меня в ушах, словно мои свадебные колокола. Мне пришлось кричать, чтобы слышать себя. Они не умолкали, пока револьвер не выстрелил...

Она вздрогнула, словно пуля пронзила ее плоть.

– Где был ваш муж, когда это произошло?

– Его там не было. Он ушел, прежде чем я туда добралась.

– Где вы взяли оружие? У вашего отца?

– Это был револьвер отца. Но его дала мне Энн.

– Ваша сестра?

– Да. – Хильда кивнула маленькой птичьей головой. – Я знала, что он у нее. А когда револьвер оказался в моей руке...

– Почему она отдала его вам?

– Не знаю. Честное слово. Не могу вспомнить. – Ее лицо было лишено всякого выражения. – Я пытаюсь припомнить, но только вижу перед собой лицо Энн и слышу звон колоколов. Револьвер выстрелил, и я пришла в ужас, оставшись там наедине с ее телом. На секунду мне показалось, будто это я лежу мертвой на полу. Я убежала.

– Но вы вернулись?

– Да, в понедельник. Я хотела... хотела обеспечить Энн достойные похороны. Мне казалось, что если я смогу ее похоронить, то не буду постоянно вспоминать, как она лежала там...

- И Керриган наткнулся на вас с телом сестры?
- Да, он пришел, когда я пыталась перенести Энн в ее машину. Мистер Керриган предложил помочь мне. Он сказал, что не может допустить, чтобы она оставалась здесь, так как его заподозрят в убийстве. Он отвез меня в лес, где я могла ее похоронить. Но этот ужасный старик шпионил за нами. – В ее глазах мелькнул гнев – мимолетный и бессмысленный, как гнев ребенка. – Это его вина, что я не смогла достойно похоронить сестру. Из-за него я упала и повредила колено.
- И потеряла каблук?
- Да. Откуда вы знаете? Энн и я носили обувь одного размера и стиля, поэтому мистер Керриган сказал, что, если я поменяюсь с ней туфлями, никто не заметит разницу. Я оставила туфли Энн в ее квартире, когда мы пришли туда, чтобы уничтожить улику.
- Какую улику?
- Мистер Керриган не объяснил мне – он только сказал, что в квартире у Энн есть улика против меня.
- Скорее против него. Ваша сестра его шантажировала.
- Нет, вы ошибаетесь. Энн не была способна на такое. Она не хотела быть плохой.
- Никто не хочет, миссис Черч. Но зло вползает в людей.
- Вы не понимаете. Мистер Керриган помогал мне. Он сказал, что было бы несправедливо, если бы я по-

страдала из-за... из-за ошибки. Энн. Она лежала в багажнике машины, и он предложил отвезти Энн туда, где ее долго не найдут.

– А чего он хотел от вас в обмен на свою помощь? Еще одного несчастного случая?

– Я не помню. – Но она отвела взгляд.

– Я вспомню за вас, – сказал я. – Керриган велел вам выйти на шоссе в четверг ближе к вечеру. Вы должны были остановить грузовик Акисты и выманить его из кабины. Вы отправились в дом отца, чтобы обеспечить себе хотя бы относительное алиби и позаимствовать его «шевроле». Почему вы воспользовались отцовской машиной?

– Мистер Керриган сказал, что Тони наверняка узнает ее.

– Он обо всем подумал – почти обо всем. Но Керриган не знал, что у вас была причина убить Акисту. Или знал?

– Какая причина? Не понимаю.

– Акиста мог догадаться, если уже не догадался, что вы убили вашу сестру.

– Пожалуйста, не произносите этого слова. – Она дико озиралась, как будто я выпустил из рукава летучую мышь, которая могла вцепиться ей в волосы. – Вы не должны так говорить!

– Это правильное слово, миссис Черч. Оно подходит ко всем трем выстрелам. Вы убили Акисту, чтобы за-

ставить его молчать. Вы столкнули его в кювет и вернулись в дом вашего отца, чтобы укрепить свое алиби. Теперь против вас мог свидетельствовать только один человек – Керриган.

– В ваших устах это звучит так, будто я все заранее планировала, – жалобно произнесла она. – Но это было не так. Когда Тони сел в машину, я сказала ему первое, что пришло в голову: что с отцом произошел несчастный случай. Я не собиралась убивать Тони. Но он увидел револьвер на сиденье, что-то заподозрил и попытался схватить его. Я его опередила. Но я не могла одновременно вести машину, следить за ним и держать оружие. Он снова ухватился за револьвер.

– И револьвер снова выстрелил?

– Да. Тони свалился на сиденье и стал дышать так странно. – Ее плечи обмякли, а дыхание заклокотало в горле, словно иллюстрируя повествование. – Я не могла слышать эти звуки, не могла видеть кровь. Поэтому я вытолкнула Тони из машины.

– Но оружие выстрелило и в третий раз, – заметил я. – Помните – в кабинете Керригана?

– Да, помню. – Ее голос стал тверже, а взгляд – более осмысленным. Казалось, признание привело ее в чувство. – Первые два выстрела были несчастными случаями, хотя я знаю, что вы мне не верите. Но мистера Керригана я убила, потому что вынуждена была это сделать. Он обо всем рассказал Брэнду. Я должна

была помешать ему рассказать другим людям. Брэнд запер меня в тот вечер, но ему пришлось уйти, а я разбила окно и отправилась в мотель. Мистер Керриган был у себя в кабинете – я вошла туда и застрелила его. Мне очень не хотелось это делать после того, как он мне помог, но у меня не было выхода.

Я посмотрел в зеленую глубину ее глаз, думая, хотела ли она вложить в свои слова иронический смысл, или это получилось невольно. Женщина была мрачна и сурова, как судья в черной мантии.

– Три убийства тремя выстрелами своего рода рекорд. Где вы научились так хорошо стрелять?

– Отец учил меня, и Брэндон брал меня в тир. Иногда я выбивала сотню очков, стреляя по силуэту.

– Где оружие, которым вы воспользовались?

– У Брэндона. Он нашел револьвер там, где я его спрятала. Я рада, что он его обнаружил.

Я вопросительно посмотрел на нее.

– Не хочу, чтобы случилось что-нибудь еще, – объяснила она. – Я ненавижу насилие и убийства. Всегда ненавидела. Когда я была девочкой, то даже не могла похоронить мертвую кошку или вытащить мышь из мышеловки. Пока оружие оставалось у меня, я не могла бы успокоиться.

– Другие тоже.

Она не слышала меня. На ее лице застыло выражение, которое я видел в четверг вечером, – испуганное

и выжидающее. На подъездной дорожке остановилась машина.

Глава 32

Я поджидал Черча с револьвером в руке. Его лицо под полями шляпы выглядело изможденным и осунувшимся. Рука метнулась к оттопыренному карману пиджака.

– Так я и знал, что это вы, – сказал он.

– Вам следовало застрелить меня, когда у вас был шанс. Теперь я бы на вашем месте не пытался это сделать. Ваша жена выбивала сто очков, стреляя по силуэту, а я обычно выбиваю девяносто девять беглым огнем.

– Я не собираюсь с вами соревноваться, Арчер. Не хочу иметь вашу кровь на своих руках.

– Тогда покажите мне ваши руки.

Черч протянул руки ладонями вверх и поморщился, когда я вытащил оружие у него из кармана. Это был голубоватый стальной револьвер 38-го калибра. Рукоятка была скользкой от частого использования. Я повернул смазанный барабан – револьвер был полностью заряжен.

– Возьмите его, – сказал Черч. – Это тот, что вам нужен.

Он перевел взгляд с оружия на жену. Она стояла, прислонившись к стеклянной двери в патио. Ее зеле-

ные глаза переполняла жалость, и меня интересовало, о ком она горюет. О себе самой?

– Ты рассказала ему, Хильда?

Женщина молча кивнула.

– Значит, вы все знаете.

– Да. Где вы были?

– На шоссе. У меня возникла детская мысль бежать, все бросить и начать где-нибудь новую жизнь.

– Но тем не менее вы вернулись?

– Да, вернулся. Я понял, что не смогу бросить самого себя и буду вынужден жить с самим собой, где бы я ни находился. Веселенькая перспектива. – Он попытался сардонически усмехнуться, но лицо его исказила боль. – Конечно, дело не только в этом. Я не мог уехать, предоставить Хильде одной отвечать за все. Я виноват больше, чем она.

Хильда застонала. Ее лицо походило на лицо статуи под дождем.

– Пожалуйста, Брэндон, позволь мне выйти. Я не могу слышать, как ты говоришь такое.

– Ты не попытаешься убежать?

– Нет.

– И не причинишь себе вреда?

– Нет, Брэндон, обещаю.

– Хорошо. Выйди ненадолго. – Он повернулся ко мне, когда стеклянная дверь патио задвинулась за ней. – Не беспокойтесь, она не выйдет из патио. Ей

нравится там, и у нее осталось мало времени.

– Вы все еще любите ее?

– Она мне как ребенок – в этом все и дело, Арчер. Я не могу винить ее. Она не отвечает за свои поступки. Это я виноват во всем. Хильда действовала, повинаясь импульсу, почти не ведая, что творит. Зато я с самого начала отлично знал, что делаю. Теперь придется расплачиваться. – Он посмотрел на свои большие ладони. – В четверг вечером Керриган рассказал мне, что она сделала, когда мы были в мотеле, он отпустил несколько грязных намеков. Позже я пришел к нему домой, и он все мне выложил. Тогда я впервые узнал, что Энн мертва.

Я не пытаюсь оправдаться, хотя думаю, что вряд ли пошел бы на это, если бы подумал как следует. Но Керриган меня оглушил. Я не был подготовлен к такому. Последний раз я видел Энн солнечным утром на озере, и мы с ней были счастливее, чем когда-либо. – На его лбу выступили капли пота, и он раздраженно смахнул их. – Черт возьми, я впадаю в жалость к себе. Это мой главный порок.

Но в ту ночь в доме Керригана я словно пережил землетрясение. Вся моя жизнь встала на дыбы и обрушилась на меня. Моя любимая мертва. Моя жена убила ее и совершила еще одно убийство. Керриган ничего не упустил – он сообщил все подробности, чтобы сломить мое сопротивление. Я не верил ему, пока не

расспросил Хильду. Она призналась во всем, что смогла вспомнить.

В ту ночь я не видел никакого выхода. И сейчас не вижу. Я отправился на дорогу через перевал и сделал все, чего хотел от меня Керриган. Вы все правильно поняли, Арчер. – Казалось, слова с трудом даются ему. – Я отпустил моих людей и позволил негодяю убраться из моего округа. Этого поступка я стыжусь больше всего на свете.

– Он снова в вашем округе.

– Знаю. Но это ничего не меняет.

Осознав, что все еще сжимаю в руках револьверы, я спрятал их в карманы, с глаз долой. За последние несколько минут мое мнение о Черче резко изменилось. Конечно, он вел беспорядочную жизнь и легко поддавался страстям. Но он был по-своему честен.

– Я поступил бы так же, – сказал я.

– Но вы не полицейский офицер и не давали присягу. Да и с чего это вы запели по-другому?

– Вчера я был не прав. Я сожалею о своих словах. Забудьте их.

– Я не могу забыть правду. Последние сорок часов я гонял по дорогам, притворяясь, будто занят работой. В действительности я искал Энн. Керриган не сказал мне, где она – это помогало ему надежнее держать меня на крючке. Ну, а теперь все кончено. Полагаю, Уэстмор выдвинет против меня официальное обвинение.

– Нет, если я смогу этому помешать. А я его главный свидетель.

Он удивленно посмотрел на меня.

– После всего, что я сделал?

– После всего, что вы сделали.

– Вы необыкновенный человек, – медленно произнес он.

– А вас так мучит совесть, что вы испытали бы удовлетворение от публичного позора, отбывая наказание в вашей же тюрьме. Естественно, вы чувствуете вину. Вы действительно виноваты. Вы совершили несколько скверных ошибок. Самое худшее то, что вы оставили Хильду на свободе, зная, что она совершила убийство. Керриган не потеря ни для кого, но на его месте мог оказаться кто-то другой.

– Я знаю, что не должен был оставлять ее в ту ночь. Но Керриган заставил меня поехать к перевалу. Мне следовало отправить Хильду в психиатрическую лечебницу. Но я не смог этого сделать, так как чувствовал себя виноватым.

Его взгляд скользнул к стеклянной двери. Хильда стояла в патио, глядя на лимонное дерево с белыми цветами. Она выглядела растерянной, словно по ошибке забрела в чужой сад. Черч издал нечленораздельный звук, снял шляпу, швырнул ее в стену и сел на железный стул, закрыв лицо руками. Я сел напротив него.

Когда он открыл лицо, морщины на нем стали глубже. Он стиснул руки молитвенным жестом, стараясь унять дрожь. Несмотря на мятый деловой костюм, он походил на оборванного святого с картины Эль Греко.

– Хильде придется провести много времени взаперти, – сказал я. – Место заключения зависит от того, вменяема она или нет. Как по-вашему?

– Не знаю, что скажет жюри. Конечно, она эмоционально неуравновешенна – вы сами видите. Хильда нигде не была полностью нормальной с тех пор, как я с ней познакомился. Очевидно, это одна из причин, по которой я на ней женился. Жизнь в доме Майера буквально сводила ее с ума. Некоторым людям необходимо быть нужными. Я один из них.

Теперь я понимаю, что в этом качестве больше слабости, чем силы, и оно не слишком хорошая основа для брака. Но почти десять лет это срабатывало, и если бы у нас были дети, то могло срабатывать и дальше. Но я не смог сдержаться... – Его взгляд был устремлен на меня, но он, казалось, меня не видел. – Трудно долгие годы заставлять себя хотеть того, что тебе не нужно, и держаться подальше от того, чего больше всего желаешь.

Я хотел сына, – продолжал он, – но Хильда не могла мне его дать. Наша совместная жизнь стала пустой. Мы пытались заполнить ее новым домом, мебелью... – Он окинул взглядом залитую солнцем комнату. – Но

это не приносило радости. Я больше не любил Хильду, и не думаю, что она когда-нибудь любила меня. В ее сердце было слишком много страха, чтобы уметь любить.

– Чего же она боялась?

– Думаю, это началось с отца, а потом распространилось на все остальное, включая меня. – Он глубоко вздохнул. – Иногда у нее был взгляд, как у дикого животного, которое я был должен кормить и приручать. Пока я мог дарить ей свою любовь, она была в безопасности. Почти десять лет мне удавалось поддерживать ее в почти нормальном состоянии. Но потом я сорвался. Это моя вина – я переоценил свои силы.

Черч ударил по бедру ребром ладони, словно разрубая на куски свою жизнь.

– Думаю, меня потянуло к Энн с первого же раза, когда я ее увидел. Я не отдавал себе в этом отчета, когда она жила с нами, да и долгое время после того. Она была совсем молоденькой, и я не собирался повторять то, что сделал ее отец. Энн была мне как дочь, – правда, когда она подросла, то стала блудной дочерью. Во мне было слишком много от пуританина, чтобы я мог одобрять ее поведение. Но она обладала тем, чего мне не доставало – весельем, умением любить смеясь, а не плача. Энн была похожа на Хильду и в то же время совсем другая. Как две стороны одной монеты.

Прошлой весной, когда зазеленели холмы, я стал

мечтать о ней. Еще бы – брачный сезон. – Черч иронизировал над собой, как старик, вспоминая бурную юность, но в его голосе слышалось воодушевление. – Я придумывал способы встретить ее на улице или убедить Хильду пригласить ее к нам. Но когда Энн приходила, я боялся к ней приближаться. Она была так хороша...

Конечно, я мог остановить себя. Но меня подстрекала... любовь, плоть, снисходительность к собственным слабостям – можете называть это как хотите. Я думал, что заслуживаю большего, чем имею. Вот я и получил большее. И не я один.

В июне мы втроем поехали к океану на уик-энд. Я не хотел брать ее. Я боролся с собою и знал, что проиграю, но Хильда настаивала. Думаю, ей хотелось увезти Энн подальше от Керригана. В первую же ночь после нашего приезда туда у Хильды разыгралась мигрень. Мы с Энн оставили ее в мотеле и пошли прогуляться на пляж. Долгие годы – с тех пор, как она выросла, – мы не были с ней наедине. Вот тогда все и случилось...

Услышав звуки в патио, я поднялся и подошел к двери. Хильда, стоя на коленях, выдергивала сорняки, растущие у края клумбы.

– Это было мое преступление, – услышался за моей спиной голос Черча. – Я разлюбил Хильду и отдал свою любовь ее сестре. Энн тоже влюбилась в меня.

Мы использовали любую возможность, чтобы побыть вместе. Я уезжал на ночь с Энн, а Хильда ждала моего возвращения и смотрела на меня глазами раненого животного. Она никогда не говорила ни слова об Энн и не задавала мне вопросов – только снова ушла в себя, как до нашего брака. Думаю, я хотел, чтобы это случилось. Временами я желал, чтобы она окончательно лишилась рассудка, чтобы я смог жениться на Энн и иметь от нее детей... – Его голос дрогнул. – Кое-что из моих желаний исполнилось.

– А Хильду никогда не госпитализировали?

– Один раз – в первый год нашего брака. Она пыталась покончить с собой. Ее десять дней обследовали в окружной больнице. Хильда ждала ребенка, и врачи приписали попытку самоубийства ее беременности. Она сказала мне, что не хочет приносить младенца в этот мир, и в ту же ночь приняла большую дозу снотворного. Ей вовремя промыли желудок.

Я мог не забирать ее из больницы – врачи оставили это на мое усмотрение. Но мне казалось, что дома я смогу обеспечить ей лучшую жизнь. К тому же она носила моего ребенка.

– И что стало с ребенком?

– Она его потеряла. После этого ее состояние улучшилось.

– А ей когда-нибудь лечили психику?

– Время от времени она принимала какие-то таблет-

ки, которые ее поддерживали.

– Ну, это отличный фон для признания ее невиновной на основании психического заболевания. Скажите, она заранее планировала убить Энн?

– Нет, это было непреднамеренное убийство. Я могу это доказать, если мне поверят. У нее не было оружия, когда она поехала туда.

– Да, она мне говорила, но я не знал, правда ли это.

– Правда. Хильда взяла револьвер у Энн или нашла его в летнем доме. В субботу вечером я видел его на комодке и предупредил Энн, чтобы она не бросала где попало заряженное оружие. Но она не позволила мне разрядить револьвер, считала, что он ей нужен для защиты.

– От Хильды?

– Сомневаюсь. Она никогда не боялась Хильду.

– И напрасно. По словам Хильды, Энн сама дала ей оружие. Для вас в этом есть какой-то смысл?

– Мне она тоже так сказала. Но Энн не стала бы это делать.

– Конечно. Она ведь знала, что Хильда пыталась покончить с собой.

Я двинулся к двери. Хильда по-прежнему стояла на коленях, но теперь она рвала не сорняки, а красные лобелии, бросая их на землю.

Черч пронесся мимо меня в патио.

– Хильда! Что ты делаешь?

Она посмотрела на нас через плечо. Ее лицо было влажным и красным.

– Мне не нравятся эти цветы. Они стали некрасивыми. – Бросив взгляд на лицо мужа, она испуганно отпрянула. – Все в порядке, папа... я хотела сказать, Брендон?

– Все в порядке, Хильда, – ответил он после паузы. – Делай с цветами что хочешь. Они твои.

– Можно задать вам вопрос? – заговорил я. – Об Энн.

Она поднялась, откинув волосы грязной рукой.

– Но я же рассказала вам об Энн. Это был несчастный случай. Я взяла револьвер, и он выстрелил. Энн посмотрела на меня и упала на пол.

– Каким образом оружие оказалось у вас?

– Энн дала его мне, – ответила она. – Я же говорила.

– Почему она дала его вам? Не помните, она что-нибудь сказала?

– Что-то припоминаю.

– Постарайтесь вспомнить, миссис Черч.

– Энн смеялась надо мной. Я сказала, что, если она не оставит папу в покое, я убью себя.

– Оставит в покое вашего отца?

– Нет. – Ее взгляд был озадаченным. – Брэндона.

Энн пошла в спальню, принесла револьвер и протянула его мне. «Можешь убить себя, – сказала она. – Это твой шанс. Он заряжен». – Хильда сделала паузу,

словно прислушиваясь. – Но я убила не себя, а ее.

Позади раздался стон Черча. Я повернулся. Он выглядел как человек, еле выживший после долгой болезни. Над его головой пролетела колибри, похожая на разноцветную пулю. Он наблюдал за птицей, пока она не скрылась в небесной лазури.

Его жена вырывала последние цветы из влажной земли. Когда прибыла полицейская машина, клумба была опустошена, и Хильда начала обрывать лимонное дерево. Черч промыл и перевязал кровоточащие руки жены, прежде чем ее увели.